

~~1-2-3-4-5-6-7-8-9-10-11-12~~

пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 10

**ОКТАБРЬ
1 9 3 3**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3-й год издания

А. Панкратова

СЕДЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В ВАРШАВЕ

1

Седьмой международный конгресс исторических наук состоялся 21—28 августа 1933 г. в Варшаве.

От Первого конгресса, бывшего в 1889 г. в Париже, нынешний конгресс отделяет целая историческая полоса, характеризующаяся чрезвычайно большими переменами в положении буржуазии и в развитии ее идеологии.

В 1889 г. буржуазная историография, родившаяся в великих классовых битвах XVIII и начала XIX в., торжественно праздновала по случаю 100-летнего юбилея Великой французской революции свое вступление в полосу длительно-устойчивого господства и «органического» развития. Правда, это господство было и тогда относительным, поскольку революции 1848—1871 гг. дали знать всему миру о том, что на политическую арену выступает новый класс—пролетариат, несущий новую революционную идеологию—марксизм.

Последовавшие затем революция 1905 г., мировая империалистическая война и Октябрьская революция 1917 г. внесли новые грандиозные перемены в политическое положение буржуазии и в развитие ее идеологии.

Грозным предостережением господству буржуазии явился факт диктатуры пролетариата и успешного строительства социализма в СССР. Идеологические позиции буржуазии оказались сбитыми непрерывно растущим распространением и упрочением идей революционного марксизма.

Конгресс историков в Осло в 1928 г. был уже отмечен влиянием усиливающегося во всем мире всеобщего кризиса капитализма и одновременно явился свидетелем роста успехов социализма в Советском союзе, делегация которого впервые появилась на международном историческом конгрессе, открыто противопоставив марксизм буржуазной исторической науке.

До тех пор международные конгрессы историков протекали в обстановке парадных, праздничных встреч официальных историков буржуазных стран, полностью отражая политические симпатии и антипатии правящих групп буржуазии.

В 1903 г. состоялся Второй международный конгресс в Риме, где историкам была предоставлена полная возможность наслаждаться историческими воспоминаниями у руин римского Капитолия и переживать эстетические чувства перед шедеврами Микель-Анджело. Политически растущей итальянской буржуазии, стремящейся к самостоятельной роли в концерте великих держав, эстетические переживания историков могли помочь протянуть исто-

рическую нить от могущества Римской империи к маячившему идеалу новой крупной империалистической державы.

Каждая группа историков была представлена на конгрессе в Риме как национальная делегация, находящаяся под официальным покровительством правительства своей страны. Только польские историки, принадлежавшие тогда к трем различным государствам, не могли представлять единой польской государственности. Историки царской России на Римском конгрессе не присутствовали вовсе. Официальная русская историческая наука не посылала еще своих представителей для демонстрации верности принципам «самодержавия, православия и народности». После революции 1905 г. русские историки появляются на конгрессах, хотя и не в качестве официальных, правительственных делегатов.

На Третьем международном конгрессе в 1908 г. в Берлине появляется от Российской академии наук проф. Лаппо-Данилевский и совершенно не фигурируют польские историки, переживавшие период наиболее яростных гонений и репрессий и со стороны царского самодержавия и со стороны германо-австрийских притеснителей.

Четвертый исторический конгресс состоялся в 1913 г. в Лондоне, где тот же академик Лаппо-Данилевский сделал доклад на тему «Идея государства в ее развитии в России от смуты XVI века до реформы 1861 года». На этом конгрессе Лаппо-Данилевский сделал предложение об организации следующего, пятого конгресса в Петербурге и стал во главе Организационного комитета по его подготовке. Война сделала невозможным созыв этого конгресса, как и вообще сделала невозможным какие бы то ни было интернациональные связи буржуазии, разбившейся на два воюющих империалистических лагеря. Международные конгрессы перестали созываться. Лишь с окончанием войны была сделана попытка созвать конгресс в 1923 г. в Брюсселе, где господствующей оказалась англо-французская группа историков. Немецкие и советские историки не были приглашены вовсе. Зато польские историки на этом конгрессе впервые представляли независимую, государственно восстановленную буржуазную Польшу. Они были представлены в большом количестве и весьма активно демонстрировали свои симпатии «героической Бельгии», сделавшей конгресс историков не только свидетелем разрушений, полученных ею во время войны, но и представившей на «суд истории» свои претензии к германскому империализму.

Первым после войны действительно международным конгрессом историков, на котором присутствовали и немецкая и советская делегации, был конгресс в Осло в августе 1928 г. И этот конгресс, как и его предшественники, носил явную печать тех разногласий, которые раздирали империалистический мир.

Из 700 делегатов, представлявших 40 стран, французы имели 144 делегата, поляки—54, т. е. обе союзные страны имели 30 проц. всего состава конгресса. Из 360 докладов французы имели 75 и поляки—42, вместе—177, т. е. опять 30 проц. Совместные выступления и взаимная поддержка вносимых французской и польской делегациями предложений наложили свой отпечаток на его политическую физиономию.

Таким образом все рассмотренные нами конгрессы историков своим флагом «исторической объективности» охотно прикрывали политические интересы буржуазии той страны или той группы стран, которая на данном этапе господствовала в концерте «великих держав».

2

Каково же было политическое значение Варшавского исторического конгресса? Ответ на этот вопрос непосредственно связан с выяснением—хотя бы в самых общих чертах—международной обстановки и тех задач, которые ставит буржуазия в этой обстановке перед исторической наукой.

Советская делегация на VII международном конгрессе в Варшаве. Сидят (слева направо): проф. А. М. Панкратова (Москва), акад. В. П. Волгин (Ленинград), акад. Н. С. Державин (Ленинград). Стоят: проф. П. Ф. Преображенский (Москва), акад. Н. М. Лукин (Москва), проф. П. О. Горин, през. Академии наук (БССР)

Соотношение сил на исторических конгрессах после войны, как и в Международном историческом комитете, отражает политическое соотношение сил в международном масштабе, являясь как бы «историческим» изданием Лиги наций.

Конгресс в Варшаве в этом отношении не представлял исключения. Он отражал с большой четкостью нынешнее соотношение сил в империалистическом лагере. Последнее сказалось в том факте, что, несмотря на свою численность, французская делегация уже не пользовалась тем безраздельным влиянием, какое она имела в Осло. Гораздо большим почетом пользовалась «маленькая, но импозантная», по характеристике польских газет, английская делегация во главе с проф. Темперлеем. Повышенным влиянием на конгрессе пользовалась также и итальянская делегация. И, разумеется, совсем особое положение занимала польская делегация, поскольку конгресс происходил в Польше и имел большое значение для ее внешней политики.

Азбуку марксизма, что история—самая политическая из наук, буржуазия не только знает, но и умеет использовать, хотя весь арсенал аргументов о необходимости исторической «объективности», «аполитичности» и «беспартийности» науки извлекается ею при каждом удобном случае. Впрочем декорация некоторой условной «объективности» украшала только аудитории Политехникума, где ученые-историки всего мира в интересах «объективной» науки читали свои доклады, ограничив свою тематику хронологическими рамками довоенного времени. Уже за их пределами—в выступлениях в прессе, на приемах и банкетах, как и во всех официальных декларациях ярко политическое значение исторического конгресса для международного положения Польши подчеркивалось совершенно открыто.

С наибольшей откровенностью подчеркнул это политическое значение конгресса «Наш пшеглонд» (от 28 августа):

«Собравшийся 21 августа съезд ученых не представляет для обыкновенных граждан никакого значения, но для государства это бенефис пропаганды министерства иностранных дел, который принуждает высоких государственных людей произносить речи и взаимные комплименты...»

Этими взаимными комплиментами между историками и политиками конгресс открылся и ими же закончился. В большой приветственной речи, которой открыл конгресс премьер-министр т. Енжеевич, на тему «О созидаателях и исследователях истории» указывалось на необходимость теснейшего союза между теми, кто «исследует историческую правду», т. е. историками, и теми, «кто творит правду живую, правду истории», т. е. политиками, ибо «как тот, кто судит о прошлом, так и тот, кто сам будет предметом суждения будущих поколений, держат руку на пульсе человечества».

«Я вижу,—говорил министр в речи, вызвавшей овацию конгресса,— как они (ученые и политики), хотя взоры их обращены в противоположные стороны, подают друг другу руки и как в основе этого союза лежит одно и то же стремление—узнать судьбу и назначение человека!» («Курьер пораный» от 23 августа).

В несколько более прозаических выражениях и более конкретно писала о политической важности исторической науки вообще и Варшавского конгресса в частности вся польская пресса.

«Историки действительно в наше время играют важную и ответственную роль,—писал в лодзинской «Республике» д-р Тадеуш Ландецкий,—к их советам прислушиваются правительства, в их высказываниях черпается народная мудрость, с их мнениями считаются и на них основываются всякие общественные и политические факторы» («Republika» от 20 августа).

Положение историков на службе политики еще более откровенно охарактеризовал «Дзень польский», подводя по окончании конгресса его политические итоги.

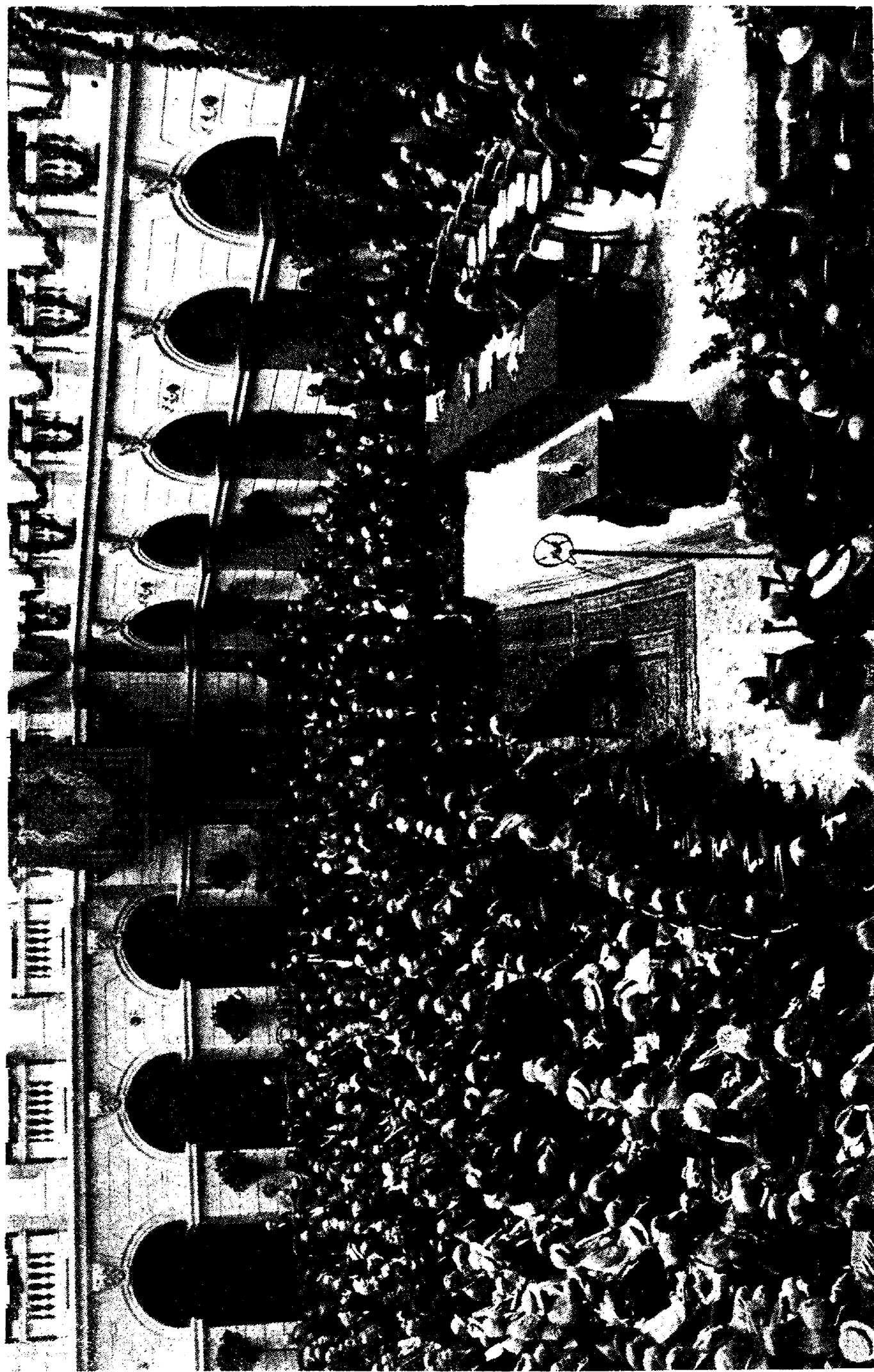
«Историки в большей степени, чем представители других наук, имеют влияние на формирование мнения не только путем своей научной деятельности, но также через свое участие в публицистике, через близкую связь с политическими и дипломатическими сферами большинства могущественных государств. Их глазами многие будут смотреть на Польшу. Хорошо, что удалось им показать Польшу в действительности и удостовериться в ценности государства и народа. Это является помимо успеха нашей науки другим важным фактором общего успеха» («Dzien polski» от 7 сентября 1933 г.).

Варшавский исторический конгресс дал повод для весьма четких и заостренных формулировок буржуазных ученых и политиков об общественной роли исторической науки и ее связи с политикой. В то время как под традиционным флагом объективности в секциях читались доклады об ассирийских письменах или о шнуровой керамической культуре, о движении хазарских племен или о культурном значении крестовых походов, вся польская печать—почти без различия оттенков—подчеркивала, что чем более удален от нас исторический факт, тем более очевидна связь истории с политикой; их союз, а иногда слияние приносят наилучшие результаты. Устранение истории от жизни угрожало бы ей потерей ее общественного *raison d'être* (смысла существования). И наоборот, использование истории является необходимым для улучшения политического положения общества.

«Правительство, которое устранило бы из своего поля зрения историю, принесло бы этим большой ущерб своей государственной политике и интересам своего народа»—такой общий вывод делался неоднократно и в различных вариациях повторялся в течение всего конгресса различными органами печати.

В чем же они видели политическое значение для Польши Варшавского исторического конгресса?

Они его видели прежде всего в том, что история должна доказать и показать право современной буржуазной Польши на ее будущее место

Открытие VII международного исторического конгресса в Варшаве

среди великих держав. Исторические исследования привлекались в качестве решающего аргумента в современных политических устремлениях Польши, в ее международных отношениях.

Указывалось также, что ученые-историки всех стран, приглашенные в Польшу, станут больше интересоваться и заниматься польской историей. С другой стороны, они будут иметь возможность путем личных впечатлений ознакомиться с культурными достижениями Польши. «Будучи среди нас, — писала «Газета польска», — осматривая выставки, музеи, наши научные достижения, не один ученый должен будет пересмотреть свои прежние взгляды, дополнить свои сведения и убедиться, что польская наука вопреки всякому противодействию была творческим достижением польского духа».

Самый факт созыва Международного исторического конгресса в Польше направил многих иностранных и польских историков на темы, так или иначе связанные с историей Польши. Исследование же исторических польских тем, как самых актуальных, так и идущих далеко в глубь истории, должно будет, по мнению польских кругов, способствовать улучшению международного положения Польши. Так например цикл докладов, посвященных вопросам Балтики, «обработанных объективно и научно, взятых в исторической перспективе, должен подтвердить то, что политики и дипломаты говорят о наших правах на морское побережье», — так комментировала официальная «Газета польска» практическое значение Варшавского конгресса.

В более «объективных» и ученых, но по смыслу в тех же выражениях комментировал значение работы иностранных историков над польскими историческими темами и председатель организационного комитета проф. Дембинский в статье «Рим—Варшава» («Pologne litteraire» от 15 августа).

«Исторические работы о Польше, — писал он, — в которых иностранные писатели должны будут констатировать многочисленные связи, соединявшие на протяжении веков нашу историю с историей Западной Европы, к которой мы принадлежим, укрепят доверие двух миров... Входя в контакт и в интимное общение с польской действительностью, они (иностранцы историки) могут спросить себя, как и почему политически угнетенная нация, лишенная своей независимости, могла сохранить свое единство, находя опору в воспоминаниях своего прошлого, черпая свои духовные силы в источнике вдохновляющих национальных традиций».

И иностранные историки, главным образом принадлежащие к господствующей в международном историческом объединении англо-французской группе, действительно живо откликнулись своими докладами, подчеркивавшими значение «польского духа» и польской истории.

Таким образом, только что закончившийся Седьмой международный конгресс исторических наук, как и его шесть предшественников, еще раз (и на этот раз гораздо откровеннее, чем когда-либо) подчеркнул значение подобного рода исторических парадов, гораздо более актуальное для внешней и внутренней политики отдельных государств, чем для интернациональной науки.

3

Исторический конгресс в Осло состоялся в начале обострения мирового экономического кризиса. Конгресс в Варшаве происходил в условиях дальнейшего расшатывания самых основ капитализма и усиливающейся социальной неустойчивости всего буржуазно-капиталистического общества. Нашла ли свое отражение эта объективная социально-экономическая обстановка в работах конгресса, в его дискуссиях и решениях?

Непосредственного и прямого отражения кризиса ни в докладах, ни в дискуссиях на конгрессе мы не найдем, но весь его ход, содержание и значение конечно могут быть поняты только, если мы учтем влияние этого важнейшего фактора современной мировой обстановки.

В зале заседания на открытии конгресса

Если бы оставаться на позиции поверхностного наблюдателя и с этой позиции заглянуть в высокие аудитории Политехникума, где точно в положенное время, утром и вечером, размеренно протекала работа секций конгресса, то, пожалуй, можно было бы действительно поверить, как описывали буржуазные корреспонденты, что в этих залах протекает тихая, но напряженная научная работа, далекая от политических тревог сегодняшнего дня.

«Кризис и пакт четырех, Гитлер и крах II интернационала перестают существовать, когдаходишь в Политехникум—этот Атеней польской науки. Это спокойствие сверхчеловеков, которые спокойно относятся к современности и дискутируют над вопросами, которых не существует для профанов»,— в таких и подобных патетических выражениях описывалась обстановка вокруг и на самом конгрессе.

Конгресс был окружен таким вниманием и заботой, таким гостеприимством и радушием, с такой готовностью в Варшаве откликались на малейшие пожелания иностранных гостей, что он для многих из них действительно был скорее культурно обставленной экскурсией с рядом праздников и парадных приемов, чем серьезным научным съездом, на котором должна быть проведена плодотворная работа интернационального значения.

Это впечатление старалась всемерно поддерживать и официальная пресса, которая писала, что именно Польша является в настоящее время наиболее благоприятной гаванью, куда может укрыться от мировых бурь и потрясений истинная наука.

«Идя в первых рядах народов и государств, которым чужды были захватнические, империалистские цели, для которых пацифизм и мир — не только фраза, Польша принимает гостей с сердечным приветом. Здесь найдут они необходимую для научной работы атмосферу мира и общественного равновесия»— писала «Газета польска». Конгресс ставил себе целью научное сближение историков всех стран и их совместную работу над важнейшими проблемами истории. Так по крайней мере официально формулировал его цели вице-президент Организационного комитета, варшавский профессор Гандельсман в своем интервью. Он указывал, что личный контакт ученых, ранее знакомых только по научным трудам, поможет исторической науке выйти за границы своих стран и распространить атмосферу приязни, доброжелательства, общественного контакта и взаимной заинтересованности между историками всех стран.

Предпосылкой для таких плодотворных результатов от встречи историков всех стран организаторы конгресса считали необходимость устранения всякого повода для политических столкновений между делегатами различных стран.

Этой цели должно было служить прежде всего ограждение тематики конгресса хронологическими рамками довоенного времени. Конгресс не должен был заниматься историей войны и послевоенного периода, чтобы не разжигать политических страстей.

Могло ли однако это устранение актуальной тематики ликвидировать возможность и опасность политических и идеологических столкновений на конгрессе? Разумеется, нет. Дискуссии по самым отдаленным эпохам и самым неактуальным проблемам иногда показывали, как неожиданно влияет столь опасная «актуальность» на историческую дискуссию вокруг самых древних периодов.

Нельзя сказать, что на Варшавском конгрессе происходила открытая борьба между различными буржуазными историческими школами и течениями.

Даже официальные историки Италии не развернули на конгрессе никаких принципиальных дискуссий по существу фашистского понимания истории, ее задач и методов. Ученые-историки фашистской Германии также не сделали ни одной открытой попытки теоретического и исторического обоснования фашистской теории, не выступив в защиту даже столь популярной в Германии расовой теории.

Прения на конгрессе редко носили принципиальный характер, вскрывающий идеологическое различие позиций и мировоззрения разных групп буржуазии. И все же конгресс отчетливо отразил политические и идеологические сдвиги международной буржуазии в направлениях ее фашизации. Это прежде всего выразилось в постановке наибольшего количества докладов националистического содержания и направления.

Характерным для этого процесса был и тот факт, что на конгрессе совершенно отсутствовали представители социал-фашистской теории и истории. Буржуазная мысль пытается и в области истории найти пути политической и идеологической консолидации фашизирующейся буржуазии. Прежде всего она ищет этой консолидации в создании единого фронта буржуазии против исторического материализма, все возрастающая популярность которого в массах и его революционизирующее воздействие на их сознание все более становятся угрозой самому существованию буржуазного порядка. С другой стороны, конгресс показал, что историческая наука, как и всякая другая наука эпоху распада капитализма, переживает тот же тупик, в каком находится и сама буржуазия.

Растерянная в условиях всеобщей неустойчивости, порожденной кризисом, буржуазная интеллигенция предъявляет сейчас особые требования к истории. Не находя опоры в настоящем, она ищет каких-то твердых корней своего существования в прошлом. В этом отношении настоящим трагизмом звучали смятенные вопросы молоденькой польской учительницы, вышедшей на трибуну в секции по преподаванию истории во время жаркого спора на тему о том, существует или не существует объективная историческая истина, обращенные ею к дискутирующим ученым профессорами:

«Скажите же, как нам быть завтра, как мы должны объяснять в школе, есть ли в истории объективная, для всех обязательная правда или ее нет? И в чем эта объективная историческая истина выражается?»

Отражая сотни тысяч таких смятенных вопросов мелкой буржуазии, ищущей опоры в прошлом, потому что она отчаялась увидеть ее в настоящем, «Курьер поранний» писал о той базе, которую должна дать современному человеку историческая наука: «Сегодня, во время общего хаоса и социальных экспериментов, когда колеблются и распадаются всякие связи, когда идеологии и общественный строй оказываются не способными к дальнейшему развитию, когда интеллект с ужасом ищет новых форм человеческого существования и общественной деятельности, эта задача (создания в историческом прошлом опоры для неустойчивого настоящего.—А. П.) действительно патетической важности».

Почему же мировой кризис толкает мелкую буржуазию к изучению прошлого и вызывает в ней такой интерес к нему? Потому что она все более и более разочаровывается в тех рецептах капиталистических политиков и в тех решениях всевозможных экономических и политических конференций, которые не только не дают никаких удовлетворительных ответов для настоящего, но и никаких надежд на будущее.

Возникающая на этой почве идеализация прошлого, где все кажется таким прочным и устоявшимся, ведет мелкую буржуазию к поискам в этом прошлом своей жизненной философии или по крайней мере ее корней. Чрезвычайно характерно то искание «исторического синтеза», которое отразил и конгресс в своих работах. «Исторический синтез» как новое откровение буржуазной исторической мысли противопоставляется историческому материализму. Эта теория—целиком продукт современного кризиса вообще и кризиса исторической науки в частности.

«Философия истории» современной буржуазии—как она излагалась в польской печати—крайне наивна и несложна. Она сводится к следующему. В XIX в. якобы существовала мистическая вера в историческое знание. В истории искали не только ответов на прошлое, но и предсказаний будущего. Потом наступил XX век с его потрясениями и социально-экономиче-

скими катастрофами (войны, революции). Вместо истории на первый план стали выдвигаться точные и естественные науки. История переживала состояние кризиса, отодвигаясь почти на положение художественного чтения, не имеющего научного и практического значения. Но после войны некоторые страны стали все чаще использовать историю в политических целях, превращая ее в орудие классовой борьбы или для восхваления принципа расы. Сейчас—делается отсюда вывод—должно быть пересмотрено отношение к общественной роли истории. И это требование «пересмотра» естественно для буржуазии сегодняшнего дня. Она настойчиво подчеркивает, что история еще нужна, ибо понимает, что растет опасность, угрожающая привести мелкобуржуазные массы в тупик либо свергнуть в нежелательном для буржуазии направлении—к революционному марксизму. В среде буржуазных теоретиков начинаются сейчас поиски какой-нибудь общей философской основы для исторической науки в виде теории «панисторического синтеза». Эта «теория» заключается в попытке создания такой всеобъемлющей (синтетической) «философии истории», которая свела бы к какому-нибудь единству разрозненные исторические факты.

По существу же «теория синтеза» является новым изданием идеалистических, риккертских построений, подправленных кое-какими положениями «экономического материализма».

И эта эклектическая похлебка, сдобренная усиленно рекламируемым сравнительно-историческим методом, выдается сейчас за новое слово исторической науки!

Ни в чем так ярко не сказался кризис исторической науки, являющийся, разумеется, одним из проявлений всеобщего кризиса капитализма, как в этой беспомощной теории «исторического синтеза». По существу своему эта эклектическая теория является еще одной атакой буржуазии на исторический материализм как философию пролетариата, находящую все большее признание и распространение.

4

Каково было лицо Варшавского исторического конгресса? В конгрессе приняло участие 1.100 представителей (делегатов и гостей) от 40 стран Европы, Азии, Африки и Америки. Лучшей всех представлена была польская историческая наука. По количеству делегатов и по числу прочитанных докладов польские историки были на первом месте. По неполным данным (официальной статистической разработки данных состава и работ конгресса еще не имеется) на конгрессе было сделано 327 докладов (намечено было около 400; 73 докладчика на конгресс не приехали). Из них поляки сделали 83 доклада, итальянцы — 63, французы — 51, немцы — 24, англичане — 18. Все остальные делегации сделали еще меньшее количество докладов. На конгрессе участвовало 20 проц. женщин, преимущественно из состава польской делегации. Из них 4 женщины-профессора, 1 доцент, остальные из среды преподавателей средней школы, работников музеев, библиотек и т. п. Женщины принимали на конгрессе активное участие, выступая с докладами и в прениях, особенно в секции по преподаванию истории.

Характерным для лица этого конгресса было большое количество делегатов — представителей духовенства и даже монашества различных церковных культов. Это объясняется тем, что в огромном большинстве школ, особенно католических, историю вообще и конечно историю церкви преподают лица духовного звания. На конгрессе присутствовали кардинал Кокосский, папский нунций Юлиус Мармаджи и другие представители церкви, в своих выступлениях подчеркивавшие необходимость теснейшего союза между историей и религией. Влияние на конгресс его «церковной фракции» проявилось не только в специальной секции по истории религии, но и в работе

многих других секций, как истории средневековья, преподавания истории и т. п. Даже в секции методологии и теории истории были выступления в защиту религиозной «концепции» истории.

Типичным также для лица этого конгресса являлось и большое количество среди делегатов недавних и настоящих правительственных лиц и политических деятелей различных стран. Делегатом конгресса и его почетным председателем был маршал Пилсудский. На докладах в пленуме конгресса присутствовали президент Мостицкий, премьер-министр Енжеевич, председатель сейма Свигальский и другие представители правительственной власти Польши. Но и от других стран в числе делегатов был ряд государственных деятелей: б. премьер-министр Румынии, проф. Йорга; б. министр просвещения Италии, проф. Феделе; чехо-словацкий министр иностранных дел, проф. Крафт; представитель французского правительства, профессор Сорбонны Шарль Диль и ряд других.

Разногласия в лагере буржуазии находят свое отражение и в среде историков. Вот почему исторический конгресс далеко не объединил всей буржуазной исторической науки. Часть историков не примыкает к Международному историческому комитету и на конгрессах не присутствует. В Варшаву также не приехало много крупнейших представителей исторической науки, таких, как венский историк—специалист по истории средних веков—А. Допш, французские историки Жорж Буржен, Марк Блох, Бугле, Глотц, бельгийский ученый Пиренн и многие другие.

Среди конгрессистов—преимущественно профессора и доценты университетов, авторы научных трудов и исследований.

Переходя к беглой характеристике политического и научного лица отдельных делегаций, надо отметить, что весьма популярной на конгрессе была версия о господствующих на нем трех основных идеологических направлениях: либеральном, националистическом и марксистском. К первому причисляли себя англичане, французы и поляки. По тематике и идеологической направленности докладов польские делегаты однако с большим основанием могли быть отнесены к националистическому направлению. Ко второму относились итальянские и немецкие историки. Третье направление представляла советская делегация. Фактически конечно большой разницы между первыми двумя не было, и контакт между официальными и неофициальными фашистскими историками был настолько тесен, что границы между ними почти стирались.

Особенно большой восторг в Польше вызывали итальянские делегаты, возглавлявшиеся такими историками, как Барбагалло, Роберт Михельс, Феделе и др.

Немецкая делегация официально к национал-социалистической партии Гитлера не примыкала, но ее политическая ориентация была откровенно националистической. Некоторые же из них даже не остановились перед произнесением панегирика в честь Гитлера. Делегация была меньше, чем в Осло, а главное гораздо менее активна. Среди немецких делегатов были такие известные ученые, как проф. Бранденбург, проф. Гёч, Корнеман, Момзен, Фогель и др.

Что касается так называемого «либерального» направления, то надо сказать, что его представители не имели политического лица, определяемого принадлежностью к какой-нибудь одной буржуазной партии. Все его представители считают себя сторонниками буржуазной демократии, с большими или меньшими ограничениями.

К «либеральному» направлению причисляла себя английская делегация, во главе с проф. Темперлеем, Гучем, Уэбстером и др.

Весьма малочисленной была делегация САСШ, из которой выделялся молодой ученый из Чикаго, проф. Готшалк.

Наоборот, многочисленной и активной делегацией в этой группе была французская делегация, во главе с такими известными историками, как Диль, Деритье, Камилл Блох, Анри Беер, Жорж Вейль и др.

Самой большой делегацией на конгрессе, как уже отмечалось, была польская делегация, имевшая в своем составе таких историков, как Дембинский, Тадеуш Зелинский, Гандельсман, Кутшеба, Чарновский, Мантейфель, Кот, Кордуба, Войцеховский, Гонсеровская и др.

Менее значительными были делегации от соседних с Польшей стран. Из них выделялась чехо-словацкая делегация во главе с проф. Бидло, австрийская—во главе с проф. Велькером, Венгрия—с проф. Лукиничем, Швейцария—с проф. Набгольцем и Румыния—с проф. Иоргой. Очень слабо были представлены Сербия и Югославия. Совершенно недостаточно были представлены вневвропейские страны. Не было совсем делегатов от Японии и Китая. Но совершенно неожиданно велика была делегация от Индии, возглавлявшаяся почему-то португальским иезуитом Херасом.

Белоэмигрантские делегаты в Варшаве были гораздо менее активны, чем на конгрессе в Осло. Не присутствовали такие белоэмигранты, как П. Струве, Кулишер, Соловьев и др.

Наибольшую гордость историков-эмигрантов составлял проф. Ростовцев (Америка), отличающийся своей открытой антисоветской активностью. Если в Осло он позволил себе демонстративный выпад против советской делегации и против ее руководителя М. Н. Покровского, то в Варшаве он на такое официальное антисоветское выступление не решился. Вообще белоэмигрантские историки не представляли единой делегации, а входили в состав делегаций стран, откуда они приехали. Наибольшую активность на конгрессе проявляла пражская группа эмигрантских историков во главе с проф. Флоровским и представителем так называемого «евразийства»—Савицким.

Что касается советской делегации, о деятельности которой мы скажем ниже, то она была единственным выразителем, единственным оплотом марксистского направления на этом конгрессе господства буржуазной исторической науки. Крайне незначительная численно (в ее состав входили всего шесть человек) советская делегация активно проводила в своих докладах революционную марксистско-ленинскую идеологию, наступала везде, где это ей по формальным условиям удавалось, отбивая атаки на марксизм там, где—как это было в секции по методологии истории—против него выступали представители буржуазной методологии.

Польская буржуазная пресса отмечала тот огромный интерес, который вызывали доклады советской делегации среди членов конгресса и представителей польской общественности. Вместе с тем она пыталась смягчить этот вывод указанием на то, что этот интерес вызывался якобы «экзотизмом и сенсацией», вносившимися в серьезную научную среду советскими делегатами, над которыми «довлело ярмо исторического материализма и сознательной пропаганды».

Не находя ответа на свои мучительные вопросы у представителей официальной науки, представители растерявшейся мелкобуржуазной интеллигенции, о которой сказано выше, заполняли аудитории во время докладов и выступлений советских делегатов, пытаясь раскрыть смысл еще нового и не совсем понятного для них мировоззрения, ставшего знаменем освобождения миллионных пролетарских масс во всем мире.

5

Каковы же содержание и научная значимость работ Варшавского конгресса?

Научная работа конгресса протекала преимущественно в секциях и специальных комиссиях. Таких секций было 15, комиссий 13. В этих 28 секциях и группах, а также в 3 пленумах (два в Варшаве, один в Кракове) было сделано, как мы уже указывали, 327 докладов, при этом около половины всех докладов было на темы, связанные с историей Польши. Наибольшее число

докладов дала секция новой и новейшей истории—29, затем (в нисходящем порядке) следующие секции: истории Восточной Европы—24; средневековья и Византии—19; истории религий—19; древней истории—13; истории литературы—12; истории права—11; вспомогательных наук—10; истории искусств—10 и т. д.

Наименьшее количество докладов было заслушано в секции методологии и теории истории—6.

В специальных комиссиях и группах было заслушано: по истории евреев—8 докладов, по истории путешествий и открытий—7 докладов, по исторической демографии—6 докладов, по истории гуманизма—5 докладов и т. п.

Переходя к характеристике работ отдельных секций, необходимо отметить большую трудность установления сколько-нибудь определенной классификации тематики их работ. Секции формировались по случайно заявленным докладам, пестрым и разнообразным по тематике, в соответствии с индивидуальными предложениями отдельных историков.

Во всех секциях тематика докладов отличалась своей узкой специализацией. Почти не было широких обобщающих тем или больших актуальных проблем. Так, не состоялся доклад Дюшса «Государственная власть в средние века», доклад Кейльо «Исторический синтез и исторический материализм» и др. Совершенно не было (если не считать докладов советских делегатов) докладов, не только ставящих проблемы классовой борьбы, но даже упоминающих о классовой борьбе. Даже на пленарных заседаниях, где обычно ставятся наиболее общие и принципиальные темы, таких общих тем не было. Даже такой по теме как будто общий доклад, как доклад на пленуме ректора Краковского университета Кутчебы «Принципы власти и свободы в истории европейских стран от эпохи средних веков до наших дней», дал лишь методологически беспомощную классификацию различных типов и форм государственной власти.

Большую группу докладов—пожалуй, самое реальное, что сделал конгресс,—составляют доклады по истории Польши. История Польши занимала значительное место не только в докладах польских, но и иностранных историков. Польские историки издали к конгрессу два тома своих работ под названием «Польша—Седьмому конгрессу историков», значительная часть которых посвящена истории Польши.

Ряд докладов польских историков подчеркивал бесспорное право Польши на равное ее положение среди прочих великих держав, ее давние заслуги перед человечеством в области литературы, искусства, науки и т. п. Об этом говорил доклад Каморницкого «Возрождение в Польше и художественная жизнь», доклад Кота «Польская культура в эпоху Ренессанса», проф. Дембинского «Станислав-Август и его интеллектуальные сношения с заграницей», доклад Галецкого «Польша и восточный вопрос от Казимира Великого до Яна Собеского» и др.

Особо надо отметить доклады, которые обосновывали цели современной Польши в области внешней политики, например доклад Тышковского «Польша и Московское государство в борьбе за Прибалтику XVI—XVIII в.», «Польша и балтийский вопрос во второй половине XVII в.» и т. д.

Из иностранных делегатов англичанин, проф. Гарлей прочел доклад на тему «Англия и польское восстание 1863 г.», француз Риттер—на тему «Польские эмигранты 1831—1832 гг.», итальянец Сильва—на тему «Джузеппе Мадзини и Польша» и т. п.

Взаимоотношения и торговые и культурные связи в прошлом Польши и Италии, Польши и Германии, Польши и Голландии и т. д.—все эти вопросы выяснялись и разрабатывались в докладах польских и иностранных историков. Недаром, подводя итоги, проф. Дембинский подчеркнул сугубое значение конгресса для польской исторической науки. А «Курьер поранный» от 31 августа в статье «Свет и тени» писал об этих итогах: «Конгресс фактически превра-

тился в международный конгресс о Польше. Польша и ее история занимают почтенное место, так как почти половина всех докладов посвящена истории Польши».

Наибольшее количество докладов было сделано в секции новой и новейшей истории, по тематике однако почти не выходящей за пределы XVII—XVIII вв. В ней меньше, чем в какой-нибудь другой секции конгресса, можно было найти какую-нибудь общую тематическую линию. Больше всего докладов в ней было посвящено проблемам международных отношений. Чехия и ее соседи в 1581—1611 гг., Испания и Франция в 1636—1638 гг., Англия в эпоху реставрации в 1660 г., Сицилия в эпоху Возрождения, университет в Падуе и его влияние на Польшу, польско-голландские отношения XVI—XVII вв., британская политика в Америке 1803—1808 гг. и т. д. и т. п.—таковы самые разнообразные темы, бывшие предметом обсуждения в секции новой истории. Самым боевым и самым актуальным вопросом не только в этой секции, но и вообще на конгрессе был вопрос об империализме, поставленный в докладе проф. Бранденбурга «Понятие и история империализма». Представители советской делегации гг. Лукин и Преображенский развернули серьезную критику этого доклада и противопоставили буржуазным теориям империализма ленинскую концепцию.

Более определенной, хотя менее активной, была секция истории Восточной Европы, созданная на Варшавском конгрессе по примеру конгресса в Осло, где была секция истории народов Северной Европы. Здесь особенно значительным был доклад проф. Бидло «Что такое история Восточной Европы», вызвавший оживленную дискуссию и критику со стороны советского делегата, академика Державина. Большой интерес представляли для делегатов и особенно гостей из среды польского учительства работы секции по преподаванию истории. Доклады проф. Момзена, Леритье, Мощенской, Мрозовской и других вызвали оживленные дискуссии, тем более, что именно на вопросах преподавания истории на конгрессе выявились принципиальные расхождения между историками различных идеологических и политических направлений. Столь же острая принципиальная дискуссия на конгрессе развернулась и в секции методологии истории, впервые созданной на Международном конгрессе. Здесь советская делегация в лице гг. Волгина и Лукина дала бой буржуазным ученым вокруг так называемого «исторического синтеза», о сущности которого мы говорили выше. Крайне бесцветной была работа социально-экономической секции, тем более, что из нее была особо выделена группа по истории социальных движений. В этой секции большинство докладов относилось к экономической истории средневековья и раннего капитализма. Совершенно не было докладов по истории рабочего и крестьянского движения. Такие доклады, как «История заводов СССР» Панкратовой или доклад Гонсеровской по истории польской горной и металлургической промышленности, в этой секции не только являлись исключением, но и были руководством секции отодвинуты к самому концу работ секции. Интересно отметить, что на Варшавском конгрессе весьма слабо проявили себя комиссии по национальному вопросу и по колониальной истории. Конгресс, стремившийся всячески избегать современной тематики, решительно уходил от постановки всяких острых политических проблем, а также от проблем истории буржуазных революций.

Таким образом Варшавский конгресс историков ничем значительным не обогатил международную историческую науку ни в отношении конкретного исторического исследования какой-нибудь эпохи, ни в отношении методологии истории, даже возвращая ее в вопросах методологии вспять—на идеалистические позиции риккертанской теории.

6

Перейдем теперь к работам и политической роли советской делегации на Варшавском конгрессе.

Прежде всего наши доклады выделялись от прочих докладов на конгрессе самой своей тематикой. Формально они по тематике не выходили за пределы ограничений, поставленных уставом конгресса. Но их политическая направленность, резко подчеркнутые классовые установки, их содержание, касающееся революционных и социально-экономических проблем, делали наши доклады значительно отличными от тематики и характера всех остальных докладов на конгрессе.

Именно поэтому советскую делегацию пытались обвинять в том, что она вела себя открыто пропагандистски и своими остро классовыми постановками вопросов нарушала деловую академическую атмосферу конгресса. Из всех докладов советской делегации наибольший интерес вызвал доклад т. Горина «Колониальная политика царского самодержавия в Польше». Доклад был сделан им на польском языке, хотя официальным языком конгресса этот язык не являлся.

Таким образом именно советская делегация добилась признания на секции истории Восточной Европы, где делался доклад. Тов. Горин на основе новых архивных материалов подчеркнул не только руссификаторскую и колонизаторскую политику царского самодержавия в отношении Польши, но и освободительную против этой политики борьбу русских рабочих и крестьян, руководимых большевистской партией. Доклад т. Горина привлек живейшее внимание польской интеллигенции и учащейся молодежи. Часть польской прессы, как «Курьер поранный» например, отмечала, что «этот прекрасный жест советского ученого вызвал симпатии в отношении его не только польских участников конгресса, но и среди иностранцев». Наоборот, враждебная нам часть польской печати во главе с эмигрантской «Молвой» старалась умалять научное значение доклада. Доклад Н. М. Лукина «Первый интернационал и Парижская коммуна» вызвал большой интерес как со стороны специалистов, так и со стороны многочисленной учащейся молодежи, явившихся на доклад. Доклад В. П. Волгина «От Бабефа к Марксу», который он сделал на заключительном пленуме в Польском театре, вызвал сдержанно положительные отзывы официальной печати. И только в «Варшавской газете» появилась ядовитая характеристика с намеками на большевистски пропагандистский характер доклада. Газета указывала на то, что содержание и обстановка доклада создают иллюзию, что конгресс происходит не в Варшаве, а в советской Москве. «Порой кажется,— писал корреспондент,— что «то генеалогическое дерево, которое на наших глазах вырастает на сцене Польского театра: отец — Маркс, дяди — Фурье и Сен-Симон, дедушка — Бабеф, развивается в Москве, а не в Варшаве, и что мы сейчас пойдем все вместе на Красную площадь поклониться мавзолею Ленина».

Доклад П. Ф. Преображенского на тему «Русско-японская война и ее влияние на образование Антанты» польская буржуазная пресса и собравшая многочисленная аудитория встретили с большим одобрением, что не помешало «Газете варшавской» аттестовать т. Преображенского специально посланным Москвой «опытным агитатором».

Н. С. Державин, сделавший доклад на тему «Славяне и Византия в VI в.», дал решительную критику методологических установок буржуазных ученых в вопросе о методах изучения истории балканских народов. Польские газеты пытались выделить т. Державина в качестве «единственного, настоящего профессора», что однако не помешало той же «Газете варшавской» демонстративно называть его большевиком.

Доклад А. М. Панкратовой «История заводов СССР» явился совершенно новым по тематике и необычным докладом на Международном историческом конгрессе, тем более, что вступительное слово докладчика было целиком почти посвящено «запрещенному» отрезку времени—послевоенной эпохе, открывшей новую всемирно исторического значения страницу строительства социализма в СССР. Печать ограничилась лишь кратким упоминанием об этом докладе.

В отношении всех выступлений советской делегации польская буржуазная пресса отмечала высокую активность советской делегации с «точки зрения умения пропагандировать известные воззрения на суть исторического процесса», «всегда готовой атаковать буржуазные позиции».

Дело конечно не в положительных или отрицательных отзывах польской печати о советских докладах и докладчиках. Дело в том политическом резонансе, какой вызывали доклады и выступления советских делегатов среди той ищущей «исторической правды» мелкобуржуазной интеллигенции и среди тех вообще трудовых масс, которые заполняли аудитории во время этих докладов. Для многих из них выступления советских делегатов, дававших бой идеалистическим концепциям буржуазной истории, популяризовавших теорию исторического материализма, были первым новым словом, заставлявшим пересматривать все свое историческое мировоззрение. Это новое слово нашей делегации удалось забросить даже за пределы официальных аудиторий конгресса. Нами были прочтены публичные доклады, организованные жилищным рабочим кооперативом в одном из районов Варшавы, в Жолибуже.

Три публичных лекции—академика Волгина «Академия наук и социалистическое строительство», акад. Лукина «Маркс как историк» и А. М. Панкратовой «История пролетариата СССР»—были с огромным интересом прослушаны демократической и рабочей публикой Жолибужа, доотказа наполнившей аудиторию.

Необходимо отметить и положительное значение для пропаганды нашего «нового слова» советской выставки исторической литературы. К сожалению, она была открыта с большим запозданием — почти к концу конгресса. Все же она имела большое значение для показа достижений марксистской исторической науки в СССР и привлекла большое количество посетителей, превративших нашу выставку в библиотеку-читальню.

Положительный итог работы нашей делегации был бы значительно выше, если бы в нашей тематике не отсутствовали доклады по методологии истории. Два намеченных доклада т. Луначарского не состоялись из-за неприезда докладчика на конгресс. Чрезвычайно мало было также количество членов советской делегации, присутствовавшей на конгрессе. Шесть революционных марксистов при всей их активности ни в какой мере не могли развернуть должной критики тех буржуазных установок, которые давались в докладах во всех 15 секциях и 13 группах, работавших притом одновременно. И все же наличие этих шести историков-марксистов среди 1.100 буржуазных историков не прошло и не могло пройти бесследно.

Советская делегация сделала 6 докладов и провела 9 больших официальных выступлений по самым важным и боевым докладам конгресса. Она представляла собою небольшую группу активных пропагандистов исторического материализма и диалектического метода в применении к исторической науке на Варшавском конгрессе. Она противопоставила популярному среди польских историков лозунгу Станислава Сташица, гласящему, что «человеческая история—это борьба против всего, что мешает цивилизации», боевое марксово положение, что человеческая история есть борьба классов, в своем развитии приводящая к диктатуре пролетариата. Она показала, что успехи исторической науки возможны только на гранитной базе марксизма-ленинизма, что вне марксизма-ленинизма нет науки, а есть маразм и поповщина. И наконец она продемонстрировала своими выступлениями и своей продукцией, что в мире есть только одна страна, где обеспечен подлинный расцвет науки, в том числе и истории. Это страна победоносного социализма и небывалого размаха социалистической культуры, это — СССР.

И С Т О Р И Я МЕЖДУНАРОДНЫХ О Т Н О Ш Е Н И Й

НА ВАРШАВСКОМ КОНГРЕССЕ

Как это ни странно, но автор, выбрав свою тему, несколько смутился. С внешней стороны как будто все гладко и безупречно: кому же, как не собирающемуся раз в пять лет Международному конгрессу историков, на котором в данном конкретном случае было представлено чуть ли не 40 стран, заняться тем отделом исторической науки, который известен под несколько условным и неуклюжим термином «истории международных отношений». Ведь не случайно же именно эта отрасль исторической науки и притом в самом интересном ее хронологическом разделе была почти заново создана в послевоенные годы. Не была ли обязана собравшаяся в Варшаве историческая элита дать критическую съодку и анализ появившихся за последнее время международных публикаций дипломатических документов, мемуаров, оценку различных точек зрения, высказанных в более общих работах? Ведь не зря же и сама активная дипломатическая борьба последних лет и даже дней, ведущаяся для того, чтобы разрубить завязанный в Версале гордиев узел международных отношений, ведется отчасти путем тяжеловесной исторической аргументации, путем ссылок на многотомные сборники документов, отчеты различных экспертов и комиссий. Но факты вещь упрямая, и они-то и смущают автора. По сведениям польских газет, может быть по весьма понятным соображениям патриотического порядка и преувеличенным, в Варшаву съехалось до 1 000 членов конгресса. Разумеется, это вовсе не рабочее ядро. Бывший председатель Международного исторического комитета, норвежский профессор Гальфдан Кут острит на товарищеском банкете членов конгресса, что работоспособность конгресси́стов не очень велика, что рауты, приемы и всякие другие «междуброшенные действия» го-

раздо более популярны, чем более серьезные деловые заседания секций конгресса. По несколько грубому, но все же достаточно точному подсчету, на Варшавском конгрессе было прочтено около 350 докладов всяческого, но очень мало интересного для широкой аудитории содержания. Вернем не только для «широкой аудитории» — автор этих строк и участник последних двух мировых исторических конгрессов должен сознаться в одном маленьком преступлении: наслушавшись всяческих премудрых разрешений великих исторических проблем, как-то: «Международная политика Фердинанда II католического» или «Преступление ереси в конце IV в. в связи с процессом Грисциллиана» или «Кандидатура Альфонса II д'Эсте на польский престол» — он меланхолически сообщил товарищам по делегации свой самоновейший вывод конечно не теоретического порядка: «Какой бесполезный и ненужный народ историки!».

И действительно, если общая тематика конгресса отличалась в трактовке общетеоретических вопросов либо безнадежной устарелостью (риккерттианство Флинга), либо эклектизмом (синтез Берра), а в постановке отдельных проблем — крайней их специализацией, а в лучшем случае вполне сознательным стремлением к полной конкретности изложения, без малейших притязаний на выводы социологического порядка, то в области международных отношений интересы конгресси́стов оказались совсем минимальными. Только 8 докладов были посвящены вопросам международной политики в пределах XIX—XX вв., и из них только половина имела своим сюжетом империалистическую эпоху. Можно прямо сказать: Международный конгресс исторических наук отказался заниматься историей международных отношений.

Автор этих строк в Варшаве все время мучительно для самого себя искал современной аналогии тому почтенному собранию, членом которого он являлся. И только читая последнее произведение Шенгелера «Jahre der Entscheidung», он наконец понял: «Этот трусливый и нечестный оптимизм возвещает каждый месяц возвращающуюся конъюнктуру и процветание, как только пара спекулянтов временно повышают курсы; конец безработицы, как только где-нибудь сотня людей принята на работу; и прежде всего достигнутое «соглашение» народов, как только Лига наций, этот рой любителей летней неги, блюдолизничающих

Prof. *Preobrażenski*

Проф. П. Преображенский
(Москва)

на Женевском озере, принимает какое-либо решение».

Но это невнимание Международного исторического конгресса к темам международной истории нельзя пройти просто молчанием. Это является также исторической проблемой. Пути к ее разрешению лежат в рассмотрении той убогой продукции по истории международных отношений новейшего времени, которая все-таки была представлена конгрессу. И может быть это рассмотрение следует начать с доклада, имевшего очевидные претензии на принципиальность.

Перед нами профессор Лейпцигского университета Эрих Бранденбург, автор весьма солидного труда по международной политике предвоенной эпохи «Von Bismarck zum Weltkrieg», правда, особыми талантами не блещущего, но во всяком случае весьма основательного по знанию источников. Его тема «Понятие и история империализма» невольно заставляет настораживаться. К чему же свелся «анализ» очевидно уже прошедшего фашистскую переподготовку лейпцигского ученого? Оказывается, империализм—это стремление к созданию некоторого сверхнационального единства, и такое стремление находится в отношении напряженности (*Spannungsverhältnis*) к принципу национальности. Казалось бы, что германский историк желает найти какое-то кособокое определение империализма по отношению к национальному вопросу, показать губительное влияние империалистической политики на жизнь и рост любой национальности, угнетающей или угнетенной. Не тут-то было: основная проблема империализма как раз и заключается в отыскании «новой духовной связи», ко-

торая бы объединила обитателей таких сверхнациональных единств. К этой «проблематике» проф. Бранденбург присоединил длительный исторический экскурс с целью продемонстрировать уже бывшие попытки отыскания этих «духовных связей». Как и следовало ожидать, исторический очерк начался с Римской империи, переметнулся к империи Карла V, ну а дальше пошло уже легче. Ларчик сей вывезенной из Лейпцига на международное употребление и поучение премудрости открывается конечно уже не так трудно. Курьезно, что возражения новоявленному теоретику империализма со стороны главным образом польских ученых свелись к длинным и нудным рассуждениям на тему о том, что империализм хоть и вечен, но является просто насильем. Поклонники Пилсудского почему-то отвергли фигурный листок, столь любезно предложенный им поклонником Гитлера. Старания советской делегации указать на антиисторичность всей концепции проф. Бранденбурга, на его полное нежелание хоть как-нибудь считаться с существующими теориями империализма натолкнулись на какие-то нечленораздельные высказывания о чересчур сильной политической окрашенности этой попытки внести ясность и определенность в постановку вопроса. Несомненно, что в этом отношении проф. Бранденбург показал себя явным сторонником хоть и не особенно ловкой, но все же контрабанды. Под шумок оправдать империализм—это можно, а вот дать его «политическую» критику—совсем нехорошо.

Как это ни странно, но автору хочется на краткое время покинуть область внешней политики и международных отношений и, пользуясь заразительным примером своего лейпцигского соучастника по конгрессу, сделать экскурс в область древней истории.

Проф. Г. Кут
(Норвегия)

но на несколько других методологических основаниях. Одна эмигрантская газета писала, что участников конгресса можно подразделить на три группы: либерально-демократическую (Франция, Англия), националистическую, скажем просто фашистскую (Германия, Италия), и марксистскую (СССР). Деление конечно грубовато, но многим чертам действительности оно соответствует. Несомненно, что доклады членов этих трех групп имели взаимные резонансы, и вот изучением одного такого резонанса и неплохо заняться. На этот раз перед нами не германский фашист, а итальянский, но более занятный и, пожалуй, более талантливый. По крайней мере прошлое его более интересно. Коррадо Барбагалло когда-то прошел марксистскую школу, которая помогла ему, подобно его соотечественнику Чикотти, дойти до экономикоматериалистического понимания истории. Его книга «Tramonto di una civiltà» («Падение одной цивилизации»), переведенная на французский язык известным издателем материалов по истории Парижской коммуны Жоржем Бурженом, представляет собой может быть максимум того, что может дать экономический империализм в области исторического исследования. Барбагалло правильно указывает на рабский труд со всеми его специфическими особенностями и последствиями как на основную причину падения древнегреческой цивилизации. Здесь он несомненно приближается к марксистскому пониманию античного общества как рабовладельческой социально-экономической формации. Но все это—*tempi passati* для редактора «La nuova rivista storica». В своем блестящем по изложению докладе «Проблемы гибели античной цивилизации» Барбагалло не без остроумия и критической едкости разобрал существующие буржуазные теории о гибели античности, обнаружив однако поразительную забывчивость: он ни словом не обмолвился о своей собственной, указанной нами работе. Очевидно, говорить о своих прошлых грехах на международных конгрессах не полагается. Зато он выдвинул новую и действительно «оригинальную» теорию падения античного мира. Римская империя—это Эльдorado рабовладельцев и ростовщиков — погибла, по мнению итальянского историка, от... своей собственной добродетели. По пышной фразеологии Барбагалло, «Немезида пожелала наказать Римскую империю за щедро распространенные последней блага». Каким

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Проф. Диль
(Франция)

образом могло случиться такое невиданное в мировой истории происшествие? А очень просто. Пока Италия приберегала все блага культуры для себя, империя наслаждалась благополучием. Но со II в. христианской эры Рим поставил себе грандиозную задачу распространения античной культуры по всему античному «кругу земель»—*orbis terrarum*. И эта задача оказалась непосильной: империя как бы истекла кровью в «финансовых муках» (*tormento finanziario*), разорив всех своих подданных фискальными поборами и посягательствами на свободное распоряжение имуществом. В ней не оказалось ни богатых, ни бедных, но все были принуждены защищать «вооруженной рукой, когтями и зубами» свои земли и свое добро от постоянных покушений со стороны государства. А когда пришли варвары, «оружие притупилось, сердца оказались холодными, руки парализованными, а стены, казалось сделанные из камня, превратились в прах и пепел». Сразу вспомнишь Монтескье и его учение о влиянии климатов на температуры и учреждения. Фантазия итальянского фашиста Барбагалло много интереснее и острее, чем неповоротливые «арийские» мозги немца Бранденбурга. Но политический смысл и поэтических фантазий и тяжеловесных измышлений один и тот же. В «благодетях» римских рабовладельцев и спекулянтов легко найти «духовную связь», являющуюся «основной проблемой» в характеристике империализма, данной проф. Бранденбургом. А за древним Римом так отчетливо видны контуры Рима нового, в котором властвует «il duce». А нахождение «духовных связей» с метрополией у австрийского Тироля или арабской Киренаики конечно входит в программу фашистского империализма Муссолини. Одна беда — римская империя надорвалась в своей культуртрегерской миссии. Но, если и импе-

риализм вечен и благотворительные стремления ему всегда свойственны,—отказываться нечего. Тем более, что Барбагалло, очевидно вспомнив старинное «*historia magistra Vitae*», предостерегает наследников Цезаря и Августа от таких сомнительных вещей, как энергичное вмешательство государства в частнохозяйственную жизнь граждан. Стоит только не подражать большевистским экспериментам,—и желательные результаты будут достигнуты. Смертельная опасность только в этих экспериментах—*capitalismo esclusivamente, statale, industria esclusivamente statale* (исключительно государственные капитализм и промышленность). Барбагалло—большая величина на историческом горизонте фашистской Италии; большому кораблю—большое и плавание, большому историку—большие и проблемы. Но вот, по всей вероятности, никому неизвестный представитель итальянской исторической науки, скромный горицийский библиотекарь Леандро Занкан,—его скромность дошла до того, что, присутствуя на конгрессе, он не явился читать свой доклад, посвященный такой сложной проблеме, как «Аграрная политика Римской республики». Из представленных развернутых тезисов доклада известно, что даже горицийским библиотекарям позволено делать исторические открытия в этих затрепаных историками всех стран вопросах при одном конечно условии, если оные библиотекари живут в фашистской Италии. По Занкану, вся классовая борьба, возгоревшаяся вокруг римского «*ager publicus*», начиная с Гракхов и кончая вынужденными подаяниями первых римских императоров разнузданной римской сельдате-ске,—только один случайный эпизод в планомерной аграрной политике римского государства. Вот эту аграрную политику, лишённую всяких подозрительных классовых интересов, и нужно исследовать, а революци-

онные выступления таких агитаторов, как братья Гракхи, — только досадная случайность. Занкан — микрокосм, Барбагалло — макрокосм, но оба исполняют один определенный социальный заказ—прославление фашистской Италии с ее империалистскими и этатистскими устремлениями. И древняя история на что-нибудь годится. И особенно, когда лежащая на ее событиях пыль веков служит прекрасной маскировкой для планомерной агитации на официально запрещенные регламентом конгресса послевоенные темы.

Но если у националистского лагеря собравшихся в Варшаве историков была одна довольно твердая линия поведения, то «либералы» и «демократы» находились в состоянии полного разброда. Даже такая колоритная фигура, как новый председатель Международного исторического комитета, профессор Кембриджского университета сэр Гарольд Темперлей, известный издатель, совместно с Гучем, английских дипломатических документов, как-то не мог свести концы с концами в своем очень любопытном по материалу докладе «О британской политике по отношению к Турции и парламентскому управлению от Дизраэли до Грея». Проф. Темперлей — большой любитель говорить об английском «общественном мнении» как решающем факторе британской внешней политики. Эта тема была его основной и на конгрессе в Осло, стремление скрыться под тень этого весьма неопределенного, но зато как будто внушительного явления было заметно и в его варшавском выступлении. Сущность проблемы, несколько смутившей кембриджского историка, заключалась в следующем: консервативное министерство Бальфура—Ленсдоуна хотя и не требовало от правительства Абдул-Гамида введения парламентского строя, но все же настаивало на финансовой и административной реформе в Македонии, а либерал Грей, хотя официально и приветствовал младотурецкую революцию и введение конституционного режима в Турции, в своей частной переписке жаловался: «Последствия будут больше, чем кто-либо из нас может предусмотреть. Влияние на Египет будет потрясающим и даст себя знать в Индии». Разрешение поставленной проблемы оказалось у сэра Гарольда довольно искусственным и по существу малоубедительным. По его мнению, Грей серьезно поддерживал конституционную политику нового турецкого правительства — надо же было показать силу и влияние прос-

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Проф. Иорга
(Румыния)

давленного «общественного мнения», а его частные письма—только непонятная психологическая подробность. Когда автор этих строк в своих возражениях английскому историку отметил, что именно частная переписка Грея, эта мнимая «психологическая несообразность», выявляет истинный лик английского империализма на Востоке, то в немалое смущение пришел не столько проф. Темперлей, сколько присутствовавший при этом англо-советском обмене мнений один бывший член палаты общин, друг сэра Эдуарда Грея, как он себя отрекомендовал. Речь его была очень горяча, и этот пыл как-то мало соответствовал подозрительно методической наружности оратора. Аргументации было «очень мало, точнее, таковая совсем отсутствовала, так как ссылки на джентльменский характер, на кристальную честность Грея как-то мало гармонировали и с добродушной иронией проф. Темперлея и с крайней настороженностью аудитории. В самом деле, как было не смутиться честному представителю «общественного мнения», выслушав настойчивые указания советского делегата, что Грей в разговорах с Гардингом и Никольсоном относительно соглашения с Россией больше всего напирал на необходимость прекращения революционных движений на Востоке, что Ленин характеризовал англо-русскую Антанту как орудие реакции «не только внутри России, но и в международных отношениях». Магическое слово «Москва», сопровождавшее выступление каждого из советских делегатов, определенно вредило аргументации благочестивого представителя английского либерализма. Уже то обстоятельство, что дискуссия шла не столько по поводу доклада проф. Темперлея, сколько вокруг тезисов его оппонента, показывало, что весьма академическая атмосфера секционных заседаний конгресса была несколько нарушена. Но недаром проф. Темперлей столь близок к Форейн-Оффис — в своем заключительном слове он дипломатически признал, что точка зрения его московского коллеги заслуживает самого серьезного внимания, и в свою очередь царапнул московского делегата, и на этот раз за дело, указав, что собрание русских дипломатических документов публикуется крайне медленными темпами. С этой печальной истиной, во время культурных разговоров за чашкой чая, пришлось согласиться, свалив часть вины на наших германских соиздателей.

Дружеский шаг
худ. Уотес

Проф. Г. Темперлей
(Англия)

Но проф. Темперлей не оставил по крайней мере предмета своих непосредственных занятий—международной политики, в то время как его соратник по изданию английской дипломатической переписки проф. Гуч прямо уклонился от своих обычных тем, избрав сюжетом своего сообщения «Политические идеи Томаса Гоббса», вопрос, достаточно изученный и достаточно защищенный от острой критики и своим закругленным академизмом и тем, что сообщение было сделано на пленуме конгресса, где прений не было. Отпечаток своеобразной робости и нерешительности лежал и на сообщении несомненно талантливого и более молодого представителя английской исторической науки Бенедикта Семнера «Лорд Август Лофтус как британский посол в С.-Петербурге в 1875—1879 гг.». У Семнера были несомненно все данные для острой и определенной постановки вопроса: он знает русский язык, хорошо осведомлен в советской исторической литературе как монографической, так и периодической. Но сама цель и самые результаты исследования как-то удивляют своей никчемностью. Оказывается, что британское правительство было невысокого мнения о Лофтусе, что Лофтус мало влиял на общее направление британской политики и что обычное представление о нем как ничтожной политической величине вполне подтверждается анализом документов. Сама проблематика темы настолько бедна, что вызывает не удивление, а скорее сожаление о потраченном напрасно труде.

Крайнюю осторожность в развертывании своей темы «Внутренняя эволюция Австрии перед мировой войной» проявил и представитель другой западноевропейской «демократии», профессор Сорбонны Луи Эйзенман. Сам докладчик открыто признавал, что затронутые им вопросы тесно связаны с национальной политикой двуединой монархии, а эта национальная политика—с международ-

ным положением империи Габсбургов. Тем не менее в своем изложении он ухитрился опустить и национальный вопрос и внешнюю политику Австро-Венгрии. На недоуменный вопрос советского делегата, как можно при такой стерилизации затронутых проблем получить более или менее адекватное разрешение поставленных вопросов, последовала чисто французская любезность: справедливость сделанных замечаний вполне признается, но время для докладов чересчур ограничено, а главное, надо же оставить достаточно времени для заслушания доклада советского историка, благо этот доклад так ожидается аудиторией. Изячно, но как будто мало убедительно!

Впрочем стоит ли удивляться этой безвкусице в постановке теоретических вопросов, крайней боязни поставить действительно широкие и острые темы, попыткам уйти в «чистое» описание малоинтересной, почти что экзотической исторической конкретности, а в крайнем случае провести под флагом древности откровенную фашистскую контрабанду? Ведь загнивающие капиталистического общества не ограничивается его технической базой, но, выражаясь неприкрытым на международных конгрессах языком, рыба начинает вонять с головы. В Варшаве еще более, чем в Осло, было заметно измельчание и посерение буржуазной идеологии. Чем было замечательно поведение такого признанного корифея науки о древности, как русский белоэмигрант, ныне профессор одного из американских университетов М. И. Ростовцев? Когда-то Грибоедов—истина говорит иногда и репетитовскими устами—писал про известного Толстого-американца: «вернулся алеутом и крепко на руку нечист». Может быть проф. Ростовцев и более «американец», чем Толстой, но что он нечист только не на руку, а на язык, это бесспорно.

В Осло он с открытым забралом высту-

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Проф. Г. Херас
(Бомбей)

пил против советской науки, с унизительной «грамотностью» заявив, что в СССР науки вовсе нет, а есть только «марксизм». Точь в точь как замытинский дьякон, для которого марксизм нечувствительно перешелся с «марфизмом»—по имени дамы его дьяконского сердца. Особого сочувствия и отклика эта выходка не встретила. В политической атмосфере Варшавы для подобных выступлений было еще меньше места. Но, что особенно характерно, для определения своего «политического» лица место проф. Ростовцев все же нашел, но не на столбцах хотя бы и реакционной прессы, как это было в Осло, а в закулке—в каком-то туристском агентстве, где на вопрос какого-то невинного обывателя о местопребывании «Интуриста» сей истинно-русский американец с присущим ему остроумием ответил: «Подите к чорту. Я не советский». Одна белогвардейская газета чуть не захлебнулась от восторга, сообщая о таком «гражданском мужестве» чисто закоулочного типа. В научном отношении проф. Ростовцев дал на конгрессе два крайне интересных по фактическому материалу доклада о раскопках в Dura Europos, одном из форпостов римского влияния в Месопотамии. Было чрезвычайно интересно слышать о любопытном маршруте парфянских послов, направлявшихся в Рим, о содержании двух подлинных писем Мариа Максима, сирийского легата в 208 г. христианской эры и в то же время известного историка, бывшего одним из источников известной Historia Augusta. Но вместе с этим вставал недоуменный вопрос—пять лет тому назад тот же проф. Ростовцев рассказывал о тех же раскопках в Dura и так же не было и попытки ввести этот материал хоть в какую-нибудь социологическую схему. Для широкой публики конечно интересны «картинки», а по сути дела это просто грубая антикваризация истории. Марксизм для проф. Ростовцева не наука, но было бы лучше, если бы хоть к какому-нибудь «изму» он был причастен. А то полное методологическое бессилие картинно прикрытое богатыми результатами археологических исследований. Dura Europos—это главным образом первая половина III в. христианской эры. Невольно напрашивалась историческая аналогия—не представляла ли эта миниатюрная по своему политическому значению Лига наций, собравшаяся в Варшаве, аморфную группу людей, по своей психологии похожих на прежних обитателей месопотамского города? Может быть Барба-

гало по-своему прав, что «благодетельная» миссия Рима, т. е. капитализма, кончена и в своем бессилии он теперь истекает кровью по велению Немезиды? Вопрос впрочем только риторический. Если пользоваться и далее обрывками этих аналогий, хочется спросить, кто же участвовал в конгрессе—патриции ли времен заката античной цивилизации или же все было более буднично, и эта пестрая толпа преимуще-

ственно состояла просто из самодовольных буржуа рантьевого типа? У каждой общественной формации бывает свой конец. Где патрицианский упадочник, где рантье. Но надо думать, что будущий конгресс внесет сюда больше ясности. Само место его созыва—Швейцария, Цюрих, Женева—дает красноречивый ответ на этот каверзный вопрос об исторической природе Международного исторического конгресса

Библиотека Ягеллонов в Кракове

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ НА ВАРШАВСКОМ КОНГРЕССЕ

Историк-марксист, принимая участие в международных конгрессах, где большинство принадлежит представителям буржуазной исторической науки, важнейшей своей задачей должен считать противопоставление методологическому хаосу, идеалистическим установкам современной буржуазной историографии строгих методологических принципов исторического материализма и выяснение тех перспектив, которые открывает перед наукой применение марксо-ленинского метода. Эта задача стояла на Варшавском конгрессе перед советской делегацией конечно во всех секциях, в которых она выступала. Но с особой четкостью делегация могла поставить вопросы методологии в той секции, которая была специально посвящена «историческому методу и исторической теории». Естественно, что на участие в работах этой секции с самого начала было обращено советскими представителями сугубое внимание.

В программе секции стоял целый ряд докладов, тезисы которых давали основание для дискуссии.

Но из них три доклада по разным причинам не состоялись. Бугле (Париж), заявив доклад на тему «История и социология», не приехал на конгресс; доклад Набгольца (Цюрих) «Отношение между политической и хозяйственной историей» был перенесен на пленарное заседание конгресса (а на пленарных заседаниях дискуссии не бывает); наконец доклад Кейльго (Осло) на тему «Исторический материализм или исторический синтез» не состоялся по неизвестным причинам (шел разговор о том, что Кейльго испугался заявленных выступлений советских историков).

Между тем именно в связи с этими докладами нам было наиболее удобно выявить наши принципиальные методологические установки.

Из оставшихся в повестке докладов два

первых были посвящены историческому синтезу. Это были доклады Флинга (Соединенные штаты) и Берра (Париж). Понятие исторического синтеза, взятое с формально логической стороны, представляется вполне приемлемым для исторического материализма. История как наука не отказывается от синтеза. Но и состоявшиеся доклады, и тезисы несостоявшегося доклада Кейльго, и прения показали, что для значительной части собравшихся на конгрессе историков «синтез» является знаменем, под которым объединяются враги исторического материализма. Сторонники «синтеза» заявляли прямо, что с историческим материализмом «покончено», что он стоит «вне науки» и т. д. Само собой разумеется, что оставить подобные рассуждения без должного отпора мы не могли. Вынужденные отказаться от заранее заявленных выступлений по докладу Кейльго ввиду того, что он не состоялся, мы (я и Н. М. Лукин) потребовали слова после доклада Берра.

Первую часть своей речи я посвятил критике риккертского понимания задач истории, защищавшегося в докладе Флинга (кстати сказать, ничего нового от себя к старым риккертским положениям не прибавившего). Флинг, следуя за Риккертом, провел резкую принципиальную грань между историей и естествознанием. Это, по его выражению, два различных способа организации реальности. Не касаясь за недостатком времени идеалистического взгляда на науку как на способ «организации реальности», я старался показать, что специфичность истории как науки лежит лишь в специфичности ее объекта. Поскольку историческая действительность закономерна, история была бы неполноценна как наука, если бы она отказалась от выявления исторических закономерностей. С другой стороны, как всякая наука, изучающая объект, меняющийся во времени, история стремится дать изображение этого процесса изменения. Мы можем условно согласиться историю как науку, устанавливающую законы развития, именовать социологией. Но отрывать социологию от истории невозможно, ибо социология, не опирающаяся на исторический материал, вырождается неизбежно в систему пустых абстракций, а история, не руководимая пониманием исторических закономерностей, теряет значение науки, превращается в грудку разрозненных фактов, группируемых по субъективным критериям в угоду тем или иным классовым интересам.

Далее я показал, что историческая концепция Риккерта и Флинга, как ни старался последний отмежеваться равно и от материализма и от идеализма, является по существу концепцией идеалистической. Она предполагает наличие объективных, вечных, — следовательно надчеловеческих, надисторических ценностей. А это построение неизбежно приводит к идее надчеловеческого высшего существа. И недаром один из историков, выступавших в прениях, указывал на необходимость иметь в виду при историческом синтезе три элемента: природу, общество и бога.

Он, как известный ребенок в андерсеновской сказке, не побоялся сделать логический вывод из всей концепции, вывод, перед которым иные останавливаются или о котором предпочитают молчать. Отметив эту глгательно скрываемую связь системы воззрений, защищаемых Флингом, с идеей божества, я подчеркнул, что мы, исторические материалисты, гордимся тем, что в наших научных построениях мы не испытываем никакой нужды в этой «старой гипотезе». И когда в XX в. кто-либо защищает идеи, приводящие в прямой богословской или в завуалированной философской форме к восстановлению в своих правах «высшего существа», то мы считаем это симптомом научной реакции, отражающей в свою очередь реакционные общественные установки современной буржуазии.

Переходя к тезисам Кейльго, я показал, что Кейльго, берущийся критиковать с точки зрения «синтеза» исторический материализм, обнаруживает непонимание существа исторического материализма, подменяя его учением о примате «экономического фактора». Он, говоря о «зерне» марксова учения, не упоминает вовсе о понятии производительных сил и их развитии. Между тем, по учению Маркса, именно развитие производительных сил является двигателем исторического процесса. Уровнем производительных сил определяется отношение общества и природы, степень власти человека над природой. Стройной, монистической системе Маркса Кейльго пытается противопоставить понимание истории как синтеза деятельности различных разноправных человеческих потребностей или влечений (половая потребность, потребность власти и т. д.). Он исходит очевидно из неизменности этих свойств «человеческой природы», уподобляясь рационалистам XVIII в. Его «новое» слово очень и очень старо и конечно ничего не сможет дать нового исто-

рической науке. Некоторые из перечисленных им влечений вовсе не всем общественным классам присущи, другие имеют весьма различные формы в различных исторических условиях. Историческое измерение этих влечений и их форм само требует своего объяснения. Исторический материализм отнюдь не отрицает ни факта их существования, ни факта их взаимодействия. Но исторически понять как характер влечений, так и характер их взаимодействия в каждую данную эпоху дает нам возможность только историческая концепция Маркса.

Тов. Лукин в своей речи остановился на двух моментах: на провозглашенной некоторыми из ораторов «преззойденности», «устарелости» марксизма и на марксистском понимании исторической закономерности. Он обратил внимание собрания на поразительное противоречие между хронологически произносимыми речами о конце, о гибели марксизма и разительными фактами, свидетельствующими о расширяющемся влиянии марксистского понимания истории. Это вынуждены признать даже такие противники марксизма, как Кейльго, заявляющий в своих тезисах, что марксизм стал мощным фактором науки не только в Советском союзе, но и во многих буржуазных странах. Н. М. Лукин привел целый ряд примеров бесспорного влияния исторического материализма на исследователей конкретных исторических явлений (на Гроссе, Белоха, Сальвиоли, Допша, Зомбарта, Матъеза и др.). Пожалуй, еще более показательное влияние марксизма, отражающееся в работах социологического характера (Грейльч, Макс Шелер). Эти мыслители, выступая против марксизма, вынуждены тем не менее дать ему весьма высокую оценку как теоретической системе и признать бесспорность некоторых его основных положений. Этот факт широкого воздействия марксизма на представителей буржуазной науки т. Лукин объясняет не только логической стройностью и законченностью марксистского учения, но в первую очередь колоссальными завоеваниями марксизма среди рабочих масс всего земного шара и кризисом буржуазной идеологии, связанным с общим распадом капиталистического мира.

Переходя к вопросу о характере исторических законов, т. Лукин указал, что для марксизма исторические законы столь же непреложны, как и законы естественно-исторические. Это — действующие с железной необходимостью объективные законы.

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Акад. В. Волгин
(Ленинград)

составляющие часть законов движущейся материи, ибо общество — лишь часть природы вообще. Наличие этой объективной закономерности и делает возможным исторические прогнозы, которые мы находим у Маркса и которые блестяще подтверждены всем развитием капиталистического общества до наших дней. Но из этого отнюдь не следует, что исторические законы тождественны например с законами биологическими. В обществе мы имеем особый тип закономерности. Там, где мы имеем дело не просто с homo sapiens, а с производящим, общественным человеком, там вступают в силу за-

коны истории, которые и вскрыты Марксом в его учении об общественном бытии, определяющем общественное сознание.

Дискуссия фактически закончилась нашими выступлениями. Ораторы, легкомысленно уверявшие до наших речей, что марксизм утратил уже научное значение, повидимому не чувствовали себя «в настроении» браться за более трудную задачу опровержения выдвинутых нами положений. Подводящий итоги председатель, профессор Бергсчел себя обязанным сделать в заключительной речи ряд реверансов по адресу марксизма как теории, оказавшей бесспорные услуги исторической науке. Но тут же, как и следовало ожидать от буржуазного эклектика, он отметил и «односторонность» марксизма, обнаружив этим, что существо исторического материализма ему не удалось понять и после наших речей. Но наша задача и не состояла в том, чтобы переубеждать «маститых» буржуазных ученых.—это было бы совершенно безнадежно. Нам важно было противопоставить наши марксистские взгляды идеалистическому хаосу, царящему в умах буржуазных историков, чтобы воздействовать на настроения колеблющейся радикальной молодежи, несомненно интересующейся марксизмом. И эту задачу мы, думается, выполнили.

„ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX и XX СТОЛЕТИЙ“

В ОСВЕЩЕНИИ ПОЛЬСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ

Буржуазия периода заката капиталистического мира вряд ли способна научно осмыслить свои судьбы и свою историю. Тем самым она не в состоянии критически осветить и свою историографию.

Подтверждением этого тезиса может служить появившаяся к VII международному конгрессу в Варшаве брошюра проф. Дембинского, О. Халецкого и М. Гандельсмана под названием «Польская историография XIX и XX столетий».

Указанная брошюра отнюдь не является, как можно было бы ожидать и требовать, критическим этюдом, посвященным польской историографии. Это довольно поверхностная энциклопедическая статья, описывающая в более или менее последовательной связи круг работ ряда видных польских историков.

Брошюра состоит из трех частей. Каждая часть, повидимому, написана отдельным автором. Часть первая дает беглый обзор развития польской историографии с конца XVIII в. вплоть до последней четверти XIX в. Часть вторая еще более бегло и хаотически знакомит нас с историографией конца XIX и начала XX вв., в частности с заглавиями наиболее монументальных изданий польских исторических источников. Третья часть регистрирует труды польских историков по всеобщей истории.

Изложение материала почти целиком лишено непосредственной связи с живой исторической действительностью. Вместо конкретного исторического анализа условий, в которых возникали определенные исторические течения, читателю преподносятся некоторые элементарные факты из истории польской историографии в самом общем и, разумеется, идеалистическом освещении.

Авторы брошюры прекрасно понимают

роль историографии как орудия политики и освещают разрабатываемую тему в духе классовых интересов польской буржуазии. Эти интересы требуют всемерного затемнения проблем классовой борьбы (вряд ли даже самые слова: «класс» и «классовая борьба» употребляются где-либо в брошюре), требуют восхваления «национального единства», отвлечения от проблем современности и идеализации прошлого. Поэтому в рецензируемой историографии не только нет непосредственных следов современной борьбы пролетариата против господства буржуазии, но также нет и следов борьбы рождающегося в Польше на грани XVIII и XIX столетий буржуазного общества против старого феодального режима.

Характер исторического очерка (скорее однако по форме, чем по содержанию) носит лишь первая часть брошюры, являющаяся в сущности сокращенным изложением известной работы В. Смоленского «Исторические школы в Польше» (1836 г.).

Эта часть посвящена преимущественно характеристике исторических школ Нарушевича, Лелевеля и ряда представителей краковской школы.

В основу всего изложения авторы кладут тезис, что «вопреки политическим бедствиям, сокрушившим старую польскую Речь Посполитую, национальное возрождение нашло свое выражение в развитии науки и исторической мысли».

Свой обзор авторы брошюры начинают с конца XVIII в., с возникновения школы Нарушевича.

Роль буржуазных элементов для культурного подъема второй половины XVIII в. и первых десятилетий XIX в., роль глубоких сдвигов в области сельского хозяйства (зачатки разложения барщинной системы, переход к найму свободной рабочей силы, к применению сложных сельскохозяйственных орудий и др.) и в области промышленности (развитие мануфактуры), влияние французской революции — все эти важнейшие социально-экономические условия новой эпохи и созданные ею течения авторы, разумеется, полностью игнорируют.

Чуть ли не единственным фактором развития тогдашней польской историографии авторы считают покровительство короля Станислава Понятовского и политические бедствия страны.

Прагматически-утилитаристская школа Нарушевича являлась отражением в науке реформистской политики тогдашнего «патриотического» блока передовой части дво-

ршества и буржуазии, направленной против царского самодержавия и связанной с нелегальной польской феодальной олигархией. Но даже этот элементарный тезис нигде не формулируется авторами. Конкретный исторический анализ авторы подменяют ссылкой на Немцевича, отмечающего лишь процесс дифференциации дворянства и нарастание противоречий между «бедным дворянством и магнатами».

Так же слабо освещен в брошюре тот громадный сдвиг в польской историографии, который связан с именем Лелевеля. Перечисляя в общих словах заслуги Лелевеля в области генеологии, географии, правоведения, нумизматики, дипломатии и т. д. и т. п., правильно подчеркивая, что работы Лелевеля являются серьезным вкладом во всеобщую историографию, авторы брошюры тем не менее не сумели конкретно указать место Лелевеля в развитии польской исторической мысли. Авторы не поняли, что восстание 1830—1831 гг. активным участником которого в качестве члена национального правительства был Лелевель, является своеобразным рубежом между полосой дворянско-буржуазных и буржуазно-демократических национальных движений в Польше. Естественно, что они не могли правильно выяснить роли и исторического места Лелевеля. Они не поняли того влияния, которое события 1830—1831 гг. и последующая политическая дифференциация польской эмиграции оказали на дальнейшую деятельность Лелевеля, не поняли они также и того специфического переплета устремлений буржуазных и дворянско-помещичьих элементов, которые отражаются в историографии Лелевеля, а отчасти и его последователей. Именно поэтому мы встречаем у Лелевеля сочетание буржуазно-демократических взглядов с идеализацией некоторых республиканских учреждений «дворянской демократии», т. е. «демократии» феодальных эксплуататоров, основанной на порабощении крестьянства. Критика дворянства в работах Лелевеля, как и его последователей, шла по линии идеализации доклассового общества, первобытной славянской общины, идеализации, которая являлась впоследствии основой убогой идеологии убогого польского «народничества». С этими взглядами увязывалось также и появление на почве учения лелевелевской школы так называемой «теории нашествия», т. е. учения о том, что государство и феодальное общество не могли возникнуть иначе, как путем порабощения коренного населения чужеземными завоевателями.

Вместо того чтобы критически осветить эти проблемы с точки зрения борьбы феодальных и буржуазных элементов, авторы брошюры ограничиваются подчеркиванием преобладания в тогдашней историографии (1830—1863 гг.) чувственности над реализмом и склонности к мистицизму. В то же время они поддерживают легенду о том, будто Лелевель на практике и в теории является последовательным представителем «демократических идей».

Благодаря нарастанию демократических элементов в польском национально-освободительном движении и явному преобладанию в эмиграции польского демократического общества школа Лелевеля на пару десятилетий завоевала господствующее положение в польской историографии и удержала его вплоть до поражения восстания 1863—1864 гг. Труды этой школы были созданы широкая база для углубленной разработки истории бывшей Речи Посполитой, в частности для изучения периода ее разделов. Ее трудами был дан большой толчок прежде всего для развития вспомогательных исторических наук. Предпринятые Лелевелем и Морачевским попытки обобщения всего исторического опыта прошлого и вызванная ими полемика явились значительным фактором в развитии польской исторической мысли.

Однако идеологическая надстройка, созданная в первой половине XIX в., оказалась скоро непригодной для нужд польской буржуазии. Она оказалась недостаточной для зрелого буржуазного общества, приспособляющегося к новой международной обстановке, новым условиям классовой борьбы и к новым условиям экономической деятельности, в значительной мере созданным политикой правительств, разделивших и поработивших Польшу.

Развитие промышленного капитализма, углубление буржуазно-демократического движения и обострение классовых противоречий, наконец политическое банкротство националистической мелкобуржуазной демократии, патристическая идеология которой носила отпечаток влияния историографии лелевелевской школы, — все это создало предпосылки для крутого перелома, который вскоре, вслед за поражением восстания 1863—1864 гг., обозначился также резко и в области историографии.

Установки лелевелевской школы уже в ближайшие годы подверглись решительному осуждению и критике. На них обрушивается в первую очередь торжествующая реак-

ния, опирающаяся на полуфеодалные элементы польского помещичьего дворянства. впервые после разделов допущенного к политической власти в единственной автономной области бывшей Речи Посполитой — в Галиции. Одновременно на Лелевеля и его школу нападают представители историографии, находящейся под влиянием буржуазного позитивизма (главным образом в бывшей русской Польше).

Первое течение было представлено так называемой краковской школой генетически (что совсем игнорируется авторами), вытекающей теснейшую связь с деятельностью аристократической партии Отель Ламбер (Чарторийских) и инспирированного ею польского Историко-литературного общества в Париже.

Краковская школа явно и без обиняков идеализируется авторами. Они тщательно замалчивают непосредственную связь основных идей виднейших основоположников краковской школы (Ю. Шуйского и др.) с контрреволюционным пасквилем «Тека станчика», направленным не только против демократии, но и против стремлений к национальной независимости. Авторы не показывают также и связи краковской школы со всей деятельностью консервативно-помещичьей партии «станчиков» в Галиции (примерно то же, что «угодовцы», т. е. соглашатели в бывшей русской Польше). Также тщательно замалчивают авторы соглашательский характер краковской школы по отношению к захватническим правительствам и в частности более или менее ярко выраженный австро-габсбургский лоялизм ее приверженцев.

Зато авторы всемерно подчеркивают заслуги краковской школы, ее мнимый объективизм, блестящие способности ряда ее виднейших приверженцев, мнимое научное значение «синтетических» выводов Шуйского, Бобжинского, В. Закшевского и др.

Правдой является лишь то, что с переходом Австрии к конституционной системе управления польское помещичье дворянство в Галиции, являвшееся одним из главных оплотов габсбургского трона, действительно получило возможность значительно упрочить свое непосредственное влияние на культурную жизнь страны.

В руки «станчиков» досталась основанная в 1872 г. краковская Академия наук, им были предоставлены университетские кафедры в Кракове и Львове, в их руки были отданы областное самоуправление и воспитание школьной молодежи. Ряд крупных на-

Ю. Шуйский

Юзеф Шуйский, первый профессор истории польского университета

учных учреждений, созданных отдельными магнатами (музей Чарторийский в Кракове, Осоллинеум во Львове и т. д.), обеспечивал преобладающее влияние за «станчиками», а тем самым — в области историографии — за краковской школой.

Поддержка помещиков и покровительство австрийского правительства предоставили в руки приверженцев краковской школы значительные средства, которые позволили им развернуть широкую деятельность в области разработки архивов и публикации исторических источников.

Сама краковская Академия наук издала сотни томов источников и научных исторических трудов. Она перечняла начатое еще в 1864 г. А. Белевским крупное издание средневековых летописей и хроник под названием «Monumenta Poloniae historica» («Исторические памятники Польши»), приняла ряд новых документальных изданий: «Monumenta mediae aevi» («Памятники средних веков»), охватывающие ряд важнейших кодексов позднего средневековья, «Scriptores rerum polonicarum» («Писатели о польских делах») — издание, охватывающее ряд материалов по истории XVI в., «Acta his-

logica» («Исторические акты XVI — XVIII вв.») и других¹.

Ряд крупных документальных изданий в виде публикаций средневековых городских и земских актов, церковных архивов, областных сборников, дипломов и т. п. появляется также во Львове, в Познани и в Варшаве. К таким важным документациям относится между прочим и грандиозное издание «Исторических источников XVI века» Павинского и Яблоновского. Появляется общая капитальная польская библиография Эстрайхера, специальная «Библиография истории Польши» Финкеля и др.

Крупные научные издания в Варшаве и Познани в значительной мере опирались, так же как и в Галиции, на научную базу, созданную отдельными магнатами (библиотеки Красинских и Замойских в Варшаве, Дзиалынских в Курнике и т. д.). Это обстоятельство усиливало привилегированное положение в области историографии консервативных элементов, близких краковским «станчикам».

В таких условиях краковская консервативная школа завоевала неоспоримо преобладающее положение в области современной польской историографии. Сторонник этой школы — львовский консерватор К. Лиске — явился основателем крупного исторического журнала под заголовком «Kwartalnik historyczny» (1887), который в продолжение чуть ли не двадцати лет был единственным польским историческим органом.

Таким образом труды и издания краковской школы обслуживали не только австрийскую Польшу, но и другие польские области и оказывали несомненное влияние также и на часть варшавских историков.

Колоссальное расширение научной базы в области исторического исследования благодаря изданиям Академии наук и краковской школы — несомненно. Неоспоримо также и то, что среди краковских консерваторов встречались иногда действительно выдающиеся ученые, крупные эрудиты в области своей специальности, например Станислав Кржижановский, издатель великолепных «Monumenta Poloniae Paleographica», и ряд других.

¹ Незадолго до мировой войны (1912 г.) Академия наук приступила к выпуску нового крупного издания особого типа. Мы имеем здесь в виду систематическую «Польскую энциклопедию», включающую том о первобытной славянской культуре и ряд томов, посвященных политической истории старой Польши, а также истории польского языка и литературы.

Однако намеки авторов брошюры на научное значение «синтезиса» лидеров краковской школы являются уже больше чем преувеличением.

Идеи консерваторов конца XIX в. в сущности не идут дальше кругозора Нарушевича и его школы, т. е. запаздывают по крайней мере на столетие, и таким образом являются очевидным тормозом для развития исторической науки. Необходимо также подчеркнуть и то, что наиболее серьезное систематическое (правда, незаконченное) исследование по истории Польши вышло не из-под пера краковских историков, обладающих непосредственно богатейшим польским историческим материалом, а из-под пера немецких историков Ренпеля и Каро².

Часть вторая брошюры кроме краткого описания издательской деятельности краковской Академии наук (на чем мы останавливались уже выше) и беглого перечня деятельности отдельных представителей краковской школы (Смольки, В. Заржевского, Лиске и др.) дает лишь самую поверхностную характеристику львовской школы проф. Аскенази и краткие справочные указания об исторической деятельности нескольких десятков других польских историков, без какой бы то ни было попытки научной классификации их работ.

На деле конечно и в этом хаосе можно вскрыть более или менее оформленные течения.

Течение, наиболее близкое к краковской школе, представляет либерально-консервативная школа, возглавляемая проф. Аскенази (с 1899 г. был доцентом, а впоследствии профессором истории Львовского университета). Школа Аскенази, концентрирующая свою деятельность на разработке материалов XVIII и первых десятилетий XIX в., в значительно большей мере, чем краковская школа, отражала влияние буржуазных идей. Под прикрытием исторического объективизма она еще более ловко сумела примирить лоялизм по отношению к Австрии с польским патриотизмом и польской национальной традицией. Типичны в этом отношении работы Аскенази о «Кн. Иосифе Понятовском» и о «В. Лукасинском». Это единственная из новых исторических школ, беглой характеристике которой в рецензируемой брошюре уделено несколько строк. В брошюре совершенно не характеризуется основное течение

² Последний, впрочем, еврей по происхождению и выходец из бывшей русской Польши.

исторической мысли во второй половине XIX столетия в бывшей русской Польше, возникшее под непосредственным влиянием буржуазного позитивизма, хотя перечисляются довольно многие его представители.

Наиболее видным представителем этого течения в Варшаве являлся Вл. Смоленский, автор ряда ценных работ по истории XVIII в., специальных этюдов, посвященных роли отдельных сословий и классов, а также общего очерка под заглавием «История польской нации» (1897—1898). Близко примыкал к этому течению ряд историков, бывших деятелей восстания 1863—1864 гг., С. Лагуна, Павинский, Яблоновский. Много точек соприкосновения с этой варшавской «школой» имеется и у видного историка конца XVIII в. Т. Корзона — автора многотомной «Внутренней истории Польши эпохи Станислава-Августа», крупной монографии о «Костюшко» и ряда других. Несомненное влияние позитивизма видно и в исторической деятельности способнейшего из польских исследователей средневековья — львовского проф. Т. Войцеховского. Последний в своих очерках по истории Польши XI в. — по вопросу о низложении Болеслава II и бунте магнатов во главе с епископом Станиславом Щепановским — дерзнул выступить против клерикальной традиции, культивируемой краковской школой, основанной на заведомо лживых показаниях летописца-епископа Кадлубека. Это выступление было своего рода единоборством против всего «племени Кадлубека» в лице виднейших львовских и краковских профессоров и академиков¹.

Указанное течение характеризовалось, как видно, некоторой независимостью мнения, своеобразным либерализмом, сравнительно широким (по сравнению с Краковом) горизонтом мысли. Многие его представители обращали серьезное внимание на необходимость учета в историческом исследовании экономического и социального факторов. Но историки-позитивисты никогда не были склонны резко демонстрировать свой разрыв с повстанческой традицией. Скорее, наоборот, они пытались даже использовать ее для укрепления идеологии единого национального фронта, а отчасти и для обоснования необходимости польской экспансии «от моря до моря».

Усиление национального гнета, обостре-

¹ Этот знаменательный факт, несмотря на комплименты по адресу Войцеховского, конечно авторами брошюры также старательно замалчивается.

В. Бродский

Бюст Т. Костюшко

ние борьбы за рынки, а прежде всего усиление социалистического движения и обострение классовой борьбы в Польше способствуют все более явному вырождению этого течения и усилению в культурной жизни буржуазии (как и в политике) элементов национализма.

Ярким выражением этой деградации является наиболее характерное «синтетическое» произведение довоенного периода, скромно замалчиваемое авторами брошюры. Мы имеем в виду историко-социологический этюд о сущности процесса революции под заголовком «Эха правека» (1910), вышедший из-под пера видного историка проф. Кохановского, редактора варшавского исторического органа «Prseglad historyczny» (историческое обозрение). Автор рассматривает в своем этюде революцию как процесс... бунта варварских и полуварварских элементов общества против режима цивилизации!

Национал-демократическое течение в польской историографии отличалось большой национальной ограниченностью, резко выраженной националистической окраской и некоторой идеализацией роли католической церкви.

Работы проф. Токажа, представителя левого крыла национальной демократии, посвящены главным образом истории польского национально-освободительного движения конца XVIII и начала XIX вв. В последнее время неприкрытое националистическое направление наиболее резко выражается в работах таких видных историков, как С. Закржевский (монография о «Болеславе Храбром»), Кутшеба (известный автор «Очерков истории государственного устройства Польши»), Гандельсман¹ и др.

Сильное влияние позитивизма (и лассальянства) сказывалось в деятельности национально-социалистической школы, в частности ее основоположника Б. Лимановского, автора многочисленных и богатых материалом трудов по истории польского национально-революционного движения XIX в. Однако ни Лимановский, ни другие представители польского социал-национализма совершенно не упоминаются авторами брошюры. Авторы совершенно обошли также своим вниманием и вопрос о влиянии марксизма на польскую историографию. Даже работы Р. Люксембург, Мархлевского и Крживицкого не отмечаются авторами ни единым словом. Целиком и полностью игнорируются ими все работы по истории экономического развития Польши и немногочисленные работы по истории рабочего класса и крестьянства.

Третья часть брошюры в целом представляет еще меньший интерес с точки зрения историка, чем две первые. Это в сущности краткая сводная справка о темах, разрабатываемых польскими историками в области всеобщей истории. Как ни хотелось автору этой части показать европейской публике заслуги польских историков на этом поприще, все же никак нельзя скрыть того

¹ Проф. Гандельсман, являясь не национал-демократом, а пилсудчиком, в своих работах пыгается впрочем дать своеобразный националистический «синтез» новейшей истории Польши и возглавить самостоятельную историческую школу.

факта, что Польша не дала ни одной серьезной монографии в области новой истории Европы, ни одного оригинального сочинения по истории французской революции. Однако среди этих шести страничек справочного материала имеется одна заметка, представляющая для нас интерес. Среди трудов польских историков, посвященных России (Пашкевича, Тышковского, Годлевского и др.), авторы брошюры отмечают прежде всего «капитальную работу» бывшего польского премьера Яна Кухаржевского, заглавие которой впрочем предусмотрительно не указывается.

Эта работа, написанная «с замечательным талантом», дающая, по мнению авторов, «синтезис эволюции современного русского духа», представляет собою простое многотомный памфлет прогив Советской России под заглавием «От белого к красному царизму».

Суть гениального «синтезиса» сводится ни больше, ни меньше, как к утверждению, что русские варвары, неспособные догнать цивилизованную Европу, сыздавна стремились приравнять ее к своему уровню путем разрушения западноевропейской цивилизации. Это якобы была самая заветная мечта русского духа. Она нашла свое выражение в сочинениях Герцена, в бунтарской деятельности Бакунина и наконец обрушилась на Европу в виде победившего в России большевизма.

Историческая задача, вытекающая отсюда для Польши,—защитить цивилизацию от ударов русского варварства. И в этом заключается знаменитый «синтезис» «объективных» польских историков!..

Отвечая, как свидетельствует «Польская историография XIX и XX столетий», социальному заказу современной польской буржуазии, вся польская историография, независимо от вариаций в направлении отдельных исторических школ и течений, последовательно и настойчиво проводит основную идею, что Польша исторически была и остается авангардом западной цивилизации. Рецензируемая брошюра является еще одним наглядным примером того, что столь рекламируемый «объективизм» буржуазной исторической науки стоит на страже классовых интересов буржуазии.

АРХИВЫ ПОЛЬШИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИКОВ СССР

Советские историки-марксисты до сих пор уделяли очень мало внимания вопросам истории Польши, а между тем нельзя забывать, что многие вопросы истории народов СССР (например колониальная политика царизма и др.) не могут быть изучены с надлежащей полнотой без изучения истории в первую очередь стран, граничащих с СССР. При изучении истории Польши конечно необходимо будет обращаться к польским архивам, вот почему знакомство хотя бы самое общее с польскими архивами для советских историков будет весьма важно.

На положение архивов Польши огромное влияние оказали те внешнеполитические условия, которые определяли и политическую жизнь самой Польши. В феодально-крепостническую эпоху Польша с очень давних времен вела воинственную политику, и ее территория в отличие например от Англии была неоднократно непосредственной ареной многочисленных войн. Вооруженные до зубов соседние хищники неоднократно резали на части территорию Польши. После 3-го раздела в 1795 г. Польша была лишена государственной самостоятельности, а вся ее территория была полностью распределена между б. царской Россией, Австрией и Пруссией. Таким образом конец XVIII в., весь XIX и начало XX века, вплоть до пролетарской Октябрьской революции в России, Польша находилась под игом чужеземных завоевателей.

Оставляя в стороне вопрос об уничтожении и гибели большого количества архивных фондов во время войн и революционных восстаний, отметим, что завоеватели после 3-го раздела Польши вывезли за ее пределы многие политически наиболее важные древнейшие архивные фонды, особенно центральных государственных учреждений Польши.

Отмеченные особенности исторических

судеб Польши самым непосредственным образом влияли на возникновение, развитие и гибель польских архивов, а также отразились и на их современном состоянии. Вот почему архивная документация Польши за период с конца XVIII в. и вплоть до 1918 г. характеризуется в общем следующими главными чертами:

1. Единой государственной центральной архивной документации для территории Польши в целом не существует, так как отсутствует единый государственный центр.

2. На территории Польши происходит, как общее правило, отложение архивных документов только местных учреждений, превращенных завоевателями в учреждения русские, австрийские и прусские. После изгнания польского языка из школ, суда и административных учреждений документы государственных учреждений, отражающие историю соответствующих частей Польши, приобретают язык угнетателей — русский, немецкий.

3. В различных государствах Западной Европы возникают центры польской политической эмиграции, где отлагаются и хранятся архивные документы деятелей польских революционных восстаний, а также документы, отражающие жизнь и деятельность различных польских политических партий, обществ и т. д.

4. Во время империалистической войны большое количество польских архивных фондов было вывезено в Россию в порядке эвакуации, а также в Германию и Австрию в порядке оккупации.

После империалистической войны и победоносной пролетарской Октябрьской революции Польша снова получила национальную и государственную самостоятельность. Тогда перед буржуазной Польшей стала очень большая, сложная и политически трудная задача: собрать воедино возможно большее количество архивов, разрозненных и рассеянных во многих городах и различных государствах.

Эти особенности исторических судеб Польши привели к тому, что архивные фонды многих государственных учреждений за время ряда столетий перевозились с места на место, из города в город, из одного государства в другое, при этом многие материалы безвозвратно погибли. Некоторые архивные фонды по нескольку раз дробились на части, другие, наоборот, вследствие ликвидации или реорганизации сливались воедино, а затем снова дробились на части и т. д. Часть архивных материалов государ-

ственных учреждений даже попала в частные руки и отложилась в составе соответствующих частных архивных коллекций.

Вот почему историкам-исследователям в настоящее время без специального «Путеводителя» ориентироваться в этом большом и сложном лабиринте архивных документов Польши (особенно древних учреждений) совершенно невозможно. Для облегчения этой трудной задачи, задачи, особенно усложненной раздробленностью и разрозненностью ряда архивных фондов, директор Польского главного архива И. Семеньский составил «Путеводитель» в «междуархивном плане» («sur le plan interarchival») ¹. Этот «Путеводитель» не дает достаточного и подробного обзора всех без исключения архивных материалов старой Польши, хранящихся в том или ином, отдельно взятом государственном архивохранилище, что составляло бы особую задачу путеводителя по данному отдельному архивохранилищу ².

Вследствие важности для ориентировки в польских архивах и несомненного интереса для советских историков приведем полностью данную во вводной части «Путеводителя» (стр. 16—17) хронологическую схему отраженных в польских архивах различных режимов, сменявшихся в Польше с древнейших времен до 1918 г.:

1. Древняя Польша.
2. Русская оккупация Варшавы в 1795—1796 гг.
3. Польские провинции Российской империи (1772—1915).
4. Польские провинции Прусского государства (1772—1807 и 1815—1918).
5. Польские провинции Австрийского государства (1772—1918).
6. Временное управление в 1807 г. территорий, аннексированных Пруссией.
7. Варшавское герцогство (Duché de Varsovie) (1807—1813).
8. Временное управление территорий Варшавского герцогства (1813—1815).
9. Царство Польское (Royaume de Pologne) с особой конституцией (1815—1830).

¹ К VII международному конгрессу историков был выпущен одновременно на французском и польском языках «Путеводитель по архивам Польши. I. Архивы старой Польши», составленный директором Главного архива И. Семеньским. («Guide des Archives la Pologne». I. «Archives de la Pologne ancienne». «Przewodnik po Archiwach Polskich», Warszawa, 1933 г.).

² Государственные архивы современной Польши находятся в ведении Отдела государственных архивов, подчиненного Министерству народного просвещения.

10. Республика вольного города Кракова (1815—1846).

11. Революционное управление Царства Польского (1830—1831).

12. Царство Польское с особым административным и судебным управлением (1831—1876).

13. Правительство восстания (1863—1864).

14. Царство Польское под русским управлением (1867—1915).

15. Германская оккупация (1915—1918).

16. Австрийская оккупация (1915—1918).

17. Современная Польская республика.

Перейдем теперь к сжатому ознакомлению с современными польскими государственными архивохранилищами (сеть государственных архивов) и хранящимися в них архивными материалами ³.

I. Главный архив в Варшаве.

Здесь сосредоточены:

1. Архивные документы центральных учреждений старой Польской республики и архив «Коронной метрики».

2. Архивные документы местных учреждений старой Польской республики в пределах «Конгрессовой Польши».

3. Архивные документы центральных учреждений австрийской Польши, относящиеся к территориям, возвращенным Варшавскому герцогству в 1809 г.

4. Архивные документы центральных учреждений (министерств) Пруссии, относящиеся к территориям, вошедшим в 1807 г. в состав Варшавского герцогства и в 1815 г. в состав Царства Польского.

5. Дела и документы центральных и местных судебных учреждений всех властей после разделов Польши и до руссификации суда в 1876 г., а также дела судебных учреждений в пределах «Конгрессовой Польши».

6. Архивы упраздненных монастырей тех же территорий.

7. Старые гродские и земские дела (до начала XIX в.) тех же территорий.

II. Варшавский архив древних актов.

Здесь хранятся:

1. Дела и документы центральных административных учреждений Варшавского гер-

³ Желаящим более подробно ознакомиться с архивными фондами, хранящимися в польских государственных архивах, необходимо иметь в виду соответствующие статьи, печатающиеся в польском архивном журнале «Archiwop» (выходит с 1927 г., вышло 10 томов), а также статью хранителя Варшавского архива финансов А. Бахульского «Польские государственные архивы», напечатанную в «Архивалистическом журнале» за 1928 г., том 37, стр. 241—260.

цогства и Царства Польского (кроме финансовых и судебных).

2. Дела и документы других административных учреждений XIX в.

III. Варшавский архив финансов.

Здесь хранятся:

1. Дела и документы финансовых и хозяйственно-экономических учреждений Варшавского герцогства и Царства Польского.

2. Финансовые архивные документы старой Польской республики.

IV. Варшавский архив народного просвещения.

(Archives de l'Education).

Здесь сосредоточены дела и документы учреждений народного просвещения XIX в.

V. Варшавский архив новых актов.

Здесь хранятся:

1. Дела и документы периода австро-германской оккупации во время империалистической войны.

2. Дела и документы упраздненных учреждений современной Польской республики.

VI. Государственный архив в Вильне¹ хранит архивные документы всех категорий за время до и после разделов Польши.

VII. Государственный архив во Львове.

Здесь сосредоточены:

1. Дела и документы периода австрийского владычества.

2. Дела и документы современных учреждений Львова.

VIII. Местный архив судов гродских и земских во Львове.

Здесь хранятся архивные документы старых земских и гродских судов.

IX. Местный архив судов гродских и земских в Кракове.

Здесь хранятся архивные документы старых земских и гродских судов.

X. Государственный архив в Познани.

Здесь хранятся архивные документы всех категорий за время до и после разделов Польши (в Быдгоще есть отделение этого архива).

XI. Государственный архив в Люблине.

Здесь сосредоточены:

¹ СССР, как известно, не дал Польше юридического признания за Польшей Виленщины, захваченной у Литвы.

Заглавный лист летописи Польского королевства составленный Яном Длугошем (1415–1480)

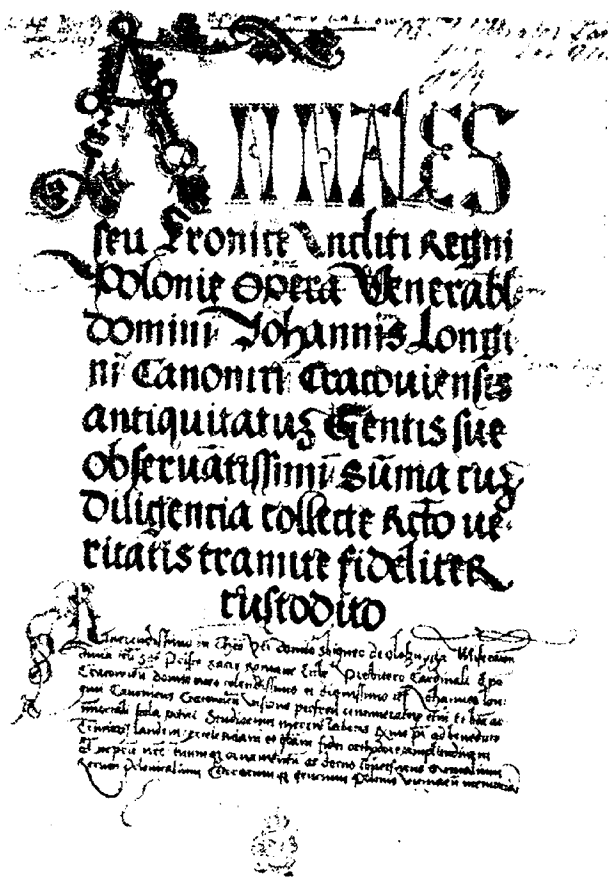
1. Архивные документы местных учреждений старой Польской республики.

2. Архивные документы местных учреждений последующих режимов.

Такова в общих чертах небольшая сеть польских государственных архивов. Как указывает автор «Путеводителя» И. Семеньский, в Польше кроме перечисленных государственных архивов в некоторых бывших российских губернских центрах еще имеются временные архивохранилища, хранящие архивные материалы разных учреждений периода российского владычества².

Наконец отметим, что Отделом государственных архивов Польского министерства просвещения проектируется новая сеть государственных архивов, которая предусматривает организацию в Варшаве одного центрального архива для архивных материалов центральных учреждений, а на местах в современных административных центрах воеводств—создание архивохранилищ для хранения архивных материалов местных учреждений. Однако, как указывает Семеньский, кризис помешал реализации этого, уже подробно разработанного плана.

² Эти временные хранилища находятся в Грондо, Кельцах, Петрокове, Лодзи, Плоцке и Радоме. — В. Д.

Переходя к освещению основной части «Путеводителя», отметим, что здесь значительное место уделено сжато историко-юридическому очерку компетенции и функций тех государственных учреждений (и учреждений культа) Польши, которые огложили соответствующие архивные фонды. Гораздо меньшее место уделено здесь истории, характеристике содержания и указанию местонахождения соответствующих конкретных архивных фондов.

Основная часть «Путеводителя» заканчивается небольшой главой, посвященной важнейшей библиографии польских документальных публикаций, печатных изданий, помогающих более детально ориентироваться в архивных материалах соответствующих архивных фондов.

В заключение познакомимся со следующими шестью очень наглядными синоптическими таблицами «Путеводителя», помогающими очень быстро ориентироваться в местонахождении соответствующих архивных фондов.

Таблица 1-а. Фондообразователи архивных фондов 2-го периода (по вертикали) ¹.

Таблица 1-б. Фондообразователи архивных фондов 2-го периода (по горизонтали).

Таблица 2-я. Архивные фонды 2-го периода.

Таблица 3-я. Местонахождение архивных фондов 2-го периода (приводим для образца начало таблицы 3-й):

- А. I. Архивы государственные
1. Архив коронный.	1. Главный архив. Музей князей Чарторыйских.
2. Варшавский коронный архив.	2. Главный архив. Разные коллекции.
3. Архив великого княжества литовского.	3. Несвижский архив князей Радзивиллов.
4. Коронная метрика.	4. Главный архив Бывш. главн. архив министр. юстиции.
5. «Бумаги» коронной канцелярии.	5. Главный архив. Музей князей Чарторыйских.
6. Литовская метрика.	6. Главный архив. Бывш. главн. архив министр. юстиции.
7. ...	7. ...

Таблица 4-я. Хронология новых властей и учреждений 3-го периода ².

Таблица 5-я. Новые фонды 3-го периода и их местонахождение.

Эти таблицы являются весьма существенной частью такого путеводителя по архивам, который составлен по так называемому «междуархивному плану».

Автор «Путеводителя по архивам Польши», директор Главного архива в Варшаве И. Семеньский, в свой «Путеводитель» по архивам Польши включил также и некоторые архивные материалы, хранящиеся в настоящее время в СССР, например в Ленинграде, Москве, Киеве ³.

Какие архивные материалы имеет в виду Семеньский?

Оставляя в стороне вопрос о некоторых второстепенных церковных архивных материалах ⁴ и архивных материалах Киевской духовной академии, сосредоточим свое

¹ 2-ой период до 1764 г. (периодизация И. Семеньского.—В. Д.).

² 3-й период 1764—1795 гг. (периодизация И. Семеньского.—В. Д.).

³ Относительно некоторых архивов Семеньский указывает, что они находятся «в России», но где именно, неизвестно (см. «Путеводитель», стр. 116, 119).

⁴ И. Семеньский, Путеводитель по архивам Польши, стр. 84—87—88.

T omus XXV Epistolarum Romae de negotiis ecclesiasticis scriptarum

SErenissimi Principis Sigismundi primi
Regis Polonie et Magni ducis Lituanie

et R^{omani} d. Petri Thomae Th^{omae} Episcopi
et R^{omani} Regni Polonie Vicecancellari

Complurium aliorum

Tomus XXV
de negotiis ecclesiasticis
scriptarum

внимание на главное, а именно: на архивных материалах «Коронной метрики» и «Метрики литовской». При этом заметим, что, помещая эти архивные материалы в состав польских, Семеньский делает замечания вроде: «материалы находятся в Москве, в бывшем Московском архиве Министерства юстиции»; этих материалов... «советское правительство не возвратило»; материалы «не возвращены»; материалы «задержаны в Москве», и т. д. Как указывает нам Семеньский, архивные материалы «Коронной метрики»¹ хранившиеся после Октябрьской революции в СССР, на основании Рижского договора получены Польшей от СССР полностью за исключением 31 книги реестров (1569—1794 гг.), известных под именем «Метрики воынской» и относящихся, как сам Семеньский отмечает, к территориям Киевщины, Черниговщины и Воыни (Украинская ССР). Семеньский считает, что «Воынская метрика» подлежит передаче Польше на том основании, что она в составе «Коронной метрики» была в прежние времена вывезена из Польши. На самом деле материалы «Воынской метрики» по своему содержанию относятся не к Польше, а к УССР и на основании Рижского договора не подлежат передаче Польше, что и было признано в свое время союзно-польской смешанной комиссией по выполнению п. XI мирного договора.

Что касается так называемой «Литовской метрики», то ее документы относятся к современным территориям СССР (РСФСР, БССР, УССР), а не современной Польши.

Даже очень беглое ознакомление с «Путеводителем по архивам Польши» приводит нас к выводу, что значение польских архивов для историков-марксистов очень велико. Советским историкам-марксистам, особенно изучающим историю Польши или связанные с нею проблемы истории России, надо хорошо знать польские архивы.

Для ориентировки по архивам старой Польши «Путеводитель» Семеньского несомненно сыграет полезную роль. Но необходимо учесть, что польская архивная историческая литература, как и рассматриваемый здесь «Путеводитель по архивам Польши», по внешнему виду выдержанный в научно-академических и «объективных» тонах, выполняет определенную великопольскую политическую задачу. При этом Советский союз представляется этим «Путеводителем» как сторона, тормозящая пе-

¹ Вывезены из Варшавы в конце XVIII в.

Libretto.

Scritto.

Paris, le 10 Mars 1806, N. 1000
République Française, sans le indistincte.

Bonaparte, Consul de la République,

Cher Général Dombrowski, commandant les
troupes polonoises en Italie.

De retour en France, Général, j'ai apprenu
avec plaisir la conduite que vous et vos braves polonoises
avez tenue en Italie pendant la dernière campagne. Des
jours me viennent au souvenir la grandeur de vos actions mais
pas vous prouver qu'ils brûlent d'être avec vous dans
l'Italie et être avec vous que vous toujours prêts à marcher
que je compte sur vous, que j'apprends les Dombrowski
pour la cause que nous défendons et que j'espère toujours
de vous et de vos camarades
Je suis votre, Général, avec toute estime
distinguer et de mon attachement

Joseph Bonaparte

157

Письмо Наполеона Бонапарта ген. Г. Домбровскому, командующему польскими частями итальянской армии.

редачу Польше архивов, в то время как на самом деле Польша благодаря пролетарской Октябрьской революции получила большое количество ценнейших и крайне важных архивов по истории Польши. Особенно этот факт надо помнить при сравнении с тем, как ничтожно мало архивных материалов получила Польша от Австрии. Об этом свидетельствует статья известного польского архивиста А. Бахульского, опубликованная в 1928 г. в немецком журнале «Архивалише цайтшрифт» (т. 37, стр. 259).

А. Бахульскому пришлось констатировать, что переговоры с Австрией о передаче польских архивных материалов дальше обмена дипломатическими нотами между правительствами фактически не пошли. И только СССР, прекрасно учитывающий политическое значение архивов, не только пошел по Рижскому договору на широкие переговоры по поводу польских архивов, но и после него — вплоть до настоящего момента — готов идти на урегулирование всяких имеющих под собой почву спорных вопросов.

Н. Державин

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Основные вопросы, издавна стоящие в порядке дня перед славяноведением в области изучения южнославянских этнологических древностей, сводятся в общем к следующему:

1. Когда, каким образом и откуда южные славяне, а в частности хорваты и сербы, появились на Балканском полуострове? Ни античная древность, ни византийские источники до VI в. христианской эры не знают этого имени, хотя этнография полуострова, начиная по крайней мере с V в. до христианской эры, была им довольно хорошо известна. Другими словами, представляют ли собою балканские славяне автохтонный элемент на полуострове, испокон веков сидевший на тех же местах, где они сидят и сейчас, или же это пришлый этнический элемент, совершенно чуждый старому, коренному населению полуострова и этнически не имеющий ничего с ним общего? А если балканские славяне живут не у себя дома, а являются на Балканах пришлым элементом, то откуда и когда они пришли сюда?

2. Когда и как возникли здесь первые этнические и политические славянские объединения и организации, известные под именем болгар, хорватов и сербов?

Исторически засвидетельствованная этнологическая и политическая давность полуострова не знает таких объединений и организаций до VII в. христианской эры.

3. Каковы этнологические, лингвистические и культурные связи балканских славян с их инославянским окружением в древности? Иными словами, что представляют собою славяне в антропологическом, лингвистическом и культурно-историческом отношении к своим предшественникам на полуострове, т. е. совершенно ли они им чужды или родственны, и если родственны, то как: генетически или синхронически?

Этими тремя проблемами, собственно говоря, и исчерпывается основное содержание южнославянских этнологических древностей.

Согласно господствующим в науке представлениям — позвольте их вкратце напомнить — южные славяне пришли на Балканский полуостров из-за Карпат, где на территории между средним течением р. Вислы — на западе, рр. Днепром и Десною — на востоке, Карпатами — на юге и г. Смоленском — на севере, находилась обширная славянская прародина, откуда в I—V вв. христианской эры отдельные славянские племена разошлись во все стороны: на восток,

на запад и на юг, откуда и ведут свое начало восточные, западные и южные славяне. Появление славян под этим именем на Нижнем Дунае впервые отмечено византийским историком (Проконием) около 525 г. До этого времени, начиная по крайней мере со II в., если не с I в. христианской эры, славяне частично, отдельными отрядами, проникали на полуостров и оседали здесь, а с VI в., согласно хронологическим показаниям византийских источников, они стали массами вторгаться на полуостров и, самовольно преодолевая сопротивление византийского правительства, посылавшего против незваных гостей вооруженную силу, стали селиться на полуострове, распространяясь необычайно быстро по всей его территории, с севера на юг и с востока на запад, и переходя далеко за пределы полуострова, на острова Эгейского моря и т. д.

К VII в. славяне представляли собою уже прочное массовое оседлое население полуострова. Предшествовавшее же им местное послavianское население, уцелевшее от римского погрома (иллирийцы, фракийцы, греки и пр.), под натиском славян или ушли в горы или укрылись в хорошо укрепленных городах на Адриатическом и Эгейском побережьях.

Разрозненные на множество мелких племен, южные славяне вначале жили обособленными племенами под управлением своих главарей на демократических началах, не зная централизованной государственности, чем они якобы резко отличались от германцев-готов Алариха (IV—V вв.) и Теодориха, прозванного Великим (V—VI вв.), которые обычно появлялись на юге как организованные войска под командою королей, образуя из покоренных стран обширные государства, а сами оставались в них в роли господствующего командного класса.

История южных славян сложилась совершенно иначе.

Балканские славяне продолжали жить племенным строем до тех пор, пока в VII в. пришедшая болгарская орда не заключила в оковы государственности восточнобалканскую группу славянских племен, положив начало болгарской государственности, а несколько позже, к IX в., западнобалканские славяне не кристаллизовались в два государственных центра — хорватов и сербов.

Так обычно современная наука представляет себе дело происхождения южных славян и их государственности. Однако как произошло это событие, неизвестно. Серб-

ские и хорватские историки бессильны ответить на этот вопрос. Заслуженный сербский историк С. Станоевич не может вскрыть подлинные пути этого процесса и предположительно склонен видеть их, с одной стороны, в благоприятном географическом положении племени сербов, а с другой — в его преимущественных физических и интеллектуальных способностях.

К. Иречек в своей *Geschichte der Serben* (Gotha, 1, 1911, стр. 107, 120—122) совершенно уклонился от исследования процесса становления сербской государственности.

Ничего существенного для исследования этой проблемы, к сожалению, не внес и Ф. Шишич в своем последнем капитальном и весьма ценном в других отношениях труде «*Povijest Hrvata*» (Zagreb, 1925 г.).

Ту же картину в общем представляет собою и болгарская историческая наука, хотя в вопросе об отношении к истории болгарской государственности есть некоторая ясность, ввиду наличия здесь уже с VII в. в качестве организующего фактора болгарской орды Аспаруха, хотя и в этом пункте имеется еще много неясностей этнического и политического характера.

В общем следует признать, что положительные достижения современной научно-исследовательской работы в области изучения проблемы происхождения южных славян, несмотря на их большую научную значимость, не могут тем не менее считаться окончательными, а самая проблема вполне и раз навсегда решенною: она нуждается в дальнейшей углубленной проработке на основе учета новейших методологических достижений в области философии и социальных наук.

В самом деле, на чем в конце концов главным образом зиждется в наших научных представлениях все огромное и мастерски построенное здание господствующей сейчас в науке теории о происхождении южных славян? Отвечая на этот вопрос, мы должны сказать: оно построено главным образом на чисто хронологическом истолковании соответственных показаний византийских источников. Рассуждение идет таким порядком: а) впервые византийские источники говорят о славянах на полуострове только с начала VI в.; б) до этого времени в источниках о славянах нет речи. Отсюда делается вывод: славян до VI в. на полуострове не существовало.

С другой стороны, так как византийские источники говорят о славянах, только с

VI в. массово нападающих на византийскую территорию из-за Дуная, т. е. с севера, отсюда делается новый, более сложный вывод: славяне появились на Балканском полуострове в массовом количестве, начиная с VI в., из-за Дуная. Кроме того различные соображения и материалы помимо показаний византийских источников привели исследователей к заключению, что частично славяне заселяли полуостров в том же порядке, т. е. переправляясь на него из-за Дуная, уже начиная по крайней мере со II в. христианской эры, но не раньше. Очевидно до этого времени вход славянам на полуостров был совершенно запрещен. Кем был запрещен? Позволяю себе думать, что во всяком случае не подлинными историческими судьбами славянских народов Балканского полуострова, а какими-то иными обстоятельствами, в том числе возможно и недостаточной вооруженностью науки соответственными материалами.

Если исходить из данных византийских источников, то еще в конце VI в. славяне на полуострове—случайные гости: отдельными вооруженными, т. е. военными отрядами, они бродят по византийской территории, грабят ее, иногда овладевают городами, крепостями, обращая население в рабство, иногда доходят и до самых византийских стен, увозя табуны императорских лошадей и т. п. Но в то время как в начале VI в. даже большие войска славян терпят поражения от византийцев, как это имело например место в 527 г., когда наступавшие на Византию славянские войска были разбиты племянником царя Юстиниана, губернатором во Фракии—Германом, к концу VI в. о славянах те же источники говорят, что «они стали богаты, имеют много золота, серебра, табуны лошадей и оружие, и научились вести войны лучше самих римлян». Другими словами, византийские источники не только говорят о подвигах славянских военных дружин на полуострове в VI в., но и констатируют известный хозяйственный и культурно-технический под'ем и успехи этих дружин, достигнутые ими к концу VI века.

Таким образом византийские источники совершенно ясно говорят о том, что в конце VI в. военные славянские дружины на полуострове развивали весьма активную наступательную, агрессивную политику по отношению к Византии. И только! Значит ли это, что в это время на полуострове не существовало массового трудового славянского населения, которое занималось мирным кре-

стьянским трудом и ремеслами, причем славяне эти являлись лояльными гражданами Византийской империи? Конечно не значит! Дело в том, что византийские источники очень много говорят о подвигах военных, именно славянских дружин, дававших конечно о себе знать византийскому правительству, и ничего не говорят в то же время о массовом славянском населении, которого за славянскими войсками они просто, очевидно, не замечали, потому что оно их не интересовало. Отождествлять же славянские военные дружины со всем славянским народом и, читая в источниках о «войске склавинов», понимать этот термин так, что все массовое славянское население на полуострове представляло собою сплошное войско, которое только то и делало, что скопом учиняло грабежи на больших византийских дорогах, мы не имеем никаких оснований.

Так именно обстояло дело, судя по византийским источникам, к концу VI в.: массового славянского населения на полуострове не было. И вдруг неожиданно, как *deus ex machina*, в первую половину VII в. перед нами во весь свой рост вырастает Балканский полуостров, сплошь заселенный уже массовым славянским населением, что засвидетельствовано множеством совершенно конкретных фактов! Как же оно очутилось здесь в таком исключительном масштабе и в такое короткое время? Нисколько не забывая при этом утверждения, что славяне частично стали проникать на полуостров уже с конца II в., что среди проникавших сюда с этого времени варваров целый ряд племен, как полагали в свое время М. С. Дринов и К. Иречек, хотя и бездоказательно, были славянами по своей племенной принадлежности вроде: карпов, языгов, даков, костобоков, бойсков, сатагаров и т. п.,—я все же нахожу, что общий процесс славянской колонизации полуострова, как он рисуется обычно на основании показаний византийских источников до VI—VII вв., не совсем ясен, а его представление, как оно до сих пор обычно рисуется, не производит впечатления убедительности.

Повидимому это же чувствовал в свое время и проф. М. С. Дринов. Для того, чтобы внести в общую картину славянской колонизации полуострова возможную ясность, он должен был построить целую теорию двух различных по характеру периодов колонизации.

Вначале, с конца II в., когда империя

была еще довольно могущественна, славянская колонизация протекала тихо и мирно. С согласия правительства, иногда даже по его настоянию, говорит Дринов, славянские переселенцы переходили и занимали отводимые им для жилищ земли. Тут они постепенно привыкли к действующим в империи порядкам, становились гражданами, служили на военном и гражданском поприщах, давали ей императоров — Юстиниана, Юстиниана, и отличных полководцев — Анепскла, Оногоста, Доброгоста, Всегорда, Сваруна, Велизария, Татимира и др. Но по мере изнеможения империи водворение славян изменялось, пока не приняло наконец завоевательного характера. Временем перелома проф. Дринов считает последнюю четверть V в. С этого времени начинаются бурные вторжения воинственных славянских дружин, ниспровергавших власть империи на полуострове и завоевывавших привольные жилища. Такой способ заселения полуострова славянами, утверждает проф. Дринов, проходит и через весь VI век, причем, занимая области империи с оружием в руках, позднейшие славянские переселенцы, говорит проф. Дринов, не имели надобности подчиняться ее власти подобно славянам, переселявшимся до половины V в. Они устраивались в завоеванных областях, как у себя дома. Таким образом, заключает проф. Дринов, около половины VII в. славяне, обитавшие уже на полуострове, в политическом отношении делились на две части: одни находились под властью Византии и разделяли участь ее поданных, другие же, большинство, пользовались полной независимостью, сохраняя вместе с тем неприкосновенным господствовавший у них в это время родовой строй.

Допустим, что славяне появились на полуострове действительно со II в. христианской эры, а не представляют собой его старого автохтонного этнического элемента. Совершенно естественно, что поставленные на византийской территории в совершенно новые для себя условия социально-хозяйственной, культурной и политической жизни, они со своим патриархально-родовым строем очень скоро неизбежно были органически втянуты в общий процесс хозяйственной, административно-политической и культурной жизни империи. Надо полагать, что ни одна сторона высокоразвитой по тому времени византийской жизни не оставалась чуждою славянам. Представлять себе дело иначе — значило бы отрывать историю народа от конкретной исторической действи-

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Проф. Ф. Куршман
(Грейфсвальд)

тельности и рассматривать ее вне пространства и времени. Источники говорят, что славяне служили в византийских войсках не только рядовыми солдатами, но и офицерами; что они участвовали в византийской экспедиционной армии в Италии против готов; что в византийско-персидской войне 554 г. одним кавалерийским полком командовали Дабрагец и Усигард, оба варвары родом; из них особенно отличился в следующем году «Дабрагец, ант, таксиарх», а в 556 г. уже отмечаются заслуги и его сына (см. С. Станоевич «О южном словенима», стр. 129 — 130). Славяне же несомненно занимали на византийской службе всевозможные, иногда и довольно крупные, административные должности в византийском местном и центральном аппарате. Вполне понятно, что за время своей жизни на римско-византийской территории славяне, в массе своей земледельцы (о чем совершенно определенно говорят источники), успели к VI в. в известных своих социальных слоях значительно вырасти материально и технически; в частности, по свидетельству источников, они стали достойными соперниками византийцев в военном деле на суше и на море.

Несомненно, успехи балканских славян в материальной, технической и культурной областях, достигнутые ими к VI в. на новых местах и в новых условиях хозяйственного развития, конечно сравнительно скоро отразились на их общественном строе и вызвали известный сдвиг в их среде: былой примитивный патриархально-родовой быт не только лицом к лицу столкнулся с византийским феодализмом, но и органически был втянут в сферу его влияния, очень рано дав трещины. Больше того: разложение славянского территориально-племенного общества, начавшись значительно раньше,

первые резко обозначилось именно в последней четверть V в., вернее, к середине VI, когда, по выражению профессора Дринова, «начинаются бурные вторжения воинственных славянских дружин, истреблявших власть империи на полуострове».

Проф. Дринов видит в этом факте «новый способ заселения полуострова славянами». Другие обычно видят в нем начало массовой славянской колонизации, говоря: до VI в. славяне на полуострове или вовсе не жили или если и проникали туда, то лишь частично, растворяясь в массе местного инославянского населения; первые бесспорные сведения об их приходе на полуостров восходят только к началу VI в., встречаясь в византийской литературе у Прокопия в его «Истории юстиниановых войн», написанной главным образом в 550 или 551 г., а также у его подражателей: Агафия, Менандра и Феофилакта Симмокатты¹.

На Балканский полуостров, говорит например Станоевич, славяне проникли, вероятно, в начале VI в. по Р. Х. С 527 г. начинаются из года в год вторжения славянских полчищ за Дунай; славяне грабят местность и с большою добычей возвращаются назад. Постепенно однако эти вторжения принимают характер переселения; волны нападающих отрядов, заливающие придунайские области, не возвращаются за Дунай; местность не только опустошается и разграбляется, но и занимает постоянными поселениями².

Вопреки изложенным выше воззрениям, исходя из тех же показаний византийских источников, я склонен видеть в военно-грабительских выступлениях отдельных славянских отрядов в VI в., которые появлялись не только из-за Дуная, но и изнутри страны, факт, свидетельствующий не о начале славянской колонизации на полуострове и не об изменении ее характера, а о назревшем к тому времени среди балканских славян известном социальном сдвиге. Этот сдвиг выразился в том, что разложение старых основ славянского патриархально-родо-

вого быта в процессе феодализации уже создало в славянской социальной среде новый социальный слой — торгово-военный класс; этот-то класс с конца V в., окрепнув материально и политически, и стал выступать на международной арене в роли активного претендента на византийское наследие рядом с прочими варварами, тревожившими Византию с востока и запада. Где бы этот класс ни сложился среди славян, на византийской ли территории или на Нижнем Дунае в непосредственном с нею соседстве, политические устремления этого класса были направлены против крупнейших тогда торговых центров — Солуня и Константинополя с целью овладеть ими в качестве своих опорных пунктов. Настойчивость и прекрасная техническая подготовка, с какой славяне выступали у стен Солуня, свидетельствует, что это не случайные грабительские банды, а политически выдержанная тактика нового, окрепшего и выросшего господствующего класса. Если же принять во внимание всю византийскую жизнь того времени, политически крайне напряженную, стоявшую на грани анархии и угрожаемую со всех сторон неприятелем, будет вполне понятным и тот колоссальный рост бандитизма, неизбежного спутника всякой войны, о котором говорят византийские источники, от которого страдало массовое местное население полуострова, в одинаковой мере как славянское, так и неславянское, и с которым византийское правительство было бессильно справиться. Классовые торгово-военные дружины вскоре стали на полуострове основным цементом, скреплявшим ту этническую и политическую консолидацию местного славянского и неславянского населения, из которой впоследствии выросли первые этнические объединения и политические организации болгар, хорватов и сербов.

Если в выступлениях торгово-военного класса в славянской среде на полуострове около половины VI в. видеть не просто разбой, как это делают по совершенно понятным причинам придворные византийские историки, а проявление определенного социального сдвига среди славян, не исключая конечно бандитизма на больших торговых путях во Фракии, Фессалии и Македонии по направлению к Солуню и Константинополю; если из хаоса бурных событий, о которых сообщают византийские историки, уметь выделить и очистить основное ядро от побочных наслоений, то станет совершенно ясным, что о распаде славянского

¹ Л. Нидерле, т. II, ч. 1-я, стр. 180 и сл.; М. Соколов, Из древней истории болгар. СПб, 1879 г., стр. 46; К. Иречек, История на Българите. Търново, 1888 г., стр. 92—121; его же, Geschichte der Serben Gotha, 1911; А. Л. Погодин, Из истории славянских передвижений. СПб, 1901 г., гл. VII; его же, История Сербии, СПб, 1909 г., стр. 5 и др.

² Его же, Историја српскога народа. Белград. 1908 г., стр. 17—40, то же Ferdo Sisic, Poxijest Hrvata, Zagreb, 1925, стр. 207—235.

населения полуострова на две части в VII в., как думал проф. Дринов, можно говорить только в смысле чисто социальном: в южнославянской среде к этому времени окончательно оформилось социальное расслоение на две основные группы: 1) феодальные верхи или господствующий военно-торговый класс, который вел агрессивную политику, заключая союзы друг с другом — с одной стороны, и с Солунью — с другой, если в том встречалась надобность; и 2) массу крестьянского населения, занятую мирным трудом, поскольку позволяла окружающая обстановка, и несомненно эксплуатируемую господствующим классом путем наборов в военные отряды, реквизиций для военных надобностей и т. п. Рост славянского бандитизма в VI в., отмеченный византийскими историками, — это неизбежный спутник агрессивной политики господствующих классов, ложившейся тяжелым материальным бременем на местные славянские и неславянские массы.

Византийские писатели несомненно или не знали вовсе жизни славянской массы на полуострове или знали ее весьма поверхностно. Но, надо полагать, они знали удовлетворительно быт и нравы славянских общественных верхов, с которыми правительству чаще всего приходилось сталкиваться в крайне неприятной обстановке. Поэтому необходимо крайне осторожно и критически подходить к показаниям византийских источников, когда они говорят о быте и нравах славянской массы и вообще о славянах на полуострове.

Если наша точка зрения верна, то показания византийских источников о первых выступлениях на полуострове вооруженных славянских отрядов в VI в. следует толковать не историко-хронологически, а историко-социологически, как известный этап в развитии славянского общественного строя на полуострове.

ОТ БАБЕФА

К

МАРКСУ

«Как всякая новая теория, социализм должен был примкнуть к порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко в экономических фактах». Так характеризует Энгельс в «Анти-Дюринге» взаимоотношение между новейшей социалистической мыслью и буржуазным просвещением XVIII века. *Mutatis mutandis* — та же формула может быть применена и к связи научного коммунизма Маркса и Энгельса с французским утопическим социализмом. Что французский утопизм является одним из источников марксизма, в этом не может быть никаких сомнений.

Но французский утопический социализм является весьма сложным и пестрым комплексом. И если вопрос о влиянии французского социализма на марксизм в его общей форме разрешается очень просто, то вопрос о пределах влияния отдельных представителей французского социализма гораздо менее ясен.

У нас нет до настоящего времени ни одной работы, которая бы ставила себе задачей исследование отдельных школ французского социализма с точки зрения их воздействия на формирование марксизма. Настоящий доклад имеет целью не столько подвести итоги исчерпывающего исследования данного вопроса, сколько на основании предварительной разведки наметить главные направления необходимой работы.

Маркс и Энгельс, как известно, относились весьма отрицательно к эпигонам утопического социализма, к социалистам 30-х и 40-х годов. «Значение утопического социализма, — говорит «Коммунистический манифест», — стоит в обратном отношении к историческому процессу». Иными словами, с каждым шагом вперед реального рабочего движения и с ростом классового самосознания пролетариата утопические системы, при своем зарождении отражавшие хотя и в фантастической форме настроения пробуждающегося пролетариата, приобретают все более реакционный смысл.

Это не исключает конечно возможности освоения Марксом и Энгельсом того или иного частного положения, формулировку которого они могли найти впервые у Леру, или у Пеккера, или у кого-либо из *фурьеристов*. Такого рода «заимствования», изысканием которых немало занимались критики Маркса, нас здесь не интересуют. Нас интересует влияние французского социализма в принципиальных вопросах. О таком действительном влиянии можно говорить лишь имея в виду основоположников французского утопизма, а не их позднейших продолжателей и вульгаризаторов.

Прежде всего о соотношении марксизма и бабувизма. Несомненно бабувизм можно рассматривать как предшественника марксизма. В «Коммунистическом манифесте» сочинения Бабефа отнесены к литературе,

которая в революциях нового времени выражала требования пролетариата. В «Анти-Дюринге» движение Бабефа характеризуется как движение того слоя, который был «более или менее развитым предшественником современного пролетариата». Маркс в то же время, когда он изучал утопистов начала XIX в., ревностно изучал историю Великой французской революции. Он хорошо знал конечно и книгу Буонаротти. Разумеется, философские и философско-исторические взгляды Бабефа и его соратников не могли импонировать Марксу, прошедшему школу германской классической философии. В «Святом семействе» он говорит о бабувистах как о грубых, нецивилизованных материалистах. В философии и в философии истории они не могли дать Марксу почти ничего, что не было бы ему известно из сочинений материалистов XVIII в. Здесь можно отметить положительным знаком только два тезиса бабувистов: их взгляд на исторический процесс как на вечную «войну между плебеями и патрициями, между богатыми и бедными» и их представление об экспроприации масс как о неизбежном последствии частной собственности и в то же время как о силе, подрывающей самые корни этого института. Но оба эти положения даны бабувистами в весьма абстрактной форме, для 40-х годов XIX в. уже устарелой. Совсем не является поэтому ни неожиданным, ни противоречащим оценке бабувистского движения как пролетарского то замечание, которое мы находим в «Немецкой идеологии»: «считать (Бабефа) теоретическим представителем коммунизма могло прийти в голову только берлинскому школьному учителю».

Гораздо большее значение в развитии марксистского учения могли и должны были иметь политические и тактические взгляды бабувистов. Две черты резко отличают бабувистов как от их предшественников — коммунистов XVIII в., так и от великих утопистов начала XIX в.: идея революционного переворота во имя коммунизма и идея диктатуры трудящихся как переходного этапа к коммунизму. Бабувисты не сумели обосновать неизбежности коммунистической революции анализом движущих сил капиталистического общества, что сделал впоследствии Маркс. Диктатура, к которой они призывают, также не является еще диктатурой пролетариата, ибо у них нет отчетливой картины классового строения капиталистического общества. Эта недостаточность построений Бабефа и его соратников, с точки

зрения марксизма, объясняется недостаточным развитием капиталистических отношений и классового самосознания французского пролетариата эпохи революции. Говоря словами Энгельса («Праздник народов в Лондоне», 1846 г.): «заговор Бабефа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку эти выводы были тогда возможны». Теми же объективными условиями объясняются и те недостатки в концепции бабувистов, которые отмечены в «Коммунистическом манифесте»: аскетизм и грубая уравнительность. В эту сторону мысль бабувистов толкали и относительно низкий уровень производительных сил и психологические особенности того общественного слоя, на который они опирались, — предпролетариата, еще не изжившего мелкобуржуазных уравнительных вкусов и симпатий.

Как бы то ни было, при всей указанной Марксом и Энгельсом теоретической и тактической отсталости бабувистской мысли, указанные выше основные положения бабувизма в очищенной от исторического шлама форме, с новым теоретическим обоснованием вошли в железный инвентарь марксизма. Влияние бабувизма в этом пункте вряд ли можно отрицать.

Громадное расстояние отделяет примитивный революционный коммунизм Бабефа от научного коммунизма.

Маркс и Энгельс использовали и некоторые стороны учения Сен-Симона и Фурье. Ни система Сен-Симона и его ближайших учеников (мы имеем в виду в первую очередь Exposition de la doctrine Saint-Simonienne), ни система Фурье не были ни революционными, ни коммунистическими. С этой точки зрения они стоят дальше от марксизма, чем бабувизм. Но сен-симонизм и фурьеризм отличались несравненно большей широтой социального кругозора. И это объясняется конечно не только гениальностью их творцов. Сен-Симон и Фурье оказались в состоянии учесть в своих построениях социальные итоги тех колоссальных сдвигов — экономических и политических, — какими был отмечен конец XVIII и начало XIX вв: промышленного переворота и Великой французской революции. Они поняли, хотя и с недостаточной полнотой, еще только складывающиеся в их эпоху отношения промышленного капитализма. Они сумели отразить настроения, вызванные болезненными процессами пролетаризации мелкой буржуазии и формирования промышленного пролетариата в современном смысле этого слова. Как социальные

теоретики и как критики капиталистических отношений они несомненно, по сравнению с бабуристами, стоят на недостижимой высоте. Неудивительно, что в «Коммунистическом манифесте» им отведено почетное место.

Прежде чем перейти к отдельным моментам построений Сен-Симона, необходимо обратить внимание на общую установку всей работы Сен-Симона. По его собственному заявлению его жизненной задачей было создание новой философии, основывающейся на приобретениях точных наук. Но философия для Сен-Симона — не только высшее теоретическое обобщение, но и практическое руководство. Организация философии — организация жизни. Основное для него, как и для Маркса, не в том, чтобы объяснить мир, но в том, чтобы его изменить. Под этим положением, сформулированным Марксом в 11-м тезисе о Фейербахе, Сен-Симон несомненно, охотно подписался бы. И среди тех источников, которыми питалась мысль Маркса в период выработки им основ диалектического материализма, сочинения Сен-Симона могли занимать известное место.

Существеннейшую часть учения Сен-Симона составляет конечно философия истории. Идеалистическая в своей основе, она тем не менее отличается двумя чертами, которые сближают ее с историческим материализмом и которые могли произвести впечатление на Маркса. Это, во-первых, последовательный детерминизм, учение о закономерности исторического процесса, об историческом предвидении, основанном на понимании законов исторического развития. Это, во-вторых, элементы диалектики, содержащиеся в сен-симоновском построении истории с его историческими системами, в пределах которых человечество развивается, пока эти системы из формы развития не превращаются в препятствия развитию, которые затем разрушаются, чтобы дать место новым, соответствующим достигнутому человечеством уровню и обеспечивающим его дальнейший рост. Ясно, что между этими идеями и взглядами Маркса на исторический процесс и исторические формации имеются весьма существенные точки соприкосновения. Если принять во внимание имеющуюся у Сен-Симона яркую характеристику развития социальных отношений и классовой борьбы с XV в. до французской революции, — характеристику, несмотря на общие идеалистические установки Сен-Симона, весьма приближающуюся к материалистической, — влияние сен-симоновской философии истории на марксизм становится

очень правдоподобным. Конечно в своем развитии к историческому материализму мысль Маркса отправлялась прежде всего от Гегеля. Но «переворачивая» философию Гегеля «с головы на ноги», Маркс мог в ряде моментов опереться на сен-симонизм.

Представления Сен-Симона о будущем обществе конечно не могли быть использованы Марксом и Энгельсом. Идеи обязательного труда, плановой организации производства («ассоциация»), критика привилегий, основанных на случайности рождения, — все это дано Сен-Симоном в слишком общей и неопределенной форме; вряд ли Сен-Симон мог дать в этих направлениях какие-либо дополнительные толчки мысли людей, знакомых с коммунистической литературой. Самое большое, о чем здесь можно говорить, это о дополнительных аргументах. Одно следует однако подчеркнуть — это взгляд Сен-Симона на будущие судьбы государства: предстоящее отмирание системы господства, управления людьми и замена этой системы системой администрации, управления вещами. Эта идея в столь близкой к марксизму форме была дана до марксизма только у Сен-Симона. И историческое значение формулировки Сен-Симона не один раз отмечалось Энгельсом.

Более четкие социалистические выводы из положений Сен-Симона были сделаны Базаром в «Exposition de la doctrine Saint-Simonienne». Критика грюновской книги о французском социализме в «Немецкой идеологии» показывает, что Маркс и Энгельс хорошо знали не только «Exposition», но и сен-симонистские журналы «Producteur» и «Globe». Большая определенность социальных целей отразилась и на философско-исторической концепции Базара. В понимании ряда проблем Базар стоит много выше всех прочих утопистов. Он намечает к их решению пути, по которым шел Маркс в своей критике Фейербаха. Так, для Базара «индивидуальный» человек есть абстракция, реально существует общественный человек, плод общественного состояния своего общества, своего народа. Близко к марксовскому у Базара и понимание роли личности в истории. Деятельность человека детерминирована; но человек не есть пассивное существо, влекомое внешним роком, он является активным элементом в истории. Даже предугадывая будущее на основании изучения прошлого, личность сохраняет свою заинтересованность, и сознание неизбежности торжества ее стремлений способно лишь усилить ее активность, а отнюдь не ослабить.

Это сознание освобождает личность в истинном смысле этого слова от бессознательного подчинения власти неведомого закона. Наконец общее представление об историческом процессе как о смене форм эксплуатации вряд ли у кого до Маркса дано с такой яркостью, как у Базара: «Человек эксплуатировал до сих пор человека: господа — рабы; патриции — плебеи; сеньоры — крепостные; земельные собственники — арендаторы; празднолюбцы — труженики, — вот история человечества до наших дней». Близость этой формулы к знаменитой формуле, с которой начинается первая глава «Коммунистического манифеста», сразу бросается в глаза.

В литературе не раз указывалось на «заимствование» Марксом и Энгельсом у сен-симонистов имеющегося в «Коммунистическом манифесте» требования отмены права наследования. Но не говоря уже о том, что «Коммунистический манифест» связывает это мероприятие с диктатурой пролетариата, оно имеется не только у сен-симонистов. В понимании, более близком Марксу и Энгельсу, мы находим его у бабувистов, и, думается, неслучайно, что оно стоит в «Манифесте» рядом с несомненно бабувистским требованием о конфискации имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

Сен-симонизм если и отражал настроение пролетариата на одной из стадий развития его классового самосознания, то лишь косвенно и в извращенном виде. Наряду с элементами, которые дают нам право видеть в нем предшественника марксизма, в нем были несомненно зародыши построений совсем иной социальной направленности. Именно поэтому сен-симонизм мог быть воскрешен в начале XX в. противниками пролетарского коммунизма, был противопоставлен ими марксизму. Именно поэтому у сен-симонистов могли черпать аргументы некоторые теоретики фашизма. Эти черты — антиреволюционность, отрицание классовой борьбы как силы, творящей новое общество, вера в классовую солидарность, на путях которой водворяется новая органическая система общества, иерархия способностей, развитая в «Exposition» в систему своеобразной теократии. Совокупность этих идей и позволила использовать впоследствии сен-симонизм врагами марксизма. Ясно, что эти специфические сен-симонистские идеи придавали всем их прогнозам такой характер, который отталкивал от сен-симонизма Маркса и Энгельса.

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Мин. Кетчинский
(член Комитета исторического конгресса)

Вопрос о влиянии на марксизм Фурье несравненно более прост и ясен, отнюдь не потому, что он лучше разработан в исторической литературе, но потому, что на эту тему имеется гораздо больше существенных заявлений у Энгельса. Энгельс ценил Фурье весьма высоко, его отзывы о Фурье — с «Очерков критики политической экономии» 1843 г. и до «Анти-Дюринга» — почти не меняются в своем тоне.

Прежде всего мы имеем ряд лестных отзывов о философии истории Фурье. В «Анти-Дюринге» отмечены диалектическая трактовка у Фурье истории человечества и его схема исторических ступеней развития (дикость, варварство, патриархат, цивилизация). И тем не менее в своих принципиальных основах философия истории Фурье слишком далека от исторического материализма, чтобы можно было говорить о ее сколько-нибудь значительном влиянии. Пронизывающий ее теологизм и телеологизм, вера в возможность для свободного человеческого разума влиять на естественный ход событий (известное «открытие» Фурье гармонического строя) конечно были отвергнуты марксизмом. Лишь отдельные ее черты — элементы диалектики, отмеченные Энгельсом, и элементы материализма (несоответствие между потребностями человека и ресурсами окружающей его среды как основной толчок к прогрессу человечества; характеристика исторических периодов производственными признаками) — могли дать ценный материал при выработке марксистского понимания истории.

Совершенно бесспорно использование Марксом и Энгельсом данной у Фурье критики цивилизации. В «Немецкой идеологии» эта часть учения Фурье признается важнейшей, его сатира — блестящей. В замечаниях, которыми сопровождает Энгельс перевод отрывка из Фурье о торговле, он отмечает,

что Фурье занимает в критике общества единственное место. Почти 30 лет спустя в «Анти-Дюринге» он повторяет эти оценки почти слово в слово с более развернутой аргументацией. И действительно, ни у кого из предшественников Маркса мы не найдем такой глубокой и беспощадной критики капиталистических отношений, какую мы имеем у Фурье. Анархия капиталистического производства, вытеснение мелкого производства крупным, кризисы, рост общественных антагонизмов и взаимной ненависти, роль государства и права как слуги и орудия богатых против массы населения, разложение семейных отношений и морали, прислужничество и практическое бесплодие философии, экономики и политики — все эти характерные черты капиталистического строя даны в нарисованной Фурье картине с непревзойденной яркостью; и конечно эта картина не могла не произвести на Маркса и Энгельса самого глубокого впечатления в период их роста к революционному коммунизму.

Что касается идеальной ассоциации Фурье — его «фаланги», то ее мелкобуржуазные черты — хозяйственная ограниченность, приближающаяся к автаркии, классовая структура и соответственный принцип распределения — должны были делать ее совершенно неприемлемой для Маркса и Энгельса. К тому же мы знаем, как отрицательно относились они даже в ранние годы своей деятельности к построению схем будущего общества. И тем не менее отдельные положения Фурье, относящиеся к будущему, были использованы марксизмом. Строя свою фалангу как типичный мелкобуржуазный утопист, ищущий путей к примирению классов, Фурье оказался способен в ряде пунктов выйти за пределы мелкобуржуазного кругозора и дать ряд поистине гениальных прозрений, социально обусловленных процессом пролетаризации того низшего слоя мелкой буржуазии, настроения которого он отражал. Уже в 1844 г. в «Очерках критики политической экономии» Энгельс солидаризировался с учением Фурье о соревновании и о его значении в будущем обществе. Возвращаясь в конце 70-х годов к вопросу

о социалистической организации производства (в связи с критикой Дюринга), Энгельс подчеркивает другую идею Фурье — идею разнообразия труда для каждого работника. Именно такая организация труда дает возможность, по мнению Энгельса, преодолеть пожизненное прикрепление рабочего к одному виду работы, ликвидировать разделение труда в его современной форме и сделать труд привлекательным. Наконец, начиная с «Немецкой идеологии» и кончая «Анти-Дюрингом», затрагивая вопросы воспитания и трудовой школы, основоположники научного коммунизма почти каждый раз отмечают гениальность педагогических идей Фурье.

Резюмируем. В истории революционного коммунизма предшественником марксизма по прямой линии является бабуизм. Но приняв бабуистскую идею коммунизма как «идею нового мирового порядка», Маркс и Энгельс использовали при построении научного коммунизма все ценное, что они нашли у великих французских утопистов: Сен-Симон и Базар дали им больше всего материала в области философско-исторической, Фурье — в области критики общественных отношений капитализма.

Однако и философия истории сен-симонизма и критика Фурье вошли в состав марксизма в переработанном виде. Не надо забывать, что сен-симонизм был использован Марксом и Энгельсом, уже прошедшими школу германской классической философии, в частности философии Гегеля; не надо забывать, что параллельно изучению критики Фурье шло изучение английской политической экономии. Только эти три источника дали Марксу и Энгельсу возможность построить новую, коммунистическую теорию, соответствующую новым социальным условиям, сложившимся уже в передовых европейских странах отношениям промышленного капитализма, быстро растущим — и количественно и в своем классовом самосознании — кадрам промышленного пролетариата. Идеологические предшественники марксизма интернациональны, как интернациональна и его социальная база.

1-й ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

(по неопубликованным документам)

1

Говоря о влиянии Интернационала на революционное движение 1870—1871 гг., завершившееся первой пролетарской революцией, мы разумеем под этим ту роль, которую играли в этом движении как Генеральный совет Интернационала (в лице Маркса), так и его французская, преимущественно парижская секция.

В литературе, появившейся в начале 70-х годов, на оценке роли Интернационала в сильнейшей степени сказалась как бешеная реакция, наступившая во Франции после разгрома Коммуны, так и острая фракционная борьба между марксистами и бакунистами в самом Международном обществе рабочих. Правительство Тьера, претендовавшее на роль спасителя европейской цивилизации от опасности социалистической революции, проповедывавшее необходимость своего рода нового «священного союза» против Интернационала и требовавшее на этом основании от других государств выдачи беглецов Коммуны (циркуляр Жюль Фавра от 6 июня 1871 г.), запретившее организацию Интернационала во Франции, старалось во что бы то ни стало доказать, что революция 18 марта была результатом тщательно подготовленного заговора, искусно направляемого из Лондона широко разветвленной могущественной организацией, объединившей под своим руководством все

революционно-политические группировки, что таким образом именно Интернационал является ответственным за «преступления» Коммуны. Стоявший во главе этой организации Карл Маркс якобы руководился директивами, получавшимися им от Бисмарка, орудием которого против Франции и был Интернационал¹.

Такова была установка реакционной версальской прессы и правительственной следственной комиссии, не раз формулированная ее председателем². Преувеличенная роль в подготовке восстания 18 марта и руководстве им отводилась Интернационалу и реакционными историками того времени—Максимом дю-Канном, Ганото, Оскаром Тестю, Виллетаром и анонимным автором «Черной книги Парижской коммуны»³.

¹ Бомон-Васси, Подлинная история Парижской коммуны, стр. 12—13, 1871 г. (изд. на фр. яз.).

² См. Парламентские расследования по восстанию 18 марта, т. III, стр. 599, 201 (изд. на фр. яз.).

³ Максим дю-Канн, Конвульсии Парижа, т. I, стр. 22 (изд. на фр. яз.).

Ж. Ганото, История возникновения Третьей республики (Правительство Тьера), т. I, стр. 151 (изд. на фр. яз.).

Оскар Тестю, Интернационал (изд. на фр. яз.).

Его же, Интернационал и якобинизм (изд. на фр. яз.).

Наиболее решительную формулировку этой «ответственности Интернационала» находим у близкого к полицейским кругам историка Интернационала—Оскара Тестю: «Интернационал и только Интернационал,— пишет он,— подстрекал к революции 18 марта и руководил ею... Интернационал и Коммуна делали одно и то же дело»⁴. Уже с 4 сентября 1870 г. за всеми «якобинскими комитетами», которые должны были «координировать революционное движение», скрывался тот же Интернационал, который тайно подготовлял 31 октября, 22 января и 18 марта, предпочитая оставаться в тени на случай неудачи⁵.

В этом отношении исключение составляют лишь реакционер Молинери⁶ и Бернар Беккер⁷.

Диаметрально противоположную позицию занимали в данном вопросе радикально настроенные буржуазные историки Коммуны вроде Фио⁸, пытавшиеся защитить Коммуну и Интернационал от взводившихся на них обвинений. Эти историки подчеркивали слабость влияния Интернационала на революционное движение в Париже 1870—1871 гг. Интернационал «никоим образом не подготовлял движение 18 марта, как целое, он не был замешан и в демонстрациях 31 октября и 22 января».

Ту же чисто негативную концепцию разделяли и некоторые участники движения, как например Лефрансэ или Малон, подчеркивавшие чисто стихийный характер революции 18 марта, которая была настоящим сюрпризом для революционеров⁹.

В новейших работах по истории Коммуны и I интернационала к «реакционной»

Виллетар, История Интернационала (изд. на фр. яз.).

Анонимный автор, Черная книга Парижской коммуны, разоблаченный Интернационал, 1871 (изд. на фр. яз.).

⁴ Тестю, Интернационал, предисловие, стр. VII (изд. на фр. яз.).

⁵ Е го же, Интернационал и якобинизм, т. II, стр. 171—172 (изд. на фр. яз.).

⁶ См. его работу «Социальные движения и публичные собрания перед революцией 4 сентября 1871 г.» (изд. на фр. яз.).

⁷ Беккер, История и теория Парижской революционной коммуны, 1871 г. (изд. на нем. яз.).

⁸ Фио, История гражданской войны 1871 г., стр. 37 (изд. на фр. яз.).

⁹ Лефрансэ, Изучение коммунистического движения, стр. 90 (изд. на фр. яз.).

Малон, Третье поражение пролетариата, стр. 75—76 (изд. на фр. яз.).

¹⁰ Лейтенант-полковник Руссе, Франция при III республике. Консервативная республика. Президентство Тьера, стр. 72—73 (изд. на фр. яз.).

версии примыкает Руссе¹⁰, к либерально-радикальной — Лепеллетье¹¹.

Анархист Гюльом¹², заинтересованный в преувеличении роли Бакунина во французской секции Интернационала, переоценивает влияние французских интернационалистов на революционное движение не только в Лионе и Марселе, но и в Париже, где якобы уже во время восстания 31 октября «Интернационал принимал широкое участие» в движении, которому Гюльом приписывает чисто бакунинский характер «народной революции» в целях превращения Франции в федерацию свободных коммун¹³.

Ту же оценку парижской революции давал и сам Бакунин¹⁴. В то же время Гюльом совершенно отрицает какое-либо влияние на парижскую секцию со стороны Маркса, который занимался во время «гигантской драмы» лишь «интригами и сведением личных счетов» со своими фракционными противниками, а после падения Коммуны, в погоне за популярностью, якобы совершенно незаконно присвоил себе в «Гражданской войне» ее идейное наследство¹⁵, отказавшись от своих старых взглядов на государство¹⁶.

В своей шовинистической брошюре, вышедшей в разгар империалистической войны¹⁷, тот же автор изображает Маркса и Энгельса как «немецких патриотов прежде всего», людей, действовавших в интересах Пруссии и использовавших свое влияние в Генеральном совете Интернационала, чтобы охладить патриотический пыл французских рабочих и подстрекать их к «измене» своему отечеству¹⁸.

К анархистской концепции,— «не Интернационал создал Парижскую коммуну, а I интернационал был делом Коммуны», которая создала неожиданную и незаслуженную популярность К. Марксу,— примыкает новейший американский историк Коммуны,

---

¹¹ Лепеллетье, Парижская коммуна, т. I, стр. 323 (изд. на фр. яз.).

¹² Джемс Гильом, Интернационал. Документы и воспоминания, т. II, 1907 (изд. на фр. яз.).

¹³ Там же, стр. 136—142.

¹⁴ Бакунин, Парижская коммуна и понятие о государстве, стр. 899 (изд. на фр. яз.).

¹⁵ Там же, стр. 157—192.

¹⁶ См. также письмо Бакунина в «Либерте» от 5/X 1872 г., цитируемое у Гюльома в его «Интернационале», т. II, стр. 192.

¹⁷ Гюльом, Карл Маркс—пангерманист и международные товарищества рабочих 1861—1870 гг. (изд. на фр. яз.).

¹⁸ Там же, Предисловие, т. III—IV, стр. 94—97.

Мэзон¹⁹, а также социал-демократические и троцкистские публицисты²⁰, пытающиеся в целях изоляции большевизма от марксизма отрицать всякую причастность Маркса и французских интернационалистов к движению 1870—1871 гг., сходство которого с пролетарской революцией в России они не могут уже оспаривать.

Более правильную позицию занимал Меринг²¹, считавший, что «никто не сознавал лучше Маркса, что Парижская коммуна не была делом рук Интернационала», но что Маркс имел все основания взять на себя ответственность «за дела и упущения Коммуны», ибо «согласно уставу Интернационала всякое рабочее движение, стремящееся к освобождению пролетариата, входило в состав Интернационала». Ю. М. Стеклов²², к сожалению, почти не затрагивает этой темы.

2

Наши источники по вопросу о роли Интернационала в революции 18 марта и его влиянии на Коммуну чрезвычайно скудны. Главнейшими из них являются переписка Маркса, Энгельса и Дюпона, протоколы заседаний Федерального совета парижских секций Интернационала, материалы следственной комиссии и документы, напечатанные в виде приложений к обеим работам Тестю и к книге анонимного автора²³.

Но переписка Маркса и Энгельса, относящаяся ко времени Коммуны, сохранилась далеко не целиком, протоколы заседаний Федерального совета имеются лишь за период с 5 января по 29 марта 1871 г. Что касается материалов следственной комиссии²⁴, то таковые дают мало нового по сравнению с тем, что мы знаем из других источников.

Во всяком случае если не считать показаний бывших тайных и явных агентов полиции и близкого к полицейским кругам Оскара Тестю, а также бывшего директора

¹⁹ Мэзон, Парижская коммуна, стр. 44—48, 1930 г. (изд. на англ. яз.).

²⁰ См. предисловие к новейшему изданию «Гражданской войны во Франции» К. Маркса.

О. Енсэн. Чему учит нас Коммуна?, «Классенкампф» № 6.

Корш, Революционная Коммуна, «Ди акцион» № 3—4, 1931 г.

²¹ Меринг, К. Маркс. История его жизни.

²² Ю. М. Стеклов, История I интернационала, стр. 61, Нью-Йорк, 1928 г. (изд. на англ. яз.).

²³ «История Интернационала», написанная одним буржуа-республиканцем, 1873 (изд. на фр. яз.).

²⁴ Парламентские расследования восстания 18 марта, т. I—III (изд. на фр. яз.).

Французского банка де-Плэк, поддерживавших правительственную версию о причинах революции 18 марта и в то же время обнаруживших полнейшее невежество в партийных группировках и их взаимоотношениях²⁵, то легенда о всемогуществе тайной организации Интернационала, якобы планомерно подготовлявшей революцию 18 марта и руководившей ею, разрушается показаниями таких авторитетных свидетелей, как Фавр, Жюль Ферр, генерал Трошю и др.²⁶

Чрезвычайно заманчивый на первый взгляд материал имеется в «Истории Интернационала» буржуа-республиканца, приводящего ряд писем, циркуляров и воззваний, посылавшихся Парижскому федеральному совету Генеральным советом и его ответственными представителями. Однако анализ этих материалов, вскрывающий ряд неточностей и грубых ошибок²⁷, заставляет сомневаться в подлинности целого ряда публикуемых автором материалов.

Такой вывод становится тем более вероятным, что различного рода фальшивки, якобы исходившие от Генерального совета Интернационала, были в то время в большой моде. Образчиком таких фальшивок является мнимое письмо Маркса из Берлина (!) к Серайе (от 24/II 1871 г.), появившееся в «Пти журнал» 11 и 19/III 1871 г., а затем расклеенное чьей-то услужливой рукой на стенах в виде афиши, дезавуирующее тогдашних вожаков парижской организации Интернационала и рисующее Маркса каким-то правоправным прудонистом! Мнимое письмо вошло затем в качестве «документа» в целый ряд сборников материалов и в работы по истории I интернационала и Коммуны²⁸.

3

Исследователи, занимавшиеся историей I интернационала, совершенно игнорировали такой ценнейший источник, каковым являются протоколы заседаний Генерального совета Интернационала²⁹, хранящиеся в

²⁵ Свидетельские показания, стр. 199—604, 230, 264, 182, 183. Показания Тестю, Ансара, де-Плэк, Шоппена, Нюсс, Осюд (изд. на фр. яз.).

²⁶ Парламентские расследования, т. II, стр. 47, 382, 35, 60.

²⁷ В именах и датах, несообразности содержания, отсутствие указаний на источники.

²⁸ См. например «Черная книга Парижской коммуны, разоблаченный Интернационал», стр. 88—89. Виконт Бомон-Васси, Лафрансе и др. (изд. на фр. яз.).

²⁹ Протоколы Генерального совета Международного товарищества рабочих, 1870—1871 гг. (изд. на англ. яз.).

Британском музее (фотокопии в Институте Маркса—Энгельса—Ленина в Москве)³⁰. Между тем протоколы Генерального совета проливают свет на целый ряд вопросов, стоящих в связи с проблемой о роли Генерального и Федерального (Парижского) советов Интернационала в революции 1870—1871 гг.

Уже изучение переписки Маркса и Энгельса, протоколов Федерального совета, газетного и мемуарного материалов, а также документов, напечатанных у Тестю, Виллетара и др., позволяет прийти к выводам, весьма далеким как от правительственной версии, так и от чисто негативной концепции, объединяющей либерально-радикальных историков с социал-демократическими и анархическими.

В своих двух первых воззваниях-адресах Генеральный совет давал не только оценку тогдашней политической ситуации в обстановке национальных войн, но и практические директивы, которыми должны были руководиться в своей тактике немецкая, французская и английская секции. В частности французскому пролетариату Маркс и Энгельс рекомендовали после 4 сентября защищать республику, не увлекаясь однако шовинистическими настроениями и не воскрешая национальных традиций 1792 г., воздержаться от немедленного свержения правительства Фавра-Трошию и использовать буржуазные свободы для немедленной организации партии пролетариата³¹. О борьбе Генерального совета с шовинистическими настроениями, охватившими парижское руководство после провозглашения республики, и тактикой «священного единения» свидетельствуют отрицательное отношение Маркса к «Манифесту парижской секции к немецкому народу», а также циркулярные письма Е. Дюпона к Альберу Ришару³².

Маркс и Энгельс серьезно опасались, что парижская секция Интернационала окажется неспособной руководить движением после революции 4 сентября³³. В связи с этим стоит командировка Генеральным советом

в Париж Серайе, который должен был по возможности выпрямить тактическую линию парижской организации.

Таким образом нельзя отрицать прямых попыток со стороны Генерального совета руководить революционной борьбой парижского пролетариата. Однако это руководство чрезвычайно затруднялось тем, что во Франции (и в частности в Париже) не существовало тогда политической партии пролетариата, вооруженной марксистской теорией и тесно связанной с рабочими массами. Менее всего могла претендовать на звание такой партии федерация парижских секций — чрезвычайно аморфная организация, руководимая «левыми» прудонистами, не имевшая ни общеобязательной программы, ни определенной, обязательной для всех членов партии тактики.

Ослабленная войной федерация не принимала активного участия в революции 4 сентября, но участвовала в создании Центрального комитета двадцати округов и в составлении революционно-демократических требований, предъявленных правительству национальной обороны.

Во время первой осады парижская секция, как целое, не принимала участия в политической борьбе, в частности осталась в стороне от двух попыток поднять восстание, имевших место 31 сентября и 22 января 1871 г.

Накануне революции 18 марта состояние секций характеризуется упадком организации, отсутствием систематической пропаганды и агитации среди членов, идейным разбродом. Федеральный совет не мог поэтому взять в свои руки движение, снова нараставшее в пролетарских кварталах Парижа. Федеральный (и тем более Генеральный) совет не подготовлял революции 18 марта и не руководил ею. В отношении ЦК национальной гвардии как вышедшего из восстания правительства Федеральный совет занял выжидательную позицию, свидетельствующую о его недоверии к новой революционной власти³⁴.

С избранием Парижской коммуны, в состав которой вошло 17 членов Интернационала, примыкавших к так называемому «меньшинству», влияние Интернационала сказалось главным образом на социально-экономической политике Совета Коммуны. Предоставив якобинско-бланкистскому

³⁰ См. Н. Лукин, Протоколы Генерального совета Интернационала как источники по истории Парижской коммуны (ст. в сборн. «Парижская коммуна», 1932 г.). Протоколы Генерального совета были широко использованы тем же автором и в новом (4-м) издании его «Парижская коммуна 1871 г.», ч. I, Партиздат, 1932 г.

³¹ См. переписку Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 331—335 (немецкое изд.).

³² Тестю, Интернационал, предисловие, стр. XII (изд. на фр. яз.).

³³ Переписка, т. IV, стр. 314, 321—322, 330 (немецкое изд.).

³⁴ См. Парламентские расследования, т. III, стр. 215—220. Лефрансе, Изучение коммуналистического движения, стр. 90—91 (изд. на фр. яз.).

«большинству» дело организации нового правительственного аппарата и обороны революции, парижские интернационалисты удовлетворялись руководством комиссией «Труда и обмена». Федеральный совет выделил специальную комиссию, которая должна была играть роль посредника между ним и Коммуной. Контроль партийной организации над фракцией Интернационала в Коммуне выразился лишь во вмешательстве Федерального совета по поводу выхода «меньшинства» из Коммуны³⁵. Что касается Генерального совета, то в период Коммуны он вел деятельную агитацию в ее пользу среди рабочих других стран и поддерживал постоянную связь с парижской организацией путем переписки со специальными корреспондентами и некоторыми членами Коммуны (Франкель, Варлен), посылки устных инструкций через особо надежных лиц, командировки своего постоянного эмиссара Серайе в Париж³⁶.

4

В так называемом «Третьем адресе» Международной ассоциации рабочих, составленном по поручению Генерального совета, Маркс с полным правом мог солидаризироваться с делом Коммуны, поскольку Коммуна, несмотря на свой прудонистско-бланкистский состав, «нередко поступала правильно»³⁷, поскольку ее создатели действовали «с помощью инстинкта гениально проснувшихся масс»³⁸ парижского пролетариата, выпрямлявшего линию Совета Коммуны. Это не мешало Марксу критиковать ее тактические ошибки³⁹.

Протоколы Генерального совета, с одной стороны, подтверждают наши выводы, сделанные на основе анализа других источников, с другой — помогают разрешить ряд вопросов, остававшихся до сих пор неясными.

Сентябрьские заседания Генерального совета дают новый материал, еще раз опро-

³⁵ См. Парламентские расследования, т. III, стр. 239—240, «Официальный орган Коммуны» от 11 апреля, 21 и 24 мая (изд. на фр. яз.).

³⁶ Переписка, т. IV, стр. 330, «Вперед» 13/III 1909 г., «Новое время», т. I; стр. 795—796 (изд. на нем. яз.).

³⁷ К. Маркс, Гражданская война во Франции. Введение Энгельса к 3-му немецкому изданию.

³⁸ Ленин, Соч., т. XV, стр. 142. Первое русское издание.

³⁹ См. письмо Маркса к Кугельману от 12/IV 1871 г. и письмо к Либкнехту от 6/IV 1871 г., впервые опубликованное в «Правде» от 17/III 1931 г.

вергающий утверждение Гюльома, будто в вопросе о войне Маркс держался «чисто прусской» точки зрения. Именно Маркс настоял в Генеральном совете на немедленном проведении в Германии широкой митинговой кампанией протеста против аннексии Эльзас-Лотарингии, а в Англии — на немедленном признании Французской республики, в чем Маркс видел одно из средств выбить оружие из рук французских монархистов.

Из протоколов видно, с каким вниманием Маркс следил за всеми известиями о демонстративных выступлениях немецких рабочих против аннексии этих провинций, с какой тщательностью он отмечал все случаи братания немецких пролетариев с французскими военнопленными.

Из тех же протоколов мы узнаем, что Генеральный совет не ограничился принятием соответствующих резолюций, а действительно провел в Лондоне и других городах ряд митингов, выносивших резолюции с требованием признания Англией Французской республики⁴⁰.

Если тем не менее в конце января 1871 г. Генеральный совет выказался (по докладу Энгельса) против лозунга вооруженной интервенции Англии в пользу Французской республики, выдвигавшегося радикальной английской интеллигенцией (проф. Бизли), то на это имелись достаточно серьезные основания. Маркс и Энгельс считали, что в январе 1871 г. такой лозунг оказался бы запоздалым ввиду безнадежности положения Франции на фронте, слабости английской сухопутной армии и пораженческого настроения французского правительства. Кроме того выступление Англии повело бы к вмешательству в войну (на стороне Германии) царской России, которая после Парижского трактата являлась неуязвимой для английского флота⁴¹.

Что касается вопроса о конкретном руководстве парижским движением со стороны Генерального совета, то именно изучение протоколов Генерального совета приводит, как нам кажется, к наиболее удовлетворительному его разрешению. В разные периоды связь между Парижем и Лондоном то ослаблялась или даже почти порывалась, то усиливалась, при этом не только в зависимости от чисто внешних обстоятельств (первая и вторая блокады Парижа),

⁴⁰ См. Заседания Генерального совета 6, 13, 20 и 27 сентября, 15 и 21 ноября 1870 г., 31 января, 14 февраля 1871 г.

⁴¹ См. заседание Генерального совета 31 января 1871 г., тезисы и доклад Энгельса.

но и в зависимости от позиции, занимаемой в тот или другой период Федеральным советом в отношении лондонского руководства и в частности Маркса.

В истории взаимоотношений между Генеральным и Федеральным (Парижским) советами следует различать три периода: первый—от 4 сентября до 20 января, второй—с конца февраля до революции 18 марта, третий—от мартовской революции до падения Коммуны.

С началом первой осады сношения между Англией и Парижем оборвались. В течение пяти месяцев о парижских событиях Маркс информировался из английских газет,—сообщения которых порой носили фантастический характер,—да из тех немногих писем, которым удавалось проскользнуть, несмотря на блокаду. При таких условиях не могло быть и речи о каком-либо руководстве парижскими событиями непосредственно из Лондона, хотя Генеральный совет и имел в Париже такого надежного агента, как Серайе, командированного туда уже в начале сентября.

Но связь Генерального совета с другими французскими секциями (в Лионе, Бресте, Руане, Рубэ и Бордо) продолжала поддерживаться через специальных корреспондентов, хотя и нерегулярно⁴².

Надлежащую информацию о положении дел в Париже Генеральный совет получал лишь в конце февраля, заслушав обстоятельный доклад вернувшегося из парижской командировки Серайе⁴³.

Доклад Серайе дает любопытнейшую картину состояния парижских секций Интернационала во время первой осады, тем более ценную, что уцелевшие протоколы заседаний Федерального совета датируются лишь с 5 января.

По приезду в Париж Серайе должен был констатировать полнейший развал парижской организации в результате правительственных репрессий и войны, наличие сильнейших социал-патриотических настроений у большинства ее вождей, резко расходившихся в вопросах о войне с Марксом и Генеральным советом вообще.

Считая начатую Марксом агитацию против аннексии Эльзас-Лотарингии недостаточной, парижское руководство всячески оттягивало опубликование «Второго адре-

са», считая его «слишком прусским». Эти ультрапатриотические настроения, подогреваемые буржуазной прессой, изображавшей Маркса как прямого агента Бисмарка, не исчезли и после заключения перемирия.

Во время выборов в Национальное собрание кандидаты Федерального совета блокировались вопреки протестам Серайе с буржуазными радикалами типа Гамбетты и солидаризировались с выдвигавшимся ими лозунгом «войны до истощения»⁴⁴.

С другой стороны, Серайе пришлось бороться с апологизмом «парижан», проявившимся с особой остротой в вопросе об участии Интернационала в движении 31 октября. Серайе удалось отколоть от Федерального совета часть парижских секций, которые выступали на выборах в Национальное собрание с отдельным, чисто классовым списком и собственной платформой. Таким образом, в Париже существовали одно время две организации Интернационала⁴⁵, резко расходившиеся между собой по важнейшим тактическим вопросам, причем одна из них (старый Федеральный совет), объединявшая большинство секций, занимала явно враждебную позицию в отношении Генерального совета.

Все это очень мало напоминает картину, которую рисовал в своих показаниях Тестю, утверждавший, что «члены Интернационала (во Франции.—Н. Л.) подчиняются одному приказу, что касается политики, то они делают все по указаниям из Лондона»⁴⁶.

Тактические разногласия, существовавшие между Федеральным и Генеральным советами, не позволяли последнему осуществлять свое руководство и после снятия осады Парижа. Действительно, как видно из протоколов, и в феврале, и в первой половине марта связь между обеими организациями поддерживалась крайне нерегулярно⁴⁷. Генеральный совет был слабо информирован о положении дел за период, непосредственно предшествовавший событиям 18 марта⁴⁸, самый характер новой революции и роль в ней Центрального комитета стали известны Генеральному совету лишь из сообщения, зачитанного в заседании 21 марта.

Не имея в Париже (со времени отъезда

⁴² См. Заседания Генерального совета 18 октября 1870 г., 14 февраля 1871 г., 22 и 27 сентября, 25 октября, 11 и 29 ноября.

⁴³ См. Заседание Генерального совета 23 февраля 1871 г.

⁴⁴ См. протоколы от 11 (25) октября, 28 февраля 1871 г.

⁴⁵ В феврале 1871 г. они объединились снова.

⁴⁶ Парламентские расследования, т. III.

⁴⁷ См. также Заседание Федерального совета 15 февраля, выступление Серайе. Парламентские расследования, т. III, стр. 222—223.

⁴⁸ См. протоколы заседаний 14 и 25 марта 1871 г.

Серайе) достаточно влиятельных своих представителей, не получая достаточной и своевременной информации о французских делах от Федерального совета, далеко не склонного послушно выполнять лондонские директивы, Генеральный совет не мог руководить (и не руководил) ни подготовкой к восстанию 18 марта, ни самим восстанием, даже если бы парижская организация Интернационала играла в этих событиях известную роль, чего, как мы знаем, также не было.

В свете всех этих фактов совершенно фантастическим представляется утверждение Тестю, будто «Интернационал и только Интернационал подготовил восстание 18 марта и руководил им»⁴⁹.

Тем не менее Маркс считал очень ценным факт участия некоторых членов Интернационала в Центральном комитете национальной гвардии. Когда в «Таймсе» появилась заметка, будто в составе нового парижского правительства нет ни одного члена Интернационала, Маркс опубликовал специальное опровержение⁵⁰.

Более оживленные и регулярные сношения между Генеральным и Федеральным советами начинаются со времени революции 18 марта.

Через посредство некоей «русской леди» (Ел. Дмитриевой) Генеральный совет поддерживает постоянную переписку со своими парижскими корреспондентами⁵¹. В конце марта по просьбе самих «парижан» в Париж снова командировается Серайе, который и остается там в качестве агента Генерального совета до конца существования Коммуны.

Переписка между Марксом и Серайе велась в этот период через жену Серайе, письма последнего к которой за период с 29 марта по 15 апреля имеются в Институте Маркса — Энгельса — Ленина⁵².

Из этих писем видно, что Серайе был послан со специальными инструкциями, о выполнении которых он осведомлял Генеральный совет наряду с информацией о положении дел в Париже. Принимая участие в работах комиссии Труда и обмена, он пытался провести через нее законопроект об ипотеках, несомненно составлявший часть той по-

литики в интересах крестьянства, которую рекомендовал Маркс Коммуне⁵³. Эта попытка не удалась из-за сопротивления руководивших этой комиссией правоверных прудонистов⁵⁴.

По протоколам Генерального совета за период с половины марта по конец мая можно видеть, с каким неослабевающим вниманием следили Маркс и Энгельс за развертывавшимися в Париже событиями. Особо важное значение придавалось отношениям, которые должны были установиться между Коммуной и стоявшими под стенами Парижа пруссаками. Публичное заявление Центрального комитета о его твердом намерении соблюдать все условия перемирия было с удовлетворением встречено Марксом как «чрезвычайно важное решение», обеспечивающее нейтралитет пруссаков и повышающее шансы новой революционной власти в предстоящей борьбе с Версалем⁵⁵.

Информация о парижских делах ставилась на заседании Генерального совета 21 марта, 11, 18 и 25 апреля и 9 мая. Период с половины марта до половины апреля был периодом наибольшего влияния Генерального совета на парижские секции, а через них косвенно и на Коммуну. С половины апреля, когда кольцо версальских войск начинает все теснее смыкаться вокруг красного города, это влияние уже ослабевает. Сообщения о парижских событиях, зачитывавшиеся на заседаниях Генерального совета, начинают значительно запаздывать⁵⁶. Часть писем из Парижа пропадает совсем, перехваченная версальской или прусской цензурой.

В результате Генеральный совет оказывается совершенно неосведомленным например о таких важных фактах, как борьба партии внутри Коммуны в связи с созданием Комитета общественного спасения, отставкой Росселя и т. п. Отчасти остаются неизвестными Генеральному совету и декреты Коммуны, относившиеся к ее рабочей политике и изданные как раз в период с половины апреля до половины мая.

Совершенно естественно, что в этот период существования Коммуны влияние Генерального совета на ее акты могло быть лишь минимальным. Поэтому совершенно вздорны утверждения реакционной прессы, образцом которых является например статья в «Парижском журнале», в которой писалось (6/IV 1871 г.): «В Париже, как и в Лионе и в Марселе, все

⁴⁹ Тестю, Интернационал, предисловие, стр. VII (изд. на фр. яз.).

⁵⁰ См. заседание Генерального совета 21/III 1871 г.

⁵¹ См. протоколы Генерального совета от 18/IV и 2/V 1871 г.

⁵² Письма датированы 29, 30 марта, 12 и 15 апреля.

⁵³ Маркс, Гражданская война во Франции.

⁵⁴ См. письмо Серайе от 5 апреля.

⁵⁵ См. протоколы от 21 марта 1871 г.

⁵⁶ См. например протокол от 25 апреля.

главные проскрипционные списки и списки намеченных поджогов получались готовыми из Лондона».

Из письма к Кугельману от 11 апреля мы знаем, что уже тогда Маркс считал положение Коммуны весьма серьезным и не исключал возможности подавления «парижского восстания». Энгельс в докладе Генеральному совету (в тот же день) придавал серьезное значение поражению коммунаров, понесенным ими 3 — 4 апреля, и, сопоставляя степень организованности и вооруженности армий инсургентов в 1848 и 1861 гг., предсказывал затяжной характер борьбы. В другом докладе, сделанном в начале мая, Энгельс считал уже неизбежным близкое вступление версальцев в Париж и развивал весьма интересные соображения относительно характера предстоящих баррикадных боев на улицах Парижа⁵⁷.

Общую оценку исторического значения Коммуны, легшую затем в основу соответствующей главы в «Гражданской войне во Франции», Маркс дал на заседании Генерального совета 23 мая, еще не зная о том, что версальцы ворвались в Париж уже 21-го, но высказав опасение, что «конец уже близок».

Вопрос о необходимости открытого выступления Генерального совета в пользу Парижской коммуны был поставлен Энгельсом еще на заседании 11 апреля в связи с критикой военной стратегии Коммуны. На следующем заседании, 18 апреля, вопрос об опубликовании специального воззвания Генерального совета в связи с парижской революцией обсуждался снова. Были предложения вынести резолюции общего характера о парижских событиях. Маркс выдвинул предложение о составлении нового «Адреса», в котором были бы обрисованы общие тенденции развернувшейся в Париже социальной борьбы. Однако опубликовать этот «Адрес» так быстро, как это предполагалось вначале (адрес должен был быть готов ко 2 мая), не удалось: этому помешала затяжная болезнь Маркса. «Адрес» был утвержден Генеральным советом лишь 30 мая, когда Коммуны уже не существовало.

Резюмируем. Обе крайние точки зрения на роль Интернационала в революционном движении 1870 — 1871 гг. представляются нам несостоятельными. Роль парижских секций и Генерального совета как в революции 18 марта, так и в предшествовавших ей событиях явно и намеренно преувеличивалась

⁵⁷ Заседание Генерального совета 2 мая 1871 г.

сторонниками правительственной версии и преуменьшалась радикальными и социал-демократическими историками Коммуны, смыкавшимися в этом пункте с оценками роли Генерального совета и Маркса у анархистов

В свете протоколов Генерального совета становится очевидным, что нельзя говорить о влиянии Генерального совета на парижскую организацию в о б щ е; в разные периоды это влияние было различно, хотя борьбу за это влияние Маркс вел с самой революции 4 сентября. Роль Генерального совета в деле подготовки революции 18 марта и руководства ею была бы несомненно более значительной, если бы рекомендовавшаяся Марксом тактика не встретила сильнейшей оппозиции со стороны прудонистски настроенного Парижского федерального совета.

Со времени революции 18 марта влияние Маркса на руководящие круги парижской организации заметно возросло по сравнению с эпохой осады, что между прочим сказалось на факте избрания Серайе на дополнительных выборах в Коммуну⁵⁸ и выдвижении кандидатуры Е. Дюпона в 17-м округе⁵⁹.

Военные неудачи коммунаров, снова ослабившие только что налаженную связь между Парижем и Лондоном, помешали дальнейшему усилению этого влияния.

Руководство парижским движением со стороны Генерального совета сводилось не только к критике ошибок Центрального комитета и Коммуны: оно выразилось в ряде прямых инструкций и советов, большей частью передававшихся устно, через доверенных людей, но иногда и письменно, о чем свидетельствует переписка Маркса с Варленом и Франкелем.

Другой вопрос, в какой мере эти инструкции могли влиять на политику Коммуны. Совершенно очевидно, что, будучи в меньшинстве, члены Интернационала не могли направлять политику Коммуны, хотя и играли весьма заметную роль в проводимых ею социально-экономических мероприятиях.

Вообще среди большинства вожаков парижской организации Маркс не пользовался, как мы видели, тем авторитетом, который обеспечивал бы их выступления в Коммуне в духе директив Генерального совета. Из писем Серайе к жене, предназначавшихся для Маркса, видно, что во время второй

⁵⁸ Серайе еще на основных выборах получил 3.741 голос в одном из реакционных округов Парижа (во 2-м).

⁵⁹ Письмо Серайе к жене от 15/IV 1871 г.

командировки Серайе приходилось вести борьбу не только с якобинцами (Пиа и Везинье), но и с прудонистами, вместе с которыми он работал в комиссии Труда⁶⁰. Это не исключает того, что в период Коммуны отдельные представители парижской организации, вроде Варлена или Франкеля, несомненно находились под известным влиянием Маркса, а такие видные члены парижской организации, как Дюпон и Серайе, были его определенными единомышленниками.

Во всяком случае никак нельзя отрицать важную роль Маркса как «практического

---

⁶⁰ См. письма от 12 и 15 апреля 1871 г.

советчика» и «участника борьбы масс»⁶¹.

Первый вариант «Гражданской войны во Франции», написанный еще в начале мая 1871 г., т. е. до падения Коммуны, и имеющийся теперь в Институте Маркса—Энгельса—Ленина, уже содержит все главные установки окончательной редакции, что совершенно опрокидывает всю концепцию историков-анархистов и плетущихся у них в хвосте социал-демократов и троцкистов—концепцию, согласно которой это гениальное произведение Маркса якобы было написано из чисто фракционных соображений уже после подавления Коммуны.

---

⁶¹ Ленин, Предисловие к «Письмам к Кугельману», стр. X.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ

ВОЙНА

И

ОБРАЗОВАНИЕ

АНТАНТЫ

Современная историография не имеет достаточно убедительного очерка возникновения наиболее сложной и любопытной международной комбинации предвоенного времени—Антанты. В общем можно сказать, что если уже нет почти недостатка в документах для раскрытия этой темы, то немалая, хотя и скрытая, доля полемики, достаточно понятная в свете борьбы современных империалистических группировок, мешает осветить этот вопрос с достаточной ясностью. Если для буржуазных историков антантофильского лагеря уже в самом названии «сердечное соглашение» кроется какая-то сентиментальная нотка, германские историки механически соединяют этот дипломатический термин с траурной темой «окружения Германии». Это может показаться несколько комичным, но, поскольку я знаю, самый термин «сердечное соглашение» в интересующую нас эпоху был впервые применен не либеральными министрами Англии и Франции, но вождем русской реакции, министром Плеве и не по отношению к англо-французской Антанте, а по отношению к Антанте русско-германской. Это не есть случайность или исторический анекдот. Именно в момент рождения Антанты англо-французской и даже англо-русской усиленно создавалась Антанта русско-германская,

и только поражение России на Дальнем Востоке сделало последнюю abortивной.

Вспомним, что в несколько модернистской терминологии основным геополитическим фактом истории XIX в. и особенно второй его половины был антагонизм англо-русский. В этом согласны и ставший классиком, по словам Габриэля Моно, французский историк Дрио, и глава русской марксистской школы Покровский, и, что в некотором смысле еще значительнее, тайный вдохновитель германского министерства иностранных дел до 1906 г., барон Фриц Гольштейн. Русский империализм в интересующую нас эпоху систематически давил на целый ряд уязвимых пунктов Британской империи — и в области проливов, и в Персии, и в Афганистане, и в Тибете, и в Китае. Это давление не было географически и хронологически равномерным, но у него был элемент постоянства. Немудрено, что «серое преподобие», негласный руководитель иностранной политики Германии мог построить знаменитую теорию о постоянном антагонизме «Кита» и «Медведя», сделал отсюда утешительный вывод, что Германия должна только дожидаться наиболее трудного положения одного из соперников, чтобы извлечь выгоднейшие для себя условия союзного соглашения. Практически эта теория была в первый раз приложена к Англии в период 1898—1901 гг., когда британ-

ский империализм находился в затруднительном положении и в Южной Африке и на Дальнем Востоке, но не увенчалась особым успехом. Но уже во время этого первого эксперимента Германия повела сложную дипломатическую игру с Россией, достигшую своего кульминационного пункта в эпоху русско-японской войны.

Довольно хорошо известны внешние факты, дающие общую картину русско-германского сближения,—ревельское и висбаденское свидания Вильгельма II и Николая II, обильная переписка между ними и, наконец, выработка официальных проектов соглашения как осенью 1904 г., так и летом 1905 г.

Труднее установить причины, создавшие столь благоприятную почву в России для германских усилий. По обычному представлению, Россия была втянута в войну кучкой бессовестных авантюристов, группировавшихся вокруг знаменитого Безобразова. Коротко говоря, русско-японская война была авантюрой. Но это не объяснение, так как тот, кто ему следует, должен объяснить, почему такая авантюра была возможна. Ленин дал здесь формулу, которую необходимо развить документально: «В русском самодержавии, отставшем от истории на целое столетие, авантюристского больше, чем в любой из французских империй». И эта ленинская формула легко подтверждается в императорских свиданиях 1902—1903 гг., когда Николай II проповедывал, а Вильгельм II его поддерживал в этом, самую дикую реакцию, где и «Лев Толстой был злым гением России», и английский конституционный строй был ненавистен, а Французская республика несла на себе кровь казненного короля. Приблизительно те же самые темы мы находим развитыми в переписке Вилли—Ники, обоих кузенов. Нет никакого смысла спрашивать, кто был основным действующим лицом или лидером в этом обмене мнений—здесь было полное сродство душ. Русский император не был одиночкой в своей реакционной программе, так как русский царизм нуждался в это время, по выражению того же Плере, «в маленькой победоносной войне», чтобы победой на внешнем фронте обеспечить себе победу над растущим революционным движением. Клика Безобразова и была группировкой лиц, проводившей дальневосточную программу Витте, но более форсированным образом, для торжества внутренней реакции. Нет сомнения, что уже эта внутренне-политическая программа толкала русский царизм к сближению с полуфеодальной Германией. Именно поэтому сам

крестный отец русской дальневосточной политики Витте писал одному из своих корреспондентов: «Наш курс теперь сильно поскокился по направлению к Берлину».

Благодаря этой своей внутренне-политической окраске война была ненавистна не только пролетариату, но и радикальным кругам русской буржуазии. Отсюда становятся понятными слова Ленина, написанные после падения Порт-Артура: «военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы». С внешнеполитической стороны форсирование дальневосточной политики требовало лучших отношений с Берлином, и Берлин предупредительно шел навстречу. Германская дипломатия честно убеждала Турцию принять условия австро-русской программы реформы 1903 г., что дало возможность России снять с началом военных действий с австрийской границы целых два армейских корпуса. Вильгельм II простирая свои заботы о русском «тыле», в случае дальневосточных осложнений, вплоть до бесед на эту тему с датским королем. При этих условиях даже осторожному и сравнительно лояльному по отношению к франко-русскому альянсу Ламсдорфу оставалось только выработать невинную, но растяжимую формулировку—«ничем не портить наших отношений с Берлином, но притом не упускать и Парижа». Более того, русская дипломатия прекрасно понимала, что даже победа на Дальнем Востоке не гарантирует возможности «заключить мир по нашему усмотрению». Здесь предстояла борьба с англо-американской коалицией, а потому надо было «воспользоваться так или иначе настроением берлинского кабинета». Но берлинский кабинет сам был непрочь воспользоваться и положениями и настроениями. В наиболее примитивной форме это сказало в получении непосредственных выгод—в заключении выгодного торгового договора с Россией. Но главной заботой Вильгельмштрассе были дипломатические действия более широкого размаха.

Из меморандумов Гольштейна, относящихся к самому началу русско-японской войны, мы знаем, что желанная цель—территориальная гарантия германских владений со стороны России, т. е. русская санкция франкфуртского мира и, следовательно, фактическое аннулирование франко-русского альянса,—была уже поставлена германской дипломатией. Наиболее удобным моментом для таких переговоров

Гольштейн считал возникновение осложнений на Ближнем Востоке, когда Россия будет зажата не только в «корейских» Дарданеллах, но и в Дарданеллах самых подлинных. Ближний Восток имел здесь значение не сам по себе, а как средство воздействия на царское правительство. В день «поворотного пункта» европейской истории—подписания договора в Бьерке—Вильгельм II хвастался Бюлову, что наконец «отечество избавлено от ужасных щипцов России-Галлии». Вот такие-то щипцы Дальний Восток—Ближний Восток для России германская дипломатия и считала подходящим моментом для осуществления своей основной задачи. Но одинаково могли подойти и другие. Такими первыми щипцами был знаменитый гульбский инцидент — именно во время его ликвидации Николай II с величайшей охотой пошел на образование «мощной комбинации трех наиболее сильных континентальных держав» против надменной Британии, т. е. на практике на разрыв союза франко-русского и создание на каких-то условиях германо-русского. Дело сорвалось из-за опасений Берлина, что русские справки в Париже поведут к нескромностям в Лондоне, а в результате к «катастрофе».

Второй момент—Цусима—был гораздо серьезнее. Известно, чем он разрешился: мертворожденным договором в Бьерке, хотя Вильгельм II даже в 1914 г. считал, что этот договор создал «основания для мирного и дружеского сотрудничества России и Германии». Щипцы, в которых на этот раз находился русский царизм, были гораздо серьезнее предполагавшихся Гольштейном: последствия Цусимы и начало революции. Пророческие слова Ленина: «Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение»—гнали царское правительство и в Бьерке и в Портсмут, а в финале — на парижскую биржу. Это понял и хитрая лиса Гольштейн, тотчас догадавшийся, «что из-за внутреннеполитических мотивов, а не из-за высших, царю стало не по себе пребывание наедине с западными державами».

Лепко понять, почему договор в Бьерке, несмотря на свою формальную значительность, весь своеобразный трагизм переписки Вильгельма II с Бюловым и на некоторую неловкость в переписке Вилли — Ники, имел в себе значительные моменты опереточности. Русская победа на Дальнем Востоке, выигрыш запресектированной «ма-

Дружеский париж
худ. Уотеса

Проф. Блондель
(Франция)

ленькой победоносной войны» сделали бы злобой дня англо-русский антагонизм, может быть даже с прибавлением русско-американского, и тогда Франция, только что пробравшаяся «украдкой в спальню того, кто на острове вечно интригует», оказалась бы в трудном положении со своим законным мужем, т. е. с Россией, а рассчитывавшая на русскую победу Германия стала бы самым необходимым русским союзником в борьбе с английским империализмом. Длительная и нерешенная русско-японская борьба была бы еще более выгодна для Германии, создав вечную заботу о «тыле», постоянный и больной антагонизм с англо-американско-японским фронтом и тем самым необходимость постоянной опоры на добрые отношения с Германией. Наихудшим, хотя и всего более непредвиденным исходом в борьбе было русское поражение, так как англо-русский антагонизм этим значительно ослаблялся, а на Дальнем Востоке практически элиминировался, создавая таким образом почву для услуг парижской и лондонской haute finance в устройстве англо-русского соглашения. Но самым плохим признаком на международном горизонте было развитие русской революции. Русский царизм ставил свою последнюю ставку на сохранение своей абсолютистской сущности в дальневосточной войне, и эта ставка была проиграна. Договор в Бьерке был подписан, как догадывался премудрый Гольштейн, не столько для упорядочения и укрепления внешних позиций, сколько из-за чувства самосохранения. И вот здесь-то и сказался своеобразный парадокс истории: если русская реакция искала опоры в монархической Германии путем победоносной войны, то теперь она пыталась найти свое спасение у «великих демократов» Запада путем успешного займа. К этому парадоксу присоединялся другой: если царская Россия надувала республиканскую Францию своими попытками договориться с Германией,

то республиканская Франция уже успела перестраховать себя против монархической Германии «сердечным соглашением» с Англией. Проще говоря, у колыбели тройственного согласия крестными отцами стояли два обмана: один неудавшийся—Россией Франции в пользу Германии и один удавшийся вполне—Францией России в пользу Англии. Но английская перестраховка была явно недостаточна для Франции, и парижская толпа, кричавшая проезжавшему в Портсмут Витте «Заклучайте мир!», довольно точно отражала французское недовольство своим неудачливым союзником.

Франции был необходим континентальный союзник, а царской империи деньги для подавления революции. Революционная Россия была всего менее нужна французскому империализму, и потому после Портсмута взоры русской реакции, нуждавшейся прежде всего в финансах, были устремлены на Париж. Бьеркский договор лопнул под магическим воздействием французских миллиардов. Это понимали даже в Германии. Ламсдорф сообщал русскому представителю в Берлине, что только после крупного займа «правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения», а это связано с благоприятным окончанием Алжесирасской конференции. Бюлову приходилось только делать «хорошую мину при плохой игре» и «горячо желать», чтобы заем для столь похвальной цели был получен, указывая только своему собеседнику, что для благополучных результатов в Алжесирассе надо «поддерживать в равной степени точки зрения Франции и Германии». Но русский царизм уже не мог позволить себе прежней роскоши—«не портить... с Берлином, не упускать и Парижа». Приходилось портить в Берлине, чтобы не упустить Парижа. Опубликование Тардье в «Temps» инструкций, данных русскому уполномоченному в Алжесирассе, повело к тому, что «Berliner Tageblatt» прямо поставил вопрос об «оскорблении, нанесенном Германии Россией», и Ламсдорфу пришлось весьма неубедительным образом принимать меры к ликвидации этого неприятного инцидента. Но что еще интереснее—уже в период Портсмута и Лондон стал нащупывать пути сближения с Россией. Лорд Ревельсток заговорил с графом Бенкендорфом о возможности открытия лондонского рынка для России. Условий было только два—политическая позиция России должна была перестать быть враждебной Англии, а

внутри России должен установиться «способный внушить доверие порядок вещей». Разумеется, это не было авантюрой со стороны английского лорда—Бенкендорф сейчас же догадался, что Ленсдоун посвящен в это дело, и не ошибся, так как при следующем разговоре Ревельсток прямо заявил, что «Ленсдоун и Бальфур живейшим образом высказались за его проект». Последовательность иностранной политики британских кабинетов чуть ли не пословица, и поэтому вполне понятно, что ревельстковские проекты приняли вполне осязательную форму, когда либерал Грей скромно намекнул заместителю Бенкендорфа Сазонову, что «слухи о ведущихся Англией обширных приготовлениях на море не лишены основания». С этим намеком английского либерального министра хорошо сочетаются известия о настроениях индийских англичан, которые считали, что «настоящий момент самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику».

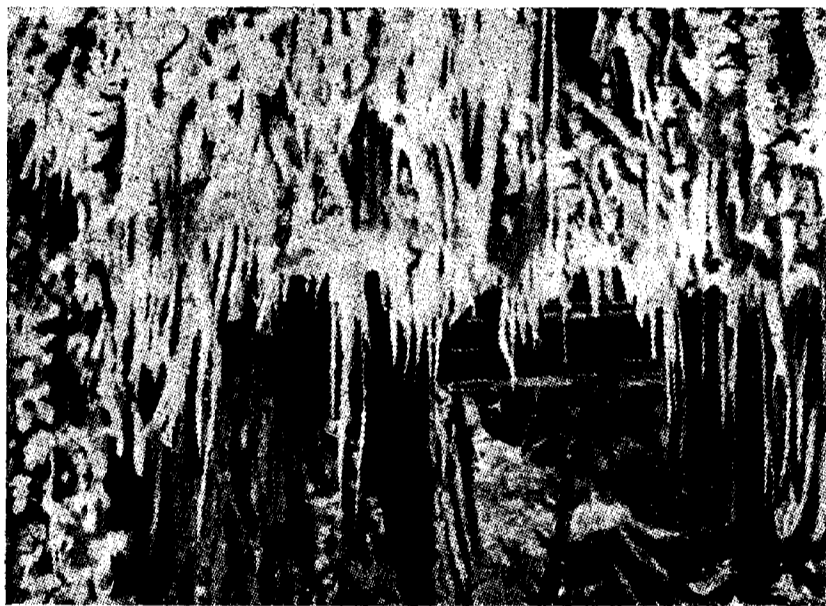
И действительно, момент полного обесценивания России на Дальнем Востоке, кризиса русского самодержавия и максимальной остроты первого мароккского конфликта был самой прекрасной кузницей для выковки тройственного согласия. Несмотря на всю сомнительность заключения займа без согласия только что прокламированных представительных учреждений, французская демократия вполне удовлетворялась формальной отпиской специалиста по международному праву Мартенса и через своего посла в Петербурге Бомпара сообщила русскому правительству, «что французское правительство глубоко признательно за постоянное оказание ему в последнее время содействия и счастливо имеет возможность отдать себя в полное распоряжение России для облегчения предстоящих финансовых операций». Отказ Германии участвовать в размещении русского займа только фиксировал создавшееся положение. По формулировке Витте этот отказ последовал, чтобы «отомстить за Алжесирасс и в боязни, что заем соединит нас еще больше с Францией и послужит началом сближения с Англией».

Заклучительные сцены последовали с быстротой кинематографического фильма— в апреле 1906 г. почти одновременно последовали протокол выгодной для Франции франко-русской военной конвенции, указ о внешнем займе в 2.225.000 фр. и предложение Грея о железнодорожном пути «из Рос-

сии через Персию к долине Тигра и Персидскому заливу», что было расшифровано в мае английским послом в Петербурге, заявившим, что «ему поручено вступить с императорским правительством в переговоры с целью прийти к формальному соглашению по ряду вопросов, одинаково интересующих как Англию, так и Россию», и что он предлагает «ту же систему, которая в свое время привела к заключению англо-французского соглашения». Поэтому понятно негодование Ленина на выступление Жореса, который защищал союз Франции и Англии с Россией от обвинений в противомирных намерениях и приветствовал тот факт, что Европа дожидается «до союза Англии с Россией, двух давнишних врагов». Ленин целиком одобрил оценку Розы Люксембург о том, что рождение тройственного согласия — «укрепление самой кровавой реакции не только внутри России, но и в международных отношениях», так как «европейская буржуазия дала возможность царизму отразить революционный натиск».

Рассмотрение исторической документации может только подтвердить ленинский анализ — только заем 1906 г., заключенный у

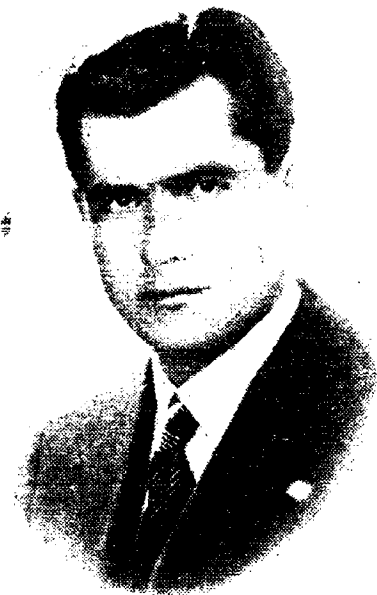
стран Антанты, и Антанты «сердечной», дал возможность русской реакции подавить революцию, только усиление франко-русского альянса англо-русским соглашением дало возможность русскому царизму подавить национальную революцию в Персии. Русская реакция домогалась осуществления своих целей в союзе с полуфеодальной Германией, свою победу над революционным взрывом она праздновала в союзе с западными «демократиями» — Англией и Францией. Рожденная Антанта вовсе не была мирным демократическим жвачным животным: цепи двойной измены обоих союзников вскормили ее жаркой кровью на полях Мукдена и в лучинах Цусимы. Во время империалистической войны 1914 г., когда шли усиленные слухи о сепаратном мире, Ленин писал, что все споры между русскими реакционерами и буржуа идут только из-за одного — «когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии». Вряд ли можно было лучше характеризовать сущность взаимоотношений, господствовавших в системе тройственного согласия не только между Россией и Англией, но и всеми остальными ее соучастниками.

Грот соляных сталактитов в коях Величко, осмотренный советской делегацией

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

В ПОЛЬШЕ В XX ВЕКЕ

Изучение национальной политики в Польше является частью моей общей работы по истории дореволюционной России XX в. Архивные фонды царского правительства содержат исключительно ценные материалы, которые позволяют глубоко изучить вопрос о национальной политике самодержавия. Основными архивными материалами для работы над данной темой послужили до сих пор нигде неопубликованные дела канцелярии Совета министров, министерства внутренних дел, правительственного Сената и Синода, министерств по народному просвещению, финансов, торговли и промышленности. Особый интерес среди этих фондов представляют докладные записки губернаторов б. Привисленского края. К сожалению, мы лишены возможности изучить материалы, на основании которых писались эти докладные записки, так как известно, что в период эвакуации царских войск из Польши в 1915 г. многие делопроизводства царских учреждений в Польше либо погибли, либо до сих пор остаются неразысканными. Это серьезное затруднение для историка до некоторой степени компенсируется тем, что благодаря особому вниманию, которое проявляли царские министерства к Польше, в делах центральных министерств и департаментов сохранилось большое количество всякого рода докладных записок, отчетов, донесений, инструкций, запросов и т. п. материалов,

позволяющих с достаточной глубиной изучать отдельные вопросы. Изучение этих фондов обнаруживает, что на основании их можно внести серьезные дополнения в литературу, имеющуюся по данному вопросу.

В своем сообщении на настоящем конгрессе я хочу ознакомить только с основными, предварительными, но бесспорными, выводами, которые со всей очевидностью вытекают из изучения указанных архивных фондов и более обстоятельно развиваются в подготовляемой мною специальной монографии.

Выводы эти следующие:

1) подавление Польши проводилось в союзе царской России, гогенцоллерновской Германии и габсбургской Австрии, причем в XX в. в б. русской Польше наблюдался дальнейший приток немецких капиталов;

2) политика Николая II в XX в. в отношении угнетения Польши неуклонно продолжала традиции русских императоров Александра II и Александра III, этих душителей польской культуры;

3) национальная политика царизма в Польше, защищая интересы русского помещика и фабриканта, всей тяжестью ложилась на польский пролетариат, крестьянство и революционную интеллигенцию, борющихся с царизмом;

4) национальный гнет царизма в Польше находил резкий отпор в среде русского

пролетариата и крестьянства, победивших в Октябрьской революции 1917 г.

Ряд законов царизма первой половины XIX в., устанавливающих налоговые льготы для иностранцев, освобождающих их от военной службы, предоставляющих дешевые строительные материалы и т. д., создавал благоприятные условия деятельности немецких капиталов в б. русской Польше. Льготы давались также и при покупке земель. Так, указом 1865 г. остзейские немцы в Польше пользовались правами русских помещиков. В результате этих законов в Польшу эмигрировали тысячи немецких семейств. Интенсивное проникновение немецких капиталов в польскую промышленность не прекращалось и во второй половине XIX в. и даже обеспокоило русское самодержавие.

В связи с этим в 1885 г. была создана специальная правительственная комиссия для разработки вопроса о мерах ограничения переезда иностранных поселенцев в западные окраины. Еще большей остроты этот вопрос достиг в 1897 г. Им занялся лично сам министр внутренних дел Горемыкин. По его секретному распоряжению было предложено губернаторам б. Привисленского края собрать подробные сведения о немецких колонистах.

Несмотря на непривычное для царских приставов занятие, правительственная статистика обнаружила, что немецкий капитал к концу XIX в. занимал влиятельное положение в польской промышленности. Общая стоимость недвижимого имущества иностранцев в Варшаве комиссией определялась в 53.139.035 руб., из коих стоимость фабрик и заводов выражалась в сумме 32.266.030 руб.¹

Данные архива Особой канцелярии по кредитной части свидетельствуют о росте немецких капиталов в Польше и в XX в. и об их успешной конкуренции с русскими, польскими и французскими капиталами.

¹ Архив министерства внутренних дел. Из докладной записки варшавского оберполицеймейстера Горемыкину, 1897 г.

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Проф. П. Горин (БССР)

Дружеский шарж
худ. Уотеса

Магистр Лякомб
(Франция)

Суммарные данные о состоянии иностранных капиталов в польской промышленности показывают, что накануне войны основные капиталы банков немецкой ориентации (Коммерческого банка в Варшаве, Варшавского учетного банка, Лодзинского торгового банка) составляли 40 млн. руб., в то время как банки французской ориентации (Банк для торговли и промышленности в Варшаве и Лодзинский купеческий) определялись в 6 млн. руб.

Ухудшение русско-немецких и русско-австрийских отношений в начале XX в. не внесло радикальных изменений в национальную политику самодержавия в Польше. Наоборот, национальный гнет царизма в Польше в XX в. усилился, и в проведении его Николай II решил не отставать от Вильгельма II. Резолюция последнего русского царя, Николая II, на докладе министра внутренних дел Горемыкина в 1896 г. о положении в Польше неслучайно являлась программой деятельности царизма в XX в., которая была навеки уничтожена только в результате победы пролетарской революции в России в 1917 г.

В докладе о Польше, представленном Горемыкиным еще в то время молодому царю Николаю II, доказывалось, что «первостепенной по важности задачей управления в девяти западных губерниях, в этом исконно русском, но за долгое польское владычество ополяченном и окатоличенном крае, является его обрусение путем ослабления в нем польского элемента и поддержания и усиления там русской народности и православия»².

Николаю II это рассуждение Горемыкина особенно понравилось, и, подчеркнув это, русский царь с искренним удовлетворением писал: «Вполне разделяю высказанные в этой записке взгляды. Убежден, что при

² Лоция. Архив департамента общих дел министерства внутренних дел, д № 71, 1907 г. с бумагами б. министров внутренних дел.

таких условиях задача по закреплению за Россией ее западной окраины пойдет вперед по верному и естественному пути». Такой путь порабощения Польши был естественным для русского дворянства. Николай II, хозяин «тюрьмы народов», чем была до-революционная Россия, как видим, вовсе не собирався изменять взглядам своих предшественников, Александра II и Александра III, для которых, как однажды метко подчеркнул М. Н. Покровский, «колониальная политика господствующего помещичьего класса была одним из основных условий существования у нас в течение столь долгого времени помещичьей диктатуры»¹.

Революционные события 1905 г. в Польше с очевидностью обнаружили, что царское правительство не намерено менять своей национальной политики, что завоевания революции оно постарается вырвать с корнем при первой возможности, любой ценой. Когда под влиянием событий 1905 г. министр просвещения гр. Ив. Толстой обратился 24 декабря 1905 г. с докладной запиской о разрешении в правительственных школах Польши пользоваться польским языком, считая, что это — «главное условие успокоения умов и восстановления нормальной жизни в крае»², то прежде всего встретил оппозицию со стороны варшавского генерал-губернатора Скалона, обстоятельно доказывавшего утопичность предложений гр. Толстого. «Нельзя упускать из виду, — писал Скалон, — что в случае удовлетворения в полной мере желаний польских националистов по школьному вопросу правительство само первым приложит руку к осуществлению систематического плана польских деятелей создать автономию Польши»³. Неудивительно, что впоследствии, при отставке гр. Толстого, его докладная записка была одной из причин отстранения его от работ в министерстве. Столыпинская реакция дала тысячи примеров, что царское правительство вовсе не намерено идти на какие-либо уступки в национальном вопросе.

Уже в манифесте о роспуске II государственной думы нашла яркое отражение твердая решимость правительства и впредь бороться с национальным движением. «Созданная для усиления российского государства, — говорит царский манифест, — Государственная дума должна быть русской и

по духу, а другие народности... не должны и не будут находиться в числе, дающем им возможность решать чисто русские дела». Это в одинаковой мере относилось и к вопросам внутреннего управления б. Царства Польского, которое царское правительство рассматривало как «Привисленский край», где лица польского происхождения были неравноправными гражданами Российской империи. В б. Царстве Польском вплоть до революции 1917 г. в основном действовали законы, изданные еще в XIX столетии.

Столыпинская реакция, пытавшаяся с корнем вырвать завоевания революции 1905 г., олицетворяла звериную ненависть ко всему нерусскому. С точки зрения Столыпина, этого русского помещика, окончательно потерявшего рассудок, местные власти в б. Царстве Польском якобы даже слишком гуманно относились к национально-освободительному движению, поэтому секретным циркуляром 6 июля 1906 г. Столыпин запрещал стрельбу вверх боевыми патронами, рекомендуя их использовать в стрельбе по живым мишеням. В циркуляре 26 мая 1907 г. прямо говорилось: «Применение в нужных случаях силы оружия отнюдь не может быть вменено в служебную вину, которая, наоборот, будет усмотрена в уступчивом отношении к нарушителям порядка». Циркуляром в январе 1910 г. предлагалось тщательно проверить существующие легальные общественные организации. В 1911 г. вновь напоминалось, что «местные власти Привисленского края слишком снисходительно относятся к лицам, виновным в проявлении польских сепаратистских тенденций»⁴.

Фонды министерства народного просвещения содержат обильные материалы, рисующие правительственный террор в области развития польской культуры и науки. Эти материалы показывают, что нередко органы царского министерства просвещения были даже реакционнее полицейских учреждений. Когда например в 1906 г. варшавский обер-полицеймейстер разрешил существование общества научных курсов (Towarzystwa Kursow Naukowych), то инспектор варшавского училища всячески добивался в Петербурге отмены этого разрешения. Под давлением попечителя Варшавского учебного округа было закрыто общество «Szkoła Państwowa Macierz». Когда в 1908 г. Скалон в письме к Столыпину соглашался на разрешение общества «Польского просвещения» («Oswi-

¹ М. Н. Покровский, 1905 г., стр. 34, изд. 1930 г.

² Архив министерства народного просвещения, 1906 г., дело № 205205.

³ Там же.

⁴ Архив МВД общих дел. Особо секретная переписка.

Рис. Я. Лелевеля

Адам Мицкевич

ata Polska»), мотивируя это тем, что «местная власть всегда может фактически настоять, чтобы в правление вошли желательные для правительства элементы»¹, то, несмотря на эту аргументацию, Столыпин все же согласился с мнением министра народного просвещения, который «высказался против удовлетворения ходатайства». В связи с перепиской об обществе «Oswiata Polska» Столыпин считал также нелишним напомнить Скалону, что польская школа разрешена в Привисленских губерниях, но едва ли в интересах правительства»².

Правительство не собиралось итти на уступки и в вопросах реформы высшей и средней школы, хотя, по словам самого попечителя Варшавского учебного округа В. Беляева, в 1909 г. «учебные заведения

¹ Министерство внутренних дел. ДОД. 1908 г., № 115.

² Там же.

находятся не под бойкотом, а в настоящей осаде»³.

Наоборот, после поражения революции 1905 г. правительство стремится усилить руссификаторскую политику. С этой целью разрабатывался вопрос и о выделении Холмской Руси. Еще во всеподданнейшем отчете в 1900 г. люблинский губернатор Тхоржевский откровенно выбалтывал, что в борьбе с национально-освободительным движением он видит один выход—«образование отдельной Холмской губернии с включением ее в состав Юго-Западного края, располагающего средствами для борьбы с латино-польской пропагандой во всех ее видах»⁴.

В целях укрепления своего господства самодержавие всегда поощряло разжигание национальной вражды среди различных народностей, живущих в Польше, и особенно развернуло эту деятельность после революции 1905 г. С этой целью в 1908 г. по предложению Столыпина инспирируется созыв съезда раввинов б. Привисленского края, выносящего верноподданический адрес Николаю II и получившего ответную благодарность русского царя. Полицейские агенты по заданиям из Петербурга немало потрудились и в организации еврейского бойкота, развернувшегося в 1912 г.

Во многих докладах агентов самодержавия с удовлетворением отмечался воинствующий шовинизм представителей польской буржуазии в отношении национальных меньшинств, населяющих Польшу (евреев, литовцев, белоруссов). Разжигание национальной вражды, как известно, являлось одним из важнейших условий господства эксплуататорских классов. Этот фактор был важнейшим в ослаблении второй Польши—революционной, пролетарско-крестьянской, с которой самодержавие вело борьбу не на жизнь, а на смерть.

Решительное подавление революционной борьбы в Польше осуществлялось потому, что самодержавие было защитником интересов дворянства и русской буржуазии. В осуществлении национального гнета в Польше самодержавие не случайно имело поддержку среди кадетов, что достаточно ярко выявилось, например во время краковских торжеств в 1910 г., на которых присутствовали кадеты Родичев, Погодин и Стахович. Обращение Серошевского на банкете

³ Лоциа. Секр. дел. департ. народн. просвещ. за 1909 г., № 39.

⁴ Мин. внутр. дел, канцелярия министра. 1901 г., № 47.

в госте к Родичеву о том, что, борясь за отделение Польши от России, поляки вместе с кадетами борются за русскую свободу, как известно, кончилось большим конфузом и публикацией на следующий день в газетах возражения Родичева.

Именно пользуясь таким отношением кадетов к польскому национальному вопросу, царизм с откровенной циничностью вел себя при обсуждении вопросов введения в Польше земского самоуправления, выделения Холмщины, реформы школьного дела и т. п.

Архивные материалы царского правительства убедительно показывают также, что царизм в проведении национального гнета умело использовал в своих целях сближение с ним в XX в. польской буржуазии и помещиков.

Еще до развертывания событий в апреле 1905 г. в секретном докладе директора департамента общих дел на имя министра внутренних дел указывалось, что «делу сближения польской окраины с Россией более всего препятствуют городское население, католическое духовенство и безземельные крестьяне, тогда как враждебное прежде русскому государству настроение местных землевладельцев, в особенности более доста-

точных, заметно исчезает»¹. Сильный размах революционного движения в Польше наглядно выявил, кто является подлинным борцом с царизмом. В рапорте правительственному Сенату в 1907 г. варшавский генерал-губернатор Скалон с радостью описывал, как лодзинские фабриканты субсидировали его деньгами на подавление революции: «Г. Лодзь,—писал Скалон,—представлял из себя в то время один из наиболее опасных очагов революции, но там удалось достигнуть соглашения с местными фабрикантами и владельцами недвижимости и промышленных учреждений, которые добровольно ассигновали значительную сумму денег на усиление полиции, что сразу изменило положение и дало возможность путем успешного розыска добиться почти полного успокоения в Лодзи»².

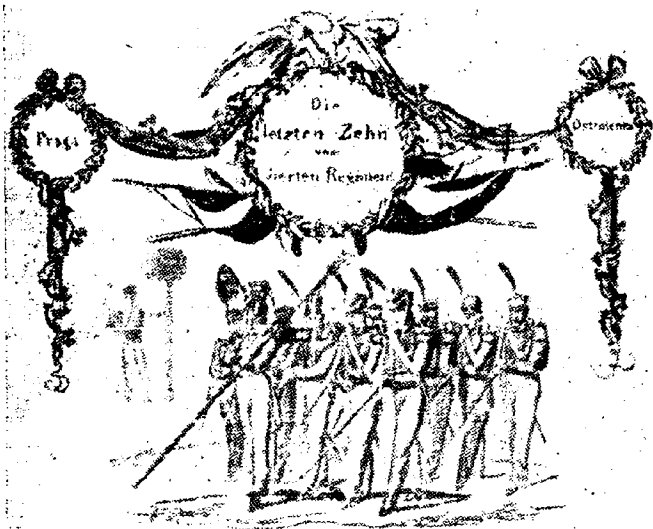
Национальная политика самодержавия в Польше вполне отвечала настроениям и местной царской администрации Польши. Столыпин в Петербурге, Скалон в Варшаве пре-

¹ «Архив Октябрьской революции» Московское охранное отделение. Обзор польского революционного движения за 1910—1912 гг., стр. 65.

² Делопр. департамента сената, 1908 г., д. № 932/4402.

Я. Малчевский

„Последний десяток четвертого полка“. Немецкая песня в честь польских повстанцев 1831 г.

красно понимали друг друга и знали, что суровые репрессии правительства направлены против польского рабочего класса как гегемона революционной борьбы, который в союзе с трудящимися массами вел смертельную борьбу с царизмом за социалистическое преобразование общественных отношений, навсегда уничтожающих национальный гнет и неравенство. Что же касается польских помещиков и буржуазии, то, несмотря на их конкуренцию с русским помещиком и буржуазией, перед лицом угрозы уничтожения капиталистического строя у них находился общий язык. Решительно подавляя и громя революционные организации Царства Польского, царское правительство например разрешало легальное существование партии реальной политики (Polskie Stronictwo Polityki Realnej) («уголовцы») или польской прогрессивной партии (Polska Partja Postepowa).

В национальной политике самодержавие всегда различало антагонизирующие между собой «две Польши» — консервативную и революционную.

Царское правительство весьма зорко следило за развитием этой второй Польши, руководимой пролетариатом, который на знамени своей борьбы нес борьбу за социали-

стическое переустройство общества и уничтожение национального гнета.

Еще в докладе Александру III в 1892 г. варшавский генерал-губернатор Гурко, признавая, что «русская власть в крае держится лишь исключительно благодаря ее мощи», указывал, что самыми неблагонадежными являются «многочисленный городской пролетариат и масса безземельных крестьян, не облагодетельствованных земельным наделом по указу 19 февраля 1861 г.»¹. Особенно зорко царское правительство следило также за установлением связи второй Польши — революционной, со второй Россией — тоже революционной, которая не менее польского рабочего и крестьянина ненавидела самодержавие и его политику национального гнета. Царское правительство отлично понимало, что уничтожение национального гнета в Польше находится в зависимости от силы союза революционного движения в Польше с революционной борьбой пролетариата в России. «Уже два предшествовавшие года, — говорится в одном из обзоров, — показали, что общественная жизнь Царства Польского находится в самом тесном соприкосновении с такой же жизнью внутренних губерний России. Всякое общественное волнение в этих губерниях отражается на польской окраине в особо усиленных размерах»².

Не в меньшей степени революционное движение в Польше влияло на развитие революционной борьбы в России. Как известно, выступление польских представителей на заседании Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 г. сыграло крупную роль в объявлении ноябрьской забастовки, протестовавшей против жестоких репрессий царизма в отношении Польши.

Российская социал-демократическая партия большевиков всегда вела неуклонную борьбу с царизмом за ликвидацию национального гнета. Ленин всегда считал, что «величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения»³. На II съезде в 1903 г. Ленин, сознавая остроту национального вопроса, давал образцы подлинного пролетарского интернационализма и критиковал польских

¹ «Архив МВД», департамент общих дел. 1890 г., д. № 256.

² АОР. Моск. охр. отделение. Обзор польск. рев. движения за 1905 г., сост. В. Жижиним.

³ Ленин, Собр. соч., т. XXV. Речь на I всерос. съезде трудовых казаков в 1920 г., стр. 8. Москва, 1928 г.

социал-демократов за их ошибочные в то время взгляды по национальному вопросу, которые были «настолько неопределенными, что вместо самоопределения предлагали по сути дела не что иное, как псевдоним пресловутой «культурно-национальной автономии»¹. Когда в том же 1903 г. со стороны ППС были брошены обвинения РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), что она отрицает самостоятельность Польши, Ленин решительно возражал против этого.

Ленин подчеркивал, что программа РСДРП «нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую»². Эта позиция большевиков целиком защищала и развивала взгляды Маркса и Энгельса в национальном вопросе: «интернациональное движение пролетариата вообще возможно лишь в среде самостоятельных наций, интернациональное сотрудничество возможно только между равными»³.

Ленин вслед за Марксом разъяснял, что только пролетарская революция, основываясь на принципах интернационализма и ничего общего не имеющая с буржуазным национализмом, действительно способна дать подлинную независимость народам и свободное развитие их национальной культуры. Революционная социал-демократия никогда не фетишизировала национальный вопрос, а вскрывала его внутреннее содержание.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII. О праве наций на самоопределение, стр. 466, Москва 1929 г.

² Ленин, Собр. соч., т. V. Национальный вопрос в нашей программе, стр. 342, Москва, 1928 г.

³ «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I (VI), Москва, 1932 г. Из письма Энгельса к Каутскому 7 февраля 1882 г., стр. 190.

Большевики указывали, что разрешение национального вопроса вне пролетарской революции является обманом масс и замаскированной формой подчинения тому или другому империалистическому хищнику. В блестящих работах, написанных Лениным и Сталиным в 1912—1914 гг., суммирующих опыт борьбы революционной социал-демократии, изложена позиция по национальному вопросу подлинных социалистов всех стран мира на сегодняшний день. «Борясь за право наций на самоопределение,— писал И. Сталин в 1913 г.,— социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения наций, сделать ее невозможной и тем подорвать борьбу наций»⁴. Указывая в этой же статье, что «конкретные, исторические условия, как исходный путь, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная,— таков ключ к решению национального вопроса», И. Сталин подчеркивал, что действительное разрешение национального вопроса возможно на основе «принципа интернационального сплочения рабочих, как необходимом пункте в решении национального вопроса».

Исходя из этих подлинно интернационалистических позиций, действительно обеспечивающих свободное развитие ранее угнетенных народов, Ленин как в 1903 г., так и накануне империалистической войны 1914 г. указывал путь разрешения национального вопроса.

Канун империалистической войны застал Польшу в положении острого социального и национального кризиса и наличия всех необходимых предпосылок революции. Однако разбор национальной политики царизма в Польше в годы войны выходит за пределы настоящего доклада.

⁴ Журнал «Просвещение», СПб., 1913 г., № 3. Из статьи «Национальный вопрос и социал-демократия».

„ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ СССР“

**(ВСТУПИТЕЛЬНОЕ
СЛОВО К ДОКЛАДУ)**

Мой доклад посвящен теме, несколько необычной и новой для международной исторической науки, представленной на этом конгрессе.

С содержанием его вы могли уже познакомиться в № 18 «Бюллетеня», где он напечатан еще в феврале сего года.

Здесь я разрешу себе, во-первых, напомнить господам конгрессистам основные положения доклада, во-вторых, дополнительно информировать о той работе, которая развернулась в СССР по истории заводов со времени написания указанного доклада. Доклад был посвящен вопросу о задачах и методологии исторического исследования отдельных предприятий в СССР. В нем была сделана попытка: 1) охарактеризовать задачи и значение предпринятой большой научной работы в СССР; 2) кратко проанализировать вопросы методологии изучения предприятий, как они ставились в капиталистических странах, и 3) показать отличие методологических принципов в исследовании истории заводов в Советском союзе от буржуазной методологии.

В докладе я уже указывала, что в СССР сейчас предпринята в виде серии монографий под общим названием «История заводов» большая научная работа, по своим размерам, характеру и задачам не имеющая прецедентов в исторической науке.

Что представляет собою эта работа? Предметом исследования в первую очередь

являются 27 крупнейших заводов и новостроек Советского союза. Руководящая всей работой Главная редакция по истории заводов, состоящая из виднейших представителей науки и советской общественности, непосредственно наблюдает, инструктирует и руководит созданием истории этих заводов. Кроме того около ста предприятий работают над созданием монографий самостоятельно, находясь только под общим наблюдением Главной редакции. Наиболее интенсивно работу в этом направлении развернули заводы Ленинграда. Здесь пишут свою историю 40 крупных предприятий и железных дорог, из них 12 крупнейших уже написали около 60 глав. Ряд заводов подходит к окончанию работы. Завод «Красный путиловец» заканчивает второй том своей истории и сдал в печать особый том специальной документации из истории Путиловского завода. Завод «Скороход» сдал в редакцию первую часть книги (от возникновения завода до 1917 г.). Наполовину написаны монографии Балтийского и Ижорского заводов. Вышла из печати монография рабочего-автора Паялина «История завода Ленина» (1857—1918 гг.) — Ленинградский металлургический завод б. Семенникова, — основанная на привлечении громадного количества архивных и литературных источников. В Москве закончены монографии: «История Трехгорной мануфактуры», «Московский инструментальный завод», «История завода

«Серп и молот» (б. Гужон) и «Московско-Казанская железная дорога». Написаны отдельные главы исторических монографий таких крупных заводов, как Коломенский, Подольский, Люберецкий, Раменская мануфактура, «Красный треугольник», Волховская ГЭС, Надеждинский и Златоустовский заводы на Урале, четыре крупнейших завода Украины и т. п.

Вышел из печати первый том истории Сталинградского тракторного завода, посвященный истории «живых людей», строивших первый завод в первую пятилетку, написанный самими участниками строительства. В общей сложности в работе над историей заводов находится сейчас 50 монографий, приближающихся к окончанию, и сдаю в печать уже 10 книг. Для подготовки этих монографий проделана большая научно-вспомогательная работа. Выявлены и приведены в порядок архивные материалы в центральных архивохранилищах по 27 заводам первой очереди и составлены обзоры архивных источников для 200 объектов второй очереди. Подготовлена большая справочно-библиографическая работа, издана отдельной книжкой библиография книг и брошюр, посвященных отдельным предприятиям, описаны статьи, посвященные изучаемым заводам, по старой легальной и нелегальной прессе и по печати советского периода. Собрано и критически проверено на основании документов громадное количество воспоминаний и биографий старых рабочих — участников важнейших событий на изучаемых заводах. Вся эта громадная работа систематически освещается в периодических сборниках Главной редакции «История заводов». До сих пор вышло шесть таких сборников.

Такова картина развернувшейся за последний год той большой исследовательской работы, основные задачи и содержание которой попытался охарактеризовать представленный конгрессу доклад.

Но особенностью начатой новой научной работы является не только громадный охват исследовательских объектов, но и нигде в мире до сих пор невиданный творческий размах работы, поднявшей новые кадры авторов. «История заводов» с самого начала стала создаваться как продукт массового авторства. Наряду с историками-профессионалами в работу по созданию заводских монографий включились сотни и тысячи старых и молодых рабочих и работниц на предприятиях, десятки и сотни инженеров, техников, экономистов, статистиков, работников печати, профсоюзов и партии, кото-

рой принадлежит в этом деле ведущая и вдохновляющая роль. Таким образом развернувшееся движение по созданию истории заводов характерно прежде всего своим невиданным еще в истории нашей научной мысли размахом коллективного творчества.

Самая организация ведущейся сейчас работы по созданию истории заводов является небывалой в истории нашей науки. Вся работа ведется по определенному плану на основе серьезной разработки основных положений методологии и методики исследования, руководится авторитетной центральной коллегией, в которую входят виднейшие представители и руководители советской науки и политики, организуется с помощью авторских рабочих коллективов на предприятиях, включающих в свой состав писателей и историков как непрременных консультантов и авторов монографий. Научная работа по истории заводов превратилась совершенно закономерно в громадную школу, распространяющую исторические знания в массах. Рабочие-авторы, включившиеся в работу по истории заводов, использовали эту работу для повышения своего теоретического уровня, систематически прорабатывали основную историческую литературу. В заводских творческих коллективах поставлены лекции, семинары, кружки и консультации по вопросам истории вообще и истории данного завода в частности. В архивах, в исторических библиотеках, в научных кабинетах исторических учреждений всего Советского союза наряду со специалистами-историками работают и новые кадры рабочих-историков. Историческая наука в самом буквальном смысле слова стала достоянием масс. Рабочий класс Советского союза не только творит, но и пишет свою историю.

Все эти особенности предпринятой в СССР исторической работы делают ее несомненно достойной интереса и внимания научной общественности всего мира.

Значение истории фабрик и заводов для развития исторической науки в России огромно. Оно обогащает наши данные об историческом процессе в России новым, богатейшим фактическим материалом, поднимает, либо по-новому освещает ряд важнейших общих проблем, заставляет пересматривать оценки отдельных событий, уточняет старые представления, подготавливает ряд крупнейших работ по истории промышленности, рабочего класса, истории революции и истории социалистического строительства и т. п. Например мно-

гие рукописи по истории заводов даже в их первоначальном виде дают ценнейший свежий материал по вопросу о взаимоотношениях самодержавия и русского промышленного капитала, по вопросу о роли иностранных капиталов, о формировании и составе рабочего класса в России и т. п. История заводов дает новые отдельные факты. Например из истории Ижорского завода мы узнали о новом рабочем экипаже, новые подробности о крепостном труде на военных заводах времен аракчеевщины; из истории Путиловского завода мы получили новые данные о деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; из истории Трехгорной мануфактуры—много новых деталей из истории капиталистической индустриализации, о производственных условиях предприятий в переходный период от мануфактуры к машинному производству и т. п.

На примерах старейших предприятий, как Ижорский завод, существующий со времен Петра I, как уральские заводы и многие другие, мы получили интереснейший материал, конкретно показывающий причины и особенности медленного развития техники заводов царской России, обусловившего то, что Россия, как указывал т. Сталин, отстала в технико-экономическом развитии от Европы на 50—100 лет, и являющегося историческим обоснованием необходимости нынешних темпов социалистического строительства.

История заводов дает на материале истории до и послеоктябрьского предприятия картину столкновения старой российской отсталости, кустарщины, политического бесправия и бескультурья и новых отношений производства, труда и быта, когда рабочий класс стал хозяином на фабриках и заводах. История отдельных предприятий дает громадный и убедительный материал о роли пролетарского авангарда — большевистской партии, которая, по словам Ленина, сделала крупные заводы крепостью большевизма и центр тяжести своей работы перенесла в среду фабрично-заводского пролетариата. История многих заводов дала многочисленные доказательства того факта, что пролетариат нашей страны мог пройти свой небывалый в истории путь от рабства крепостнической и капиталистической фабрики к построению социалистического общества прежде всего благодаря руководящей роли самой передовой и самой революционной пролетарской партии, которая организовала и направляла борьбу пролетариата против самодержавия и капитала и которая ру-

ководит сейчас его нынешней борьбой за социализм.

Таким образом громадное общенаучное значение предпринятой в СССР исследовательской работы совершенно бесспорно. Мы даже не можем еще полностью учесть его, поскольку находимся только в самом начале работы. Можно с уверенностью сказать, что многие факты и выводы, добытые при исследовании отдельных предприятий, войдут в научный оборот исторической науки в целом не только в России, но и во всем мире. Опыт полуторогодичной работы по истории заводов заставил советских историков уже сейчас приступить к подготовке большого исследования по истории промышленности и рабочего класса, в основу которого должны быть положены синтетически обобщенные материалы и выводы, полученные в результате исследования сотен и тысяч отдельных заводов и фабрик.

Безусловно новую страницу в мировой истории развернет послеоктябрьская история советских предприятий. Это — грандиозная картина превращения рабочего класса из объекта эксплуатации при капитализме в руководителя социалистического хозяйства, преобразующего экономический и социальный строй с целью уничтожить эксплуатацию и создать бесклассовое социалистическое общество. История предприятий в годы гражданской войны, история борьбы за восстановление хозяйства после гражданской войны, история борьбы за социалистическую реконструкцию предприятий, показанная конкретно на истории отдельных заводов-гигантов и новостроек, откроет грандиозную новую страницу мировой истории, неизмеримо более величественную, чем например история открытий и изобретений, сопровождавшая начало расцвета капиталистической эпохи. Особенно интересна и нова та часть «Истории заводов», которая показывает историю первой социалистической пятилетки, международное значение успехов которой подчеркивал вдохновитель и организатор социалистического строительства и вождь мирового пролетариата т. Сталин. История таких новых гигантов, как Сталинградский тракторный, как Магнитострой, Днепрострой, Кузбасс и т. п., покажет, как разворачивалась классовая борьба вокруг социалистической реконструкции нашей промышленности, как шла борьба за овладение новой техникой, за переделку людей и человеческого сознания.

Советская историческая наука благодаря «Истории заводов» получит возможность

уже теперь начать собирание материалов по истории богатейшей и исключительной по мировому значению эпохи первой пятилетки социализма в СССР.

«История заводов СССР» таким образом не является обычного типа научно-академическим изданием. Будучи высоко научной историей, оперирующей проверенными фактами, основанной на первоисточниках, выдвигающей научные проблемы и новую тематику, «История заводов» должна явиться научно-художественной массовой исторической серией. Она должна художественно и доступно рассказать и показать историю создания и развития завода при капитализме и в рабочем государстве, быт старой и новой фабрики, революционное движение рабочих до Октябрьской революции и их участие в социалистическом строительстве после Октября, обрисовать «живых людей» — представителей рабочего класса — в их труде и борьбе и т. п.

Буржуазная историческая наука отводит много места восхвалению личностей «героев» феодально-капиталистической эпохи. Иногда вся фактическая история, особенно в учебниках, сводится к жизнеописаниям монархов, политиков, представителей армии и духовенства и т. п. В ней не было никогда жизнеописаний рабочих — создателей всех материальных ценностей. «История заводов», наоборот, отводит последним громадное место, показывая, как крупные заводы были кузницей и лабораторией кадров пролетарских борцов и строителей социализма. История Путиловского завода например показывает, как развивался в пролетарского вождя нынешний глава правительства СССР — т. Калинин. История Днепропетровского завода дает картину роста главы украинского правительства т. Петровского. Недавно вышедшая книга «Люди Сталинградского тракторного» показывает живых строителей первого завода первой социалистической пятилетки, рассказавших, как они строили социализм и одновременно перестраивались сами. Наглядно противопоставляя послеоктябрьское предприятие последовательно-социалистического типа дооктябрьскому, капиталистическому предприятию с тем строем отношений на нем, который Маркс называл капиталистической каторгой для рабочих, «История заводов» ставит перед собой отчетливо политическую задачу: на освещении прошлого просвещать и мобилизовать массы для строительства новой жизни, воспитывая молодое поколение в духе усвоения боевых традиций прошлого

и осознания важности и ответственности социалистического труда в настоящем.

Ни одна страна в мире кроме СССР не могла и не может заняться в таких масштабах изучением истории отдельных предприятий, охватывающей их развитие от возникновения до настоящего времени. Коммерческая тайна, неизбежная в условиях капиталистической конкуренции, закрывает доступ к заводским архивам или предоставляет исследователю только такие части заводских или семейных архивов предпринимателей, которые определяются выбором самих предпринимателей или их доверенных лиц. Некоторые примеры, приведенные в докладе, характеризуют тот общеизвестный факт, что существующие в ряде капиталистических стран так называемые «Betriebsmonografien», нося характер прямой или косвенной апологии капитализма, служат целям рекламы для предприятия, не имеют никакого научного значения и не могут быть сопоставлены с ведущейся сейчас работой по истории заводов в СССР.

В докладе была сделана попытка показать и объяснить неизбежное и глубокое различие исходных методологических позиций и во многом самых методов исследования предприятий в СССР и в капиталистических странах. Особенно характерно принципиальное отличие методологии исследования «учения о предприятии» («Betriebslehre»), как оно развивалось в течение ряда лет например в Германии, от методологии изучения предприятий, применяемой в «Истории заводов СССР». Строя свою методологическую основу на принципах учения Макса Вебера, Риккерта, Амона или Виндельбанда, представители «бетрибсвиртшафтслере» совершенно не входят в рассмотрение противоречий капиталистического общества, отражавшихся на отдельном предприятии, как не включают в свой анализ ни классовой борьбы, ни движения пролетариата, ни роли его партии. «История заводов СССР» не может строиться на «теории отдельного предприятия», рассматривающего последнее как самостоятельный организм. Наоборот, она изучается на основе законов хозяйственной жизни капиталистического общества в целом, исходя из состояния промышленности и борьбы рабочего класса в данное время, в данной местности, в данных условиях, сжато анализируемых монографией, посвященной отдельному заводу. Кратко говоря, «История заводов СССР» базируется на применении методологических принципов общественной теории Маркса и Ленина, на уче-

те сформулированных ими общих законов исторического развития, поэтому для нее обязательно диалектическое сочетание общего и частного.

Следовательно история заводов изучается в рамках основных этапов хозяйственного и политического развития страны и на основе тех классовых соотношений и классовой борьбы, которые были характерны для данного этапа общественного развития.

Не включая в свое резюме за недостатком времени других вопросов, касающихся содержания и методологии истории заводов, я считаю необходимым еще раз подчеркнуть

здесь, что громадные достижения в области всех отраслей научного знания, в том числе и такие гигантские мероприятия, как «История заводов» и «История гражданской войны», возможны только в СССР — на основе хозяйственных и политических успехов первого пролетарского государства, руководимого большевистской партией и ее вождем т. Сталиным. В Европе, особенно в нынешние годы затянувшегося мирового кризиса, являющегося кризисом всей системы капитализма, подобная научно-историческая работа в таком масштабе и виде совершенно невозможна.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ

ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕЛЕ СОЗДАНИЯ

„ИСТОРИИ ЗАВОДОВ СССР“*

Задачи и значение движения по созданию „Истории заводов СССР“

В настоящее время в Советском союзе развертывается громадная работа по изучению истории фабрик и заводов, которая по своему объему, характеру и задачам не имеет прецедентов в истории науки.

Эта работа, превратившаяся в течение нескольких месяцев в настоящее массовое движение, охватывает сейчас сотни предприятий, тысячи старых рабочих, сотни историков, инженеров и хозяйственников, десятки научных организаций и учреждений.

Инициатива организованного изучения истории предприятий СССР принадлежит великому пролетарскому писателю Максиму Горькому. Инициатива эта была уже 10 октября 1931 г. закреплена соответствующим постановлением партии и советского правительства. Максим Горький предложил создать целую серию исторических монографий отдельных предприятий под общим заглавием «История заводов СССР». Для политического и научного руководства этой работой была создана Главная редакция «Истории заводов», состоящая из виднейших представителей партии, профсоюзов, высших хозорганов, научных организаций и всесоюзного литературного центра.

Начавшись на крупных предприятиях, движение по изучению истории предприятий скоро приняло массовый характер. Все мест-

ные отделения Общества историков марксистов, Институт истории Коммунистической академии и его филиалы, исторические факультеты и отделения университетов, научно-исследовательские организации в отдельных городах и республиках Советского союза включили в той или иной степени и форме в свои планы и эту работу.

Мы уже указывали, что подобного масштаба работы в прошлом мы не имели. Это объясняется прежде всего тем, что в СССР первый раз в истории массы из объекта истории стали ее субъектом и, взяв в собственные руки строительство своей жизни, не только творят, но и пишут свою историю. Пролетариат, этот наиболее прогрессивный — как определяли его Маркс и Энгельс — класс современного общества, придя к власти, естественно, должен был обнаружить глубочайший интерес к истории своего класса, к истории своего возникновения, формирования и борьбы. «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится как Иван Непомнящий к истории своего родства» — писал Ленин.

Поднятие классового сознания пролетариата, направленного к пониманию прошлого своего класса и его исторических задач, является сейчас в Советском союзе важнейшей задачей миллионов рабочих, сознательно участвующих в построении нового, социалистического общества.

История предприятий не является обычного типа чисто академической научной работой. Наряду с глубоко научными задачами она ставит перед собой отчетливо политическую цель: на изучении прошлого просвещать и мобилизовать массы для лучшего понимания настоящего, для более успешной борьбы за будущее. Для марксиста нет и не может быть так называемой объективной науки, стоящей вне задач и интересов господствующего класса. Задачи революционной практики пролетариата в СССР вызывают необходимость «Истории заводов» и обуславливают ее политическую актуальность.

Как организована работа по созданию «Истории заводов СССР»?

На предприятиях созданы заводские редакционные коллегии, которые при участии исторических организаций вырабатывают планы своих будущих монографий по истории заводов, приводят в порядок под руководством специалистов архивного дела свои заводские архивы, собирают воспоминания старых рабочих и участников различных этапов жизни предприятия. Вся работа

* Доклад, представленный конгрессу, был написан год назад, в августе 1932 г., и напечатан на немецком языке в февральском номере «Бюллетеня Международного исторического комитета» («Bulletin of the Committee of historical sciences» № 18, February 1933). На русском языке печатается впервые.

строится на основе коллективности и привлечения широкой общественности. Она ведется по определенному плану и должна быть закончена в определенные сроки. Кроме заводских редколлегий для каждой из монографий, вошедших в план первой очереди «Истории заводов СССР», существует компетентная центральная редакционная комиссия, назначенная Главной редакцией и руководящая работой заводской редколлегии. Она имеет следующие задачи: 1) оказание всяческой помощи заводским редколлегиям как в области методики исследования, так и в литературном оформлении работы, 2) просмотр и редактирование собранных заводскими коллегиями материалов и рукописей, 3) обработка монографий и их подготовка к печати.

Монографии должны охватывать весь исторический период жизни предприятия, от его возникновения до наших дней. Каждая монография состоит из собственно исторической части и общеполитического обзора современного состояния и дальнейших перспектив развития предприятия. В качестве дополнения к обеим частям либо самостоятельными частями монографии могут быть помещены литературно обработанные воспоминания, документы и т. п. Эта структура монографии допускает и различные вариации по согласованию с Главной редакцией. Но независимо от того, будет ли монография художественно-популярной или научно-исследовательской работой, она не должна превратиться в простое описание событий и фактов из истории предприятия. Она должна быть подлинно научной, марксистской работой, максимально доступно, интересно и художественно изложенной. Она рассчитана на миллионы читателей из среды рабочего класса, колхозного крестьянства, учащейся молодежи и т. п. Массовая мобилизация на дело создания подобной истории для миллионов новых читателей-писателей из среды этих же миллионов—дело настолько смелое и новое, что осуществить его не может никакая другая страна, кроме страны пролетарской диктатуры.

Но при этом интересен и тот новый в истории научной работы факт, что массовое вовлечение в работу по созданию «Истории заводов» рабочих-авторов изменило и методы организации научной работы. Рабочие авторские коллективы, дополняющие своей инициативой работу единичных ученых с их индивидуалистическими методами, внесли в работу над «Историей заводов»

новые методы — ударничество и социалистическое соревнование, все более завоевывающие себе место и признание в области научной работы. «История заводов» дает нам блестящий пример продуктивности и целесообразности той научной кооперации историков и рабочих-авторов, которая установилась в практике «Истории заводов».

Передовые предприятия, включившиеся в создание «Истории заводов», вступили друг с другом в социалистическое соревнование. Рабочие завода «Серп и молот» опубликовали например воззвание к другим заводским редколлегиям, вызывая их на соревнование. Они требовали применения социалистических методов работы, высокого научного и политического уровня, т. е. высокого качества создаваемой продукции и ударных темпов осуществления «Истории заводов».

Московский инструментальный завод с своей стороны выставил ряд дополнительных требований. То же сделали и другие предприятия. Таким образом, принятые обязательства, выдвинутые передовыми ударниками крупнейших заводов, скоро стали базой для подлинно массовой творческой работы всех авторских рабочих коллективов, создающих «Историю заводов СССР».

Интересно привести примеры этой, небывалой в истории науки, организации массового авторства для создания подобного научного предприятия.

Например на Урале на Надеждинском заводе для создания истории заводов было привлечено свыше сотни старейших рабочих в возрасте свыше 40—50 лет со средним производственным стажем в 30—40 лет, работавших на предприятиях с детского возраста. Путиловский завод создал для написания своей истории особое «Общество старых путиловских рабочих», сейчас рассеянных по всей стране, но охотно откликнувшихся своими воспоминаниями о прошлой работе и борьбе на Путиловском заводе. На самом предприятии была создана большая бригада из старых рабочих с 20—25-летним производственным стажем.

На Ижорском заводе, основанном еще в эпоху Петра I (в 1710 г.), были организованы такие же группы старых рабочих. На заводе «Красный треугольник» создалась бригада из 700 ударников, которая совместно с хозяйственниками и техперсоналом развернула большую активность по созданию истории своего завода.

Могут быть высказаны сомнения в научной целесообразности и в самой возможно-

сти подобной организации массового рабочего авторства при создании серьезной научно-исследовательской работы, особенно принимая во внимание недостаток опыта и исторических знаний у рабочих-авторов. Но это сомнение рассеется немедленно, если принять во внимание, что авторские рабочие коллективы наиболее активную роль играют в первой стадии исследования — при собирании фактического материала и отыскании громадного количества источников, совершенно непосильной для автора-одиночки. Последнюю стадию — научно-литературное оформление произведения на основе накопленного массовыми усилиями материала — обычно проводят один-два автора, специально выделяемых для того или иного этапа истории завода. В этом отношении заслуживает внимания инициатива Института истории Коммунистической академии. Он предпринял написание истории двух предприятий: завода «Серп и молот» (быв. металлургический завод Гужона в Москве) и текстильной фабрики Красная трехгорная мануфактура (быв. Прохорова). На опытным изучении истории этих двух предприятий институт ставил себе целью разработку основных вопросов методологии и методики научного исследования истории заводов вообще.

Предпринятая в качестве чисто научного исследования история двух указанных предприятий разрабатывалась научными сотрудниками Института истории, историками-специалистами. Но скоро выяснилась полная невозможность двум-трем историкам справиться даже с выявлением архивных материалов, не только с исследованием и разработкой ряда специальных вопросов, касающихся многообразной жизни и богатейшей истории предприятий, особенно после Октябрьской революции. Тогда Институт истории стал на путь кооперирования с другими научными институтами и организациями, например с Институтом техники, Институтом экономики, секцией труда, Обществом статистиков-марксистов и т. п. Предприятие стало объектом многостороннего организованного изучения его прошлой и настоящей жизни, от возникновения до настоящего времени. В активную работу были втянуты также и рабочие самих предприятий. На заводе «Серп и молот» в собирании материалов и воспоминаний по отдельным периодам и эпизодам из истории завода приняли участие свыше 220 старых рабочих. На Трехгорной мануфактуре с помощью громадного количества старых рабочих и

активных ударников был собран также богатый материал. На обоих предприятиях этот материал, преимущественно из воспоминаний и биографий, был настолько интересен, что оказалось целесообразным напечатать его в отдельных сборниках. Работа по собиранию воспоминаний и биографий рабочих велась параллельно с научной работой над выявлением и обработкой материалов из заводских архивов, с помощью которых собранный рабочими богатейший вспомогательный материал проверялся и исправлялся. Результаты совместной работы научных работников Комакадемии и представителей заводов (рабочие-ударники, рабкоры, инженеры, экономисты, культурники и т. п.) обсуждались на ряде собраний на предприятиях и в Комакадемии, где читались доклады о ходе и результатах работы. Отдельные части заводских монографий вызывали оживленные и полезные для работы дискуссии. Обе монографии явятся таким образом результатом коллективной работы историков и самих рабочих. Сейчас мы имеем еще небольшой опыт, но даже он позволяет нам сделать некоторые обобщения и выводы о методологии и методике исследования истории заводов, от возникновения предприятия до его современного состояния. Познакомить с этими выводами как и вообще с характером и задачами нашей работы по истории заводов СССР — задача настоящего доклада.

Вопросы методологии при изучении истории предприятий в капиталистических странах

Вопросы методологии приобретают в СССР тем большее значение, чем более широкие массы рабочих втягиваются в движение по созданию истории своих фабрик и заводов. Даже когда отдельные рабочие пытаются дать историю своей собственной жизни, они могут это делать, только вспоминая или изучая историю своего класса в целом. Общеклассовые проблемы смыкаются с отдельными вопросами и частными эпизодами, которые всплывают в памяти и требуют сейчас осознанного освещения и исторического осмысливания.

Октябрь 1917 г. внес во все стороны жизни предприятий грандиозные перемены. Условия производства и социальные отношения стали совершенно иными, чем на до-революционной фабрике. Старая русская фабрика была капиталистической фабрикой, но было бы неправильно описывать ее отдельные образцы, исходя только из общих

законов развития капиталистического общества.

Поэтому одним из основных требований марксистской методологии при изучении истории заводов должно быть требование сочетания общих законов общественного развития с конкретными особенностями исторической жизни предприятия. Молодому исследователю приходится на первых порах преодолевать большие трудности именно вследствие своей слабой ориентировки в вопросах методологии. Историческая наука дореволюционной России, как и сейчас в капиталистических странах, мало занималась методологией исследования отдельных предприятий. В России до Октябрьской революции почти не существовало научных монографий отдельных фабрик и заводов. Те немногие монографии, которые мы имеем, были в громадном большинстве случаев написаны по заказу самих предпринимателей или фирм или в связи с юбилейными датами их существования. Они не являются ни в каком случае научно-историческими произведениями, хотя при соответствующем критическом подходе и могут быть использованы в качестве материала для научной работы. Гораздо более научных работ дала дореволюционная русская история в области истории промышленности и рабочего движения. Но и из них мы очень немного ценного можем извлечь для методологии изучения отдельного предприятия. Наиболее значительной работой, без которой и сейчас не обходится ни один историк, является книга Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Эта книга может дать превосходный материал из прошлого русской фабрики, но его объективистское отношение к вопросам классовой борьбы пролетариата делает невозможным ее использование в качестве руководства по изучению фабрики в прошлом. Позднейшей же истории фабрики эпохи финансового капитала Туган-Барановский не касается вовсе. Так называемый «объективизм» в исторической науке, представителями которого в России были Струве, Туган-Барановский и другие, стремился занять «объективную», якобы над классами стоящую позицию, в действительности прикрывающую его откровенно буржуазные симпатии и взгляды. Западноевропейские исследователи истории особенно часто прибегают к этой «объективистской» позиции, разумеется иначе объясняя свое «объективное» положение между двумя враждебно классовыми лагерями, чем объясняют его марксисты.

Известный немецкий исследователь истории капитализма, профессор Вернер Зомбарт например заявил во введении ко 2-му изданию своей двухтомной «Истории современного капитализма», что его работа «не служит никакому определенному политическому, хозяйственному или социал-политическому направлению».

«Плохим знаменем нашего времени, напоминающим американские нравы,— пишет профессор Зомбарт,— является то, что в последние десятилетия также и в Германии: начали различать представителей нашей науки не по их научным методам и заслугам, а по их политическим взглядам... Я полагаю, что только несамостоятельные и по своему внутреннему существу ненаучные люди могут прийти к мысли спрашивать при суждении о научной величине той или иной личности, кого он выбирает в рейхстаг, настроен ли он дружественно к предпринимателю или враждебно к рабочему и т. д.»

Но к таким, по Зомбарту, «несамостоятельным и ненаучным людям» нужно было бы отнести прежде всего Маркса, Энгельса и Ленина, потому что им никогда не было и не могло быть безразлично при определении ценности научного произведения, кому симпатизирует анализируемый ими автор — предпринимателям или рабочим

Вот почему, рискуя быть также причисленным к «несамостоятельным и ненаучным людям», мы не можем отказаться от классового подхода при оценке автора и его произведения. А исходя из нее, мы не можем не констатировать, что все до сих пор написанное по истории предприятий в капиталистических странах носило характер прямой или косвенной апологии капитализма. Разумеется, ни одна капиталистическая страна не занималась и не могла заниматься в таких масштабах постановкой изучения истории отдельных предприятий, охватывающей их развитие от возникновения до последнего времени. Для этого непреодолимым препятствием стоит конкуренция и вытекающая из нее коммерческая тайна, вообще закрывающая вход на предприятие лицам, не имеющим к ним прямого, служебного отношения. Из этих же соображений вытекает и полная недоступность для исследователей заводских архивов. В лучшем случае, как свидетельствуют авторы отдельных заводских монографий, им приходилось довольствоваться всеми материалами из заводских или семейных архивов предпринимателей, которые им предоставля-

лись усмотрением и выбором самих предпринимателей или их доверенных лиц.

В Германии и в других странах существуют сотни заводских монографий («Betriebsmonografien»), единственное назначение которых — показать на историческом материале незыблемый и совершенный порядок капитализма, роль инициативы отдельных капиталистов и их благодеяния рабочим, существование и благополучие которых зависят от процветания предпринимателей. Приведем некоторые примеры.

Большой том истории крупновских заводов в Германии («Krupp», 1812—1912, к столетию возникновения крупновской фирмы, издано в 1910 г. в Иене) является фундаментальным обоснованием и апологетической хроникой столетнего предпринимательства Круппов.

Другая монография, написанная доктором П. Шмидтом по поручению железодельной фирмы в Лауфаге под названием «История железодельного завода в Лауфаге» («Die Geschichte des Eisenwerkes in Laufach im 1469—1775—1925»), начинается свою историю с XV в., т. е. с периода первых успехов экономического развития Германии по пути капитализма, и доводит ее до современности с единственной целью исторически доказать преимущества этих заводов перед аналогичными предприятиями, конкурирующими с ними в Рурской области.

Монография «100 лет И. П. Бахема» («100 Jahre I. P. Bachem, von Georg Kölscher», Köln, 1918) с предисловием доктора Карла Гебера (K. Höber) написана с яркой политической целью доказать, что столетняя история издательства и типографии фирмы Бахема является по существу столетней историей немецкой народной культуры.

Объемистая монография по истории силезских предприятий («Das Söll und Haben», von Eichborn in 175 Jahren) рекомендуется автором как «силезский вклад в отечественную историю народного хозяйства». При этом подчеркивается и основная тенденция книги: «В этой книге речь будет идти в такой же мере о труде и прилежании, в какой о твердой воле, и разуме», — понимая под первым историю рабочих, под вторым — предпринимателей.

Тот же характер апологии предпринимателей носит и монография д-ра Келлергера, написанная на основании большого количества архивных и литературных источников, относящихся еще к XII и позднейшим векам. Она имеет более соответствующее ее содер-

жанию и тенденции заглавие «История семейства Генкель в связи с историей Золингенской индустрии» («Geschichte der Familie I. A. Henckels in Verbindung mit einer Geschichte der Solinger Industrie». Solingen, 1924).

Примеры можно было бы умножить, но мы ограничимся этими, причем дополнительно подчеркнем, что мы не брали обычных рекламного характера фирменных изданий, а лишь такие монографии, которые писались учеными людьми на основании длительной разработки большого количества архивов и серьезных источников. Но интересна одна общая всем этим работам черта: почти во всех монографиях наиболее полно и интересно, привлекая большое количество архивных материалов, разработаны только главы, посвященные развитию фабрики до начала XIX в. Капиталистическая фабрика XIX—XX вв. по сравнению с мануфактурой XVI—XVII вв. занимает в описаниях ничтожное место.

В статье д-ра А. Шранца «Историзм и изучение предприятия» указывается на это обстоятельство совершенно откровенно:

«В исследованиях, посвященных истории наших предприятий, мы большей частью находили только материал из древнейших или средневековых этапов его жизни и лишь в ничтожной степени встречаемся с последними двумя столетиями»¹.

Если же попадают исследования, дающие процесс развития позднейшего и современного предприятия, то это большей частью не исторические, а специально технические монографии.

Из подобного рода работ мы должны отметить в высшей степени ценные по своему материалу работы Matschos и его сотрудников и особенно его «Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie» («Приложения к истории техники и индустрии»).

Работы Matschos как специальные могут и должны быть использованы, но оценивать их со стороны методологии исторического исследования отдельных предприятий, разумеется, нельзя. Для этого они чересчур специальные.

В исторической литературе Германии почти отсутствуют серьезные монографии по истории заводов, дающие научную историю современных предприятий, хотя именно там очень распространено так называемое «Betriebslehre» — «учение об отдельном предприятии». Реформистский «историк капит-

¹ «Zeitschrift für Betriebswirtschaft», Heft 10, Октябрь, 1929 г., стр. 781.

талистической фабрики» Christian Schmitz, написавший две научно-популярных книжки: 1) «История фабрики и массовая работа» («Geschichte der Fabrik und die Massenarbeit» и 2) «Мир современной фабрики» («Die Welt der modernen Fabrik» (Zwing-Jena Verlag, 1929), подчеркивает недостаточное внимание в Германии к изучению истории фабрики.

«Хозяйственное, социальное и духовное значение сегодняшней фабрики,— пишет он,— в настоящее время еще сильно недооценивается. Хотя в САСШ и в Европе не менее 32 проц. всех работоспособных людей работают на фабриках, не считая тех бесчисленных профессий, которые связывают свою деятельность с фабрикой менее непосредственным образом, систематическому исследованию фабрики в прошлом и настоящем не уделялось должного внимания»¹.

Однако нельзя сказать, что предприятия в капиталистических странах вообще не являются объектом научного интереса и изучения. Так называемая «историческая школа» германских экономистов, особенно работы Шмоллера и его последователей, открыла «эпоху историко-хозяйственных монографий», которые своим принципом провозгласили эмпиризм, находящий сейчас свое научное признание в так называемом «Betriebswirtschaftslehre». В своей основной теоретической работе «Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre» («Очерк всеобщей теории народного хозяйства») Шмоллер писал, что исторической школе важно выяснить прежде всего возникновение отдельных хозяйственных институций, а не всего народного хозяйства или универсального мирового хозяйства. Шмоллер отказывается ставить широкие исторические проблемы, а предлагает при помощи «строго исторического метода изучать единичное (Grundris B. — S. 120).

Исследование «единичного» привело «историческую школу» и ее позднейших последователей к полной антиисторичности, к полному игнорированию тенденций развития. Особенно ярко сказалось это в методологии так называемого «Betriebslehre», широко развившемся в Германии в

¹ C. Schmitz, Die Welt der modernen Fabrik.

Польские шахтеры за работой в соляных коях Величко

последние годы. Немецкое «учение об отдельном предприятии» («Betriebswirtschaftslehre»), англо-американское «Scientific management» и «Business metals» и французское «Scientifique du travail» ставят своей целью «исследование и описание, анализ и систематизацию внутренних и внешних условий жизни предприятия, производственного процесса, взаимоотношений между различными взаимосвязанными предприятиями и их положения в общественной жизни».

Так определяет существо «учения об отдельном предприятии» профессор Генрих Никлиш, положивший в 1912 г. своим большим трудом «Allgemeine kaufmännische Betriebslehre als Privatwirtschaftslehre des Handels und der Industrie» («Всеобщее учение о торговом предприятии как частная экономия торговли и индустрии») начало большому и организованному изучению отдельного предприятия.

В 1914 г. проф. Никлиш основал в Высшей торговой школе в Мангейме так называемый Институт по исследованию жизни отдельного предприятия, которым он руководил до 1920 г. В 1921 г. проф. Никлиш организовал специальный семинар по изучению предприятия в берлинской Высшей торговой школе. Этот семинар продолжал существовать вплоть до 1932 г.

Аналогичные институты и семинары по изучению отдельных предприятий были созданы и в других городах Германии (Бреславль, Франкфурт на Майне, Лейпциг, Кенигсберг и др.). Особенно широкие размеры приняло это изучение в самые послед-

гие годы в связи с задачами рационализации, проводившейся на предприятиях Германии после 1924 г.

Что же может дать это движение, существующее многие годы, имеющее научно-исследовательские институты, издающие уже ряд лет специальные журналы и выпускающие огромную литературу исследовательского и общеметодологического характера, для только что начавшего развиваться в СССР изучения фабрик и заводов? Приходится констатировать, что «История заводов СССР» может получить очень немного от «Betriebslehre» в Германии. И не только для изучения истории в собственном смысле слова, но также и для изучения технико-экономического развития и современного состояния наших заводов. Основная причина этой невозможности заключается прежде всего в полном и резком различии исходных методологических позиций исследования. «Учение о предприятии» строит всю свою методологию на теоретических принципах Риккерта, Макса Вебера, Аммона, на неокантианских установках Менгера и Виндельбанда.

В основу изучения отдельного предприятия особенно охотно берется с х е м а З о м б а р т а, которая сводится к учению о «трех основных сторонах» жизни предприятий: «каждое предприятие имеет три основных элемента: дух, технику и организацию».

Расшифровывая эту формулу, мы узнаем, что «дух» предприятию сообщают ум и воля его собственника—предпринимателя, а техника и организация являются побочным продуктом этого предпринимательского «духа». Учение об отдельном предприятии рассматривает предприятие как некое самодовлеющее целое, как самостоятельный организм. Причем некоторые «теоретики» в своих аналогиях предприятия с человеческим организмом заходят так далеко, что например уподобляют финансовые связи предприятия нервной системе в организме и т. п.

Теоретики «учения о предприятии» принципиально отклоняют «одностороннее применение какой-нибудь одной точки зрения», конструируя свои собственные теории на основе самой беспомощной эклектики.

Разумеется, «История заводов СССР», базирующаяся на применении методологических принципов Маркса и Ленина, не может иметь ничего общего с методами «науки об отдельном предприятии». Только при изучении чисто практических вопросов, как например организация бухгалтерии, отчет-

ность, финансы и т. п., могут быть нами использованы некоторые технические приемы изучения. Но это уже не относится к области науки, тем более к истории.

Да и вообще «учение об отдельном предприятии», как пишут сами его «теоретики», отличается своей сугубой оторванностью от истории. «От прочих экономических дисциплин учение о предприятии отличается тем, что исходит из хозяйственной жизни с е г о д н я и н е г о д н я» — пишет А. Шранц.

Лишь в последние два года вопросы «историзма» стали привлекать к себе больше внимания. Явился ряд сторонников исторического метода, требующих не ограничиваться исследованием современного предприятия, но изучать и его прошлое.

«В какой мере лучше мы будем знать жизнь и функции современного предприятия, если мы будем изучать жизнь нынешнего предприятия в прошлом и в настоящем, если мы будем наблюдать его не только на поверхности нашего времени, но и сделаем предметом нашего исследования его прошлую жизнь со всеми ее особенностями и закономерностями»¹.

Но «историзм» ими понимается в лучшем случае как эволюция хозяйственных форм или, вернее, как изменения, происходившие в управлении, организации, финансировании предприятия и т. п.

Классовая борьба и особенно положение пролетариата, разумеется, совершенно исключаются из объектов исследования «историками» отдельного предприятия. Это «учение» очень ярко характеризует принципальное отличие методологических принципов и реальных возможностей изучения предприятий в СССР и в капиталистических отраслях. Политический смысл «учения о предприятии» нетрудно понять. Изучение внутренней и внешней жизни капиталистического предприятия проводится только под углом зрения увеличения его прибыли, его рентабельности. Теоретики отдельного предприятия затушевывают противоречия капитализма в целом. Они стараются показать, что предприятия в зависимости от степени научного их ведения могут процветать вне зависимости от общих условий, например от общего экономического кризиса.

Предприятия, с точки зрения этой теории, — база для оздоровления капитализма и опора его жизнеустойчивости.

«История заводов СССР» по своей мето-

¹ «Zeitschrift für Betriebswirtschaft», Heft 10, 1929.

дологии не имеет ничего общего с «теорией отдельного предприятия». Она изучает предприятие, как мы указывали, основываясь на применении марксовской теории, на основе изучения законов хозяйственной жизни в целом, анализируя ее особенности в данное время и в данных условиях.

Работа над выработкой правильных методов исследования, облегчающих работу по истории заводов, исходит поэтому прежде всего из усвоения и правильного понимания методологических принципов марксистско-ленинской теории общественной жизни. Эти принципы являются исходным пунктом и базой всей нашей научной работы в области истории вообще и истории заводов в частности.

Методологические принципы создания „Истории заводов в СССР“

Во всех своих научных исследованиях марксисты руководятся тезисом о том, что мир необходимо изучать для того, чтобы его изменить.

Историю и действительность, прошлое и настоящее фабрик и заводов СССР историки-марксисты изучают с точки зрения наиболее прогрессивного класса общества — пролетариата, который, по выражению Ленина, не только «заведует» данным экономическим порядком, но намечает пути и способы его изменения в направлении к социализму.

Таким образом исследователь-марксист имеет свой постоянный революционный критерий. Этим критерием для него является классовая борьба пролетариата за социалистическое преобразование общества. Вот почему Ленин в противоположность Зомбарту всегда подчеркивал, что марксистское исследование необходимо включает в себя партийность, т. е. обязывает марксистского исследователя при всякой оценке прямо и открыто становиться на точку зрения определенного общественного класса.

Книга Ленина «Развитие капитализма в России» является основной руководящей работой для каждого исследователя истории заводов, стремящегося найти правильную методологическую основу для своей работы. Ленин с одинаковой непримиримостью боролся как с «объективистской» эмпирической методологией «легальных марксистов» (Струве, Туган-Барановский и др.), которые лишь констатировали капиталистическое развитие, не анализируя сопровождающих его классовых противоречий, так и с методологией «субъективного идеализма» народников, которые сочиненными ими док-

тринами заменяли необходимое изучение конкретной действительности.

Подлинно научная история заводов отрицает как голое, бесплодное теоретизирование и абстракцию, так и грубо механистическую эмпирику в исследовании.

В основу правильного методологического подхода к исследованию истории предприятия должна быть положена схема развития капиталистической фабрики, данная Марксом в I томе «Капитала» и Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». Исследователь истории завода, имеющий задачу проследить развитие предприятия от его возникновения до современного состояния, особенно в отношении старейших заводов, должен расположить свой материал по следующим историческим этапам:

1) предприятие в период мелкого товарного производства с примитивной ручной техникой (домашняя работа деревенских кустарей или городские ремесленные предприятия, из которых выросла будущая фабрика);

2) мануфактура с большим разделением труда, с более высоким уровнем техники, превращающая крестьянина или ремесленника в «детального рабочего»;

3) капиталистическая фабрика, созданная на основе машинной техники, делающей рабочего «придатком машины»;

4) социалистическая фабрика, которая рабочего из раба делает господином машины, превращая рабочий класс в главный организующий фактор нового способа производства. Социалистическая фабрика как база и опора пролетарской диктатуры в стране.

Разумеется, при изучении конкретного предприятия нельзя требовать полного применения этой схемы. История хозяйственного развития России богата многими особенностями, которые должны быть учтены исследователем и при изучении весьма различных по своему типу и характеру промышленных предприятий.

Достаточно указать например на то, что в истории русского капитализма мануфактура выступала не только и не столько в форме концентрации под одной крышей прежде распыленных ремесленников, сколько в форме организации производства кустарей купцами-предпринимателями.

Мы еще не имеем законченных монографий по истории заводов, на основании которых мы могли бы подвести некоторые научные итоги в области методологии и методики исторического исследования отдель-

ных предприятий. Даже две наиболее далеко подвинувшиеся работы Института истории — монография по истории завода «Серп и молот» (б. Гужон) и «Трехгорная мануфактура» (б. Прохоровская) — еще не настолько закончены, чтобы их можно было разобрать здесь в качестве конкретных образцов монографий по истории предприятий.

Но все же этот небольшой опыт позволяет нам сделать некоторые предварительные методологические обобщения и поставить ряд принципиальных вопросов, которые должны быть учтены молодыми исследователями по истории заводов. В очень сжатых чертах эти методологические указания сводятся к следующим.

Первый вопрос, который всплывает перед исследователем, это вопрос: с чего начать? Как правило, он начинает с истории возникновения предприятия. Но при этом необходимо не ограничиваться выяснением места, времени и имени предпринимателя и описанием возникшего предприятия, но дать кроме того краткую характеристику эпохи и условий, создавших предприятие, обрисовать положение той отрасли промышленности, к которой оно относится, а также проанализировать те удельный вес и значение, которые оно имело в тот период.

Такая характеристика особенно ценна для установления общего уровня развития капитализма в данную эпоху. «История заводов СССР» на основе конкретных фактов своих монографий должна дать большой и ценнейший материал для суждения о зрелости капитализма и об экономических предпосылках пролетарской революции в России.

Исследователь истории заводов при этом должен учесть, что в сравнении с другими капиталистическими странами Россия вступила в этап капиталистического расцвета с опозданием на 40—50 лет, что обусловило ее дальнейшее скачкообразное развитие. Исследователь истории завода должен попытаться проследить, не нашло ли своего отражения это скачкообразное развитие промышленности и на изучаемом предприятии и особенно на темпах его индустриализации.

Важным моментом, характеризующим особенности хозяйственного развития страны и находящим свое отражение в истории заводов, является и факт длительного существования крепостнического хозяйства в России.

История многих предприятий начинается с эпохи крепостничества. Крепостнический

этап с господством методов внеэкономического принуждения не прошел бесследно для формировавшейся капиталистической фабрики. Крепостнические пережитки в стране и на фабрике накладывали свой отпечаток на условия труда и производства на предприятии, на его техническое развитие, на характер формирования кадров пролетариата, на оформление рабочих в класс и на условия их борьбы с предпринимателями. Если имеются материалы, то исследователь должен возможно полнее осветить правовое положение и борьбу рабочих крепостной мануфактуры. В этом отношении большой интерес представляют предприятия Урала.

Тщательное изучение предприятий Урала в эту эпоху должно помочь выяснению многих особенностей их позднейшего развития. В частности оно поможет выяснить, каким образом создавался на Урале тот своеобразный тип рабочего, бывшего одновременно владельцем дома и даже земельного участка, который сочетал в себе квалифицированного рабочего и мелкого собственника.

Изучение предприятий в эту эпоху позволит понять и еще одну важную проблему позднейшего времени: проблему возникновения свободной рабочей силы, создания квалифицированных кадров для капиталистической фабрики, которая в России не имела, как в западно-европейских странах, длинного подготовительного этапа городского ремесла. Превосходные материалы, имеющиеся в настоящее время в публикациях Археологического института Академии наук, дают например доказательства наличия квалифицированных кадров со стажем 25, 30 и даже 40 лет на ряде крепостнических мануфактур.

Для «Истории заводов» очень важно установить также и период капиталистической мануфактуры и первые достижения по пути механизации. Исторически и теоретически этот вопрос связан с проблемой промышленного переворота в России.

Такой же интерес может представить выяснение и другой важной проблемы — технической и экономической организации капиталистической мануфактуры и ее связи с домашней промышленностью. Раздача домашней работы, преимущественно в текстильной промышленности, встречалась на всех стадиях развития капитализма, но наиболее характерна она была именно для капиталистической мануфактуры. Исследователи текстильных фабрик должны будут отметить в истории происхождения многих

фабрик и роль раздаточных контор, из которых многие послужили, особенно в 30—40-е годы, основанием для новых фабрик.

Изучение развития капиталистической фабрики должно проводиться в тесной связи с изучением массового рабочего движения. Рабочий класс должен быть центральной фигурой на всех этапах истории предприятия, особенно в условиях машинной индустрии, когда он осознает свое самостоятельное положение и свою революционную роль.

Монография, ставящая в центре внимания рабочий класс, должна показать во всей сложности и конкретности путь, которым он шел к Октябрьской революции и каким он идет сейчас к созданию полного социалистического общества. Революционное движение пролетариата должно быть показано со всеми его трудностями и временными поражениями. История рабочего движения в России характеризуется его боевым напряжением, что в первую очередь объясняется тяжелыми условиями и остротой развертывавшейся в России классовой борьбы и наличием самой передовой и самой боевой пролетарской партии большевиков. «История заводов» должна показать не только борьбу масс, но и роль партии в этой борьбе.

Особенно важно изучить и показать в «Истории заводов» формы и методы борьбы пролетариата (стачки), политику предпринимателей и самодержавия и отношение к ним рабочих и т. п.

Исследование истории рабочего движения на предприятии должно исходить из следующих положений:

1. Анализ положения и роли рабочих должен даваться по возможности дифференцированно, с точки зрения роли отдельных слоев рабочего класса на различных этапах жизни предприятия.

2. По возможности должны быть показаны положение и роль отдельных цехов в истории развития и борьбы рабочих.

3. Должна быть установлена роль рабочих данного предприятия в общеклассовой борьбе пролетариата всей страны в соответствующие периоды.

4. Необходимо показать, какое значение имели те или иные боевые этапы жизни предприятия на развитие классового самосознания рабочих, были ли последние в своем большинстве до революции 1917 г. передовыми или отсталыми.

5. Очень важно при этом дать анализ и картину стачечного движения как показа-

теля боевой энергии и активности рабочих различных групп и категорий.

При этом исследователь должен базироваться на широком привлечении и соответствующем анализе статистического материала, который в изучении истории заводов должен сыграть весьма значительную роль.

Исследование истории заводов включает также и его технико-экономическую историю. Но технико-экономическое развитие предприятия не может рассматриваться как самостоятельный фактор, вне связи с положением и борьбой пролетариата.

Маркс, уделявший проблемам техники большое внимание, изучал технику и тенденции ее развития с точки зрения ее последствий для рабочего класса.

При изучении технической истории предприятия необходимо исходить из анализа общественного и классового характера техники, помня, что из всех орудий производства величайшей производительной силой является сам рабочий класс (Маркс). Поэтому исследователь не может ограничиться эмпирическим описанием технического прогресса на предприятии или односторонне, что свойственно богдановской методологии, сводить все к технике как к единственному и решающему фактору истории. Подчеркивая классовый характер и социальную обусловленность технического прогресса, исследователь должен показать, как в условиях капитализма техника превращается в могучее орудие эксплуатации рабочего. Ту же социальную обусловленность необходимо показать и при изучении экономической эволюции предприятия. Подходя к анализу экономической структуры предприятия с обычным для историка-марксиста классовым критерием, необходимо выяснить, как формировалась и развивалась капиталистическая система производственных отношений, определявшая формы и характер эксплуатации, организацию труда, положение и характер организации рабочих, условия их борьбы и т. п.

Два мира — капиталистический и социалистический — должна показать «История заводов СССР». Поэтому она включает не только капиталистическую фабрику дооктябрьского периода, но и социалистическую фабрику после Октября. Историей предприятия в эпоху Октябрьской революции открывается вторая часть монографии. Она должна показать процесс превращения рабочего класса из объекта эксплуатации при капитализме в передового борца против вся-

кой эксплуатации, в организатора социалистического общества в СССР.

Изучение истории заводов после Октября должно быть расположено по следующим этапам:

1. Завоевание власти и первые шаги пролетарской диктатуры (до лета 1918 г. включая национализацию).

2. Годы гражданской войны и военного коммунизма (1918—1921).

3. Годы восстановления и переход к социалистической реконструкции хозяйства (1921—1927).

4. История предприятия в период первой пятилетки (1927—1932).

Недостаток места не дает здесь возможности подробно остановиться на характеристике предложенной периодизации послеоктябрьской истории завода. Изучение предприятия советского периода встречает большие трудности как по недостатку, а иногда и полному отсутствию архивного материала, часто совсем уничтоженного во время гражданской войны, так и вследствие недостаточной научной разработки истории этой эпохи вообще.

История советского предприятия должна потребовать прежде всего кропотливого собирания материала для того, чтобы шаг за шагом восстановить фактическую историю создания и развития социалистической фабрики.

История заводов в период непосредственно после Октябрьского переворота, как и в позднейшие годы, должна показать, как рабочие боролись за укрепление пролетарской диктатуры и за полное низвержение буржуазии.

Она должна конкретно показать, как произошел переход предприятия в руки рабочих, в каких формах осуществлялся рабочий контроль над производством, как от рабочего контроля рабочие перешли к управлению фабрикой, от каких условий зависело дальнейшее развитие национализированной фабрики и т. п. При этом должны быть показаны те внутренние процессы, которые отражали происходившую в стране гражданскую войну. Сопротивление предпринимателей национализации, организация саботажа служащими и техперсоналом, колебания и прямая борьба части отсталых рабочих, идущих еще за мелкобуржуазными партиями, против пролетарской диктатуры, — все это должно быть с величайшей жизненной правдой показано в «Истории заводов». Одновременно должно быть конкретно показано участие рабочих в органи-

зации пролетарского государственного аппарата, борьба их с голодом, с разрухой, организация рабочими продотрядов и комбедов, участие их в организации Красной армии и т. п. При этом необходимо привлечь во внимание при изучении истории этого периода, что пролетариат в эпоху развертывающейся гражданской войны еще не находился на одинаковой ступени социалистической зрелости, что была еще большая прослойка, находившаяся под мелкобуржуазными влияниями, и что партии пролетариата приходилось вести огромную и напряженную работу и борьбу с этими влияниями.

В истории заводов этого периода поэтому на первый план должна быть выдвинута история партийной организации на предприятии и ее роль в сложной работе по созданию и укреплению пролетарской диктатуры.

Было бы небрежным изображать всю историю предприятия в эпоху гражданской войны только как историю борьбы с контрреволюцией. Необходимо показать, что рабочий класс в этот период, используя каждую маленькую передышку, пытался приступить к строительству социалистического хозяйства. Коммунистические субботники явились одной из форм нового, социалистического труда, и они должны быть особенно конкретно и детально обрисованы.

История предприятий в годы гражданской войны должна изучаться очень дифференцированно, в соответствии с различными формами гражданской войны в различные периоды в том или ином районе.

Переходя к беглой характеристике истории предприятия в эпоху борьбы за восстановление народного хозяйства, необходимо подчеркнуть неоднородность этого процесса в различных отраслях промышленности.

Процесс собирания распыленных в период гражданской войны рабочих кадров, увеличение прежде всего и всеми средствами производства, ожесточенная борьба за восстановление завода, первые признаки хозяйственного роста, роль партии, профсоюзов, организаций молодежи в борьбе за восстановление производства — все это должно найти конкретнейшее изображение в истории завода.

В противоположность капиталистической организации труда рабочий класс в СССР создал новые формы и стимулы труда, новые способы привлечения к труду, новые формы трудовой дисциплины. Производственные совещания явились на этом этапе одной из

активных форм участия рабочих в борьбе за восстановление производства.

Основные вопросы изучения предприятия в реконструктивный период можно разбить на следующие группы:

- 1) вопросы техники и экономики;
- 2) политические и общественные вопросы;
- 3) культурно-бытовые вопросы;
- 4) вопросы участия предприятия в общественной жизни страны.

При изучении каждой из этих групп вопросов должна быть подчеркнута центральная, ведущая линия исследования, которая показывает борьбу пролетариата под руководством своей партии на всех участках и во всех формах за полное и победоносное осуществление социализма.

Указанные выше методы и принципы исторического исследования не могут быть однако полностью применены к истории предприятия в период социалистической реконструкции. Этот период изучается преимущественно инженерами, экономистами, политическими и культурными руководителями предприятия. Собранный ими материал даст заключительную и важнейшую часть монографии, логически дополняющую и заканчивающую тот длинный исторический путь, который был освещен в первой части монографии.

Необходимо сказать еще несколько слов об источниках исторического исследования предприятий. Этому вопросу можно было бы посвятить специальный доклад, так этот вопрос важен и интересен для исследователей истории заводов. Большая часть даже крупных заводов почти не имеет книг, в которых была бы прежде описана их история.

Авторы должны поэтому начинать прямо с первоисточников. Последнее часто грозит молодому и неопытному исследователю

большими трудностями. Ему либо угрожает опасность утонуть в горах сырого архивного материала или растеряться в немалых горах всякого рода воспоминаний рабочих, которые требуют проведения над ними большой критической работы, проверки и т. п.

В том и другом случаях необходимо серьезное инструктирование авторских рабочих коллективов по вопросу о том, как и какими источниками пользоваться.

Главная редакция предприняла для этой цели ряд практических мероприятий: были подготовлены специальные библиографические справочники, архивная картотека, путеводители по архивам и т. п. Последние должны облегчить молодым исследователям пользование архивами. Кроме того организуются специальные кружки, курсы лекций, семинары и т. п., которые должны помочь рабочим-исследователям ориентироваться в содержании и в методике работы. Институт истории Комкадемии разработал в помощь рабочим-авторам ряд программ, инструктивных статей, буклет и вопросников, которые должны помочь в работе по сбору и предварительной систематизации материала.

Центрархив провел выявление архивных фондов, необходимых при изучении истории заводов.

Важнейшие научные библиотеки, книжная палата, музеи, различные научные институты провели ряд вспомогательных работ по выявлению литературных источников и по созданию библиографических и различных справочных пособий. «История заводов СССР» становится предметом внимания и заботы самых разнообразных организаций и учреждений. Она вызывает все усиливающийся интерес всей советской общественности и становится предметом подлинно массового коллективного творчества.

ДНЕВНИК РАБОТ КОНГРЕССА

VII международный конгресс историков открылся 21 августа 1933 г. в Варшаве в большом зале Политехникума. На конгрессе присутствовало 1.100 делегатов и гостей от 41 страны. Съезд открыл от имени организационного комитета проф. Дембинский. На открытии конгресса присутствовали: президент республики Мосцицкий, премьер-министр Енджевич, министры, кардинал, дипломатический корпус и др. В почетные председатели конгресса был избран маршал Пилсудский. В состав президиума вошли крупнейшие историки всех стран: Кот (Норвегия), Темперлей (Англия), Ковилль (Франция), Набгольц (Швейцария), Бранди (Германия), Йорга (Румыния), Бидло (Чехо-Словакия), Феделе (Италия), Домановский (Венгрия), Фрисе (Дания) и ряд других лиц. От СССР в состав президиума вошел академик В. П. Волгин.

От имени польского правительства конгресс приветствовал премьер-министр Енджевич, выступивший с большой речью на тему «О создателях и исследователях истории». Он подчеркнул в ней связь между политиками и историками и необходимость контакта между ними. Потом по специальному поручению папы римского выступил епископ Годлевский, попытавшийся установить, как это сделали и политики, связь между исторической наукой и церковью.

По окончании торжественных речей с отчетом о деятельности Международного исторического комитета за 5 лет, прошедшие после конгресса в Осло в 1928 г., выступил председатель комитета проф. Кот. При этом проф. Кот выразил свое удовлетворение и радость, что конгресс открылся в «свободном польском государстве, возрождением которого была исправлена великая мировая несправедливость».

Затем конгресс перешел к заслушанию докладов, поставленных на пленарном заседании. Профессор Сорбоннского университета Диль сделал доклад на тему «Актуальные проблемы византийской истории». Бывший румынский премьер-министр проф. Йорга прочел доклад, называвшийся «Происхождение и развитие национальной идеи со специальным выделением северо-восточной Европы». Третий доклад был сделан ректором Краковского университета проф. Кутисбой на тему «Принципы авторитета и свободы в истории европейских государств от средневековья до настоящего времени».

После открытия конгресса открылась Международная географическо-картографическая выставка, состоящая из трех отделов: 1) старые карты XIII и XIV вв.; 2) карты, изготовленные научными институтами, и 3) карты, рисующие историческое развитие городов от древнейших времен до последних дней. Организована выставка по постановлению Международ-

ного съезда по исторической географии, состоявшегося в 1930 г. Ее организаторами были проф. Куршман, Семковиц, Гаксгоф и Арнольди. Во второй половине дня открытия конгресса началась и работа в секциях. Всего создано 15 секций и 13 специальных комиссий.

Секции были посвящены следующим историческим эпохам и проблемам: 1-я секция — вспомогательные науки и архивы, 2-я — предистория и археология, 3-я — древняя история, 4-я — средние века и Византия, 5-я — новая и новейшая история, 6-я — история религий, 7-я — история права и учреждений, 8-я — экономическая и социальная история, 9-я — история идей и философии, 10-я — история наук (чистых), 11-я — история литературы, 12-я — история искусств, 13-я — методология и теория истории, 14-я — преподавание истории, 15-я — история Восточной Европы.

Специальные комиссии работали над следующими проблемами: 1) сравнительной исторической демографией, 2) исторической географией, 3) историей великих открытий и путешествий, 4) историей банков и обмена, 5) историей евреев, 6) историей социальных движений, 7) историей просвещенного абсолютизма, 8) историей феодализма, 9) историей гуманизма, 10) историей колоний, 11) историей военной.

21 августа работали следующие секции.

На 2-й секции предистории и археологии был заслушан доклад проф. Сулимирского (Львов) на тему «Шнуровая культура керамики и индоевропейская проблема».

В 4-й секции (средние века и Византия) состоялся доклад делегата СССР академика Н. С. Державина на тему «Славяне и Византия VI в.» (о методах исследования истории балканских народов). Там же сделали доклады мюнхенский проф. Дольгер «Вопросы землевладения в Византии» и Моравчик (Будапешт) «О византийско-венгерских отношениях в эпоху крестовых походов».

В 5-й секции — новой и современной истории — состоялись доклады Лемана (Лилль) о тайных торговых отношениях Франции и Испании в 1636—1638 гг., Стлукала (Прага) и Гроссе (Англия) — о торговых сношениях в Праге в 1581—1611 гг. и в Англии в 1660 г.

В 6-й секции — по истории религий — состоялись доклады Лодса (Париж) и Зелинского (Варшава); первого — на тему о моральном монотизме израильтян, второго — о новых течениях в истории религии Римской республики.

Тогда же приступили к работе секции истории, права, истории наук и истории литературы, а также специальная комиссия по исторической демографии.

В секции права наибольшее внимание привлек доклад варшавского историка Кошембар-Лысковского по вопросу об эволюции римского права. В секции наук Интернациональный комитет по истории науки представил отчет о публикации хронологических таблиц по

истории науки XVI столетия, а также был заслушан доклад проф. Бартольди (Болонья) по истории математики.

В секции по истории литературы наибольший интерес вызвал доклад проф. Ван-Тигема о новых открытиях в истории литературы, дополненным сообщением проф. Шнайдера (Иена) о состоянии международной работы по изучению Данте.

В первый день заседания конгресса работало 5 секций, на которых был заслушан 21 реферат. Во второй день работало 18 секций и специальных комиссий, на которых было заслушано 80 докладов, в том числе 16 польских. Из них мы отметим лишь важнейшие: в 5-й секции (новая и новейшая история) первым докладом был доклад проф. Риттера (из Фрайбурга) об умственном развитии в Германии и в Западной Европе в период реформации и проф. Брилле (Италия) о польских студентах в Падвии и влиянии Италии на умственное развитие Польши. В секции по экономической и социальной истории интерес вызвали доклады о возникновении городов в средние века (Кебнер, Арнольд и др.).

В секции истории литературы привлек внимание доклад проф. Эккардта (из Будапешта) о мессианизме французского народа, выраженного в его литературе. В секции по преподаванию истории, привлекавшей большое число делегатов и гостей, были заслушаны доклады польских делегатов Ванды Мощенской и Галины Мрозовской на тему о соотношении между исторической наукой и ее преподаванием и о воспитательном влиянии преподавания истории в школе. Секция архивно-вспомогательных наук привлекла много публики своими сообщениями

о новых публикациях документов из истории Польши (в частности о взаимоотношении с папством, о дипломатических отношениях между Францией и Польшей и т. п.).

Но наибольший интерес вызвало послеобеденное заседание секции методологии, где ожидались доклад Бухарина и выступления советской делегации с критикой доклада Кейльо «Исторический материализм или исторический синтез». Но докладчик Кейльо не явился, и выступления советской делегации не состоялись. На заседании секции был заслушан только один доклад линкольнского профессора Флинга «Исторический синтез», вызвавший оживленную дискуссию и подвергшийся критике со стороны советских делегатов (на следующем заседании).

Следует отметить начавшуюся 2 августа работу специальных комиссий и групп: комиссии по истории великих путешествий и открытий, по сравнительной исторической демографии, по истории банков и обмена, по истории сравнительной демографии, по истории евреев.

В последней выступали с докладами преимущественно историки-эмигранты или сионисты, живущие за границей, как Барон (Нью-Йорк), Дубнов, Балабан и др.

Третий день работы конгресса историков имел почти такое же большое количество докладов, как и второй. Из докладов этого дня наибольший интерес вызвал доклад советского делегата академика Н. М. Лукина «Интернационал и Парижская коммуна», прочитанный в специальной комиссии по истории социальных движений. На заседании секции современной истории интересен был доклад американского профессора из Чикаго Готшалка об отноше-

Экскурсия делегатов конгресса, посетившая копи Величко

нии французского правительства к Лафайету и его роли в Америке в 1777 г. В секции по преподаванию истории наибольшее количество посетителей привлекли доклады проф. Тигема из Парижа о преподавании истории литературы вместе со всеобщей историей, проф. Ван-Нюивельде (Брюссель) об истории искусства в преподавании и немецкого профессора Момзена «Историческая наука и преподавание истории».

В секции Восточной Европы большой интерес вызвал доклад чешского проф. Бидло на тему «Что такое Восточная Европа», против которого с критикой и возражениями выступил делегат СССР академик Н. С. Державин. В этот день работали также и специальные комиссии, как-то: исторической демографии, исторической географии просвещенного абсолютизма, великих открытий и путешествий, феодализма и др.

24 августа работали почти те же секции и комиссии, что и в предшествующие дни, и с таким же количеством докладов.

Наибольший интерес привлекла секция по истории Восточной Европы, где выступили с докладами англичанин проф. Темперлей (о британской политике в период турецких войн 1856—1878 гг.), варшавский проф. Гандельсман («Политика князей Чарторыйских в 1831—1856 гг.>) и президент Белорусской академии наук П. О. Горин на тему «Колониальная политика царского самодержавия в Польше». В секции по методологии с критикой доклада Берра о синтезе выступили советские делегаты академики Н. М. Лукин и В. П. Волгин. В секции преподавания истории интерес вызвал доклад проф. Леритье об учебниках и методах преподавания, вызвавший критику делегатки СССР А. М. Панкратовой. В секции Восточной Европы выступил с докладом об евразийской теории эмигрант Савицкий, которому возражал академик Державин, председательствовавший на секции.

25 августа состоялся ряд докладов, посвященных истории Польши и взаимоотношениям Польши с другими государствами. Наибольший интерес вызвали заседания 3-й секции (история античности), где выступал со своими новыми открытиями о раскопках в Дура на Евфрате русский эмигрант проф. Ростовцев. В секции средних веков и Византии с докладом о позднем средневековьи выступил проф. Кот (Осло).

26 августа был последним днем работы секций, поэтому он был особенно уплотнен докладами. В секции новой и новейшей истории интерес вызвал доклад Гарлея (Лондон) об Англии и польском восстании 1863 г. В секции экономической и социальной истории состоялись доклады известных историков: Ковилля (Париж), выступившего с интересными документами по истории Франции 1348—1350 гг., Фогеля (Берлин) — о немецкой Ганзе, Гонсервской (Варшава) — по истории польской металлургии и горного дела. В этой же секции был сделан доклад делегатки СССР А. М. Панкратовой по истории заводов Советского союза.

На вечернем заседании большую аудиторию делегатов и гостей привлекла секция новой истории, на которой выступал немецкий проф.

Грот Словацкого в копиях Величке

Бранденбург с докладом об истории империализма, против которого развернули критику делегаты СССР акад. Лукин и проф. Преображенский. На этом же заседании проф. П. Ф. Преображенский выступил с большим докладом на тему «Русско-японская война и ее влияние на создание Антанты».

Всего в течение недели на конгрессе было заслушано около 300 докладов и сообщений. Конгресс закрылся торжественным заседанием в Польском театре 28 августа, где были прочитаны доклады проф. Кера (Берлин) «О плане издания папских первоисточников», Лейхта (Болонья) «О происхождении искусства в Восточной Европе» и акад. Волгина «От Маркса к Бабефу».

Вечером 28 августа делегаты из Варшавы выехали в Краков, где 29-го утром состоялось торжественное заседание в Ягеллонском университете. В Кракове состоялось заключительное заседание конгресса. Были заслушаны доклады проф. Набольца «О взаимоотношении политической и экономической истории» и проф. Ростовцева «Раскопки синагог в Дура на Евфрате».

Для делегатов конгресса был организован ряд выставок, экскурсий и т. п. В Кракове делегаты осмотрели старинную Вавельскую крепость и дворец, Ягеллонский университет, Народный музей и т. п. На другой день в честь делегатов конгресса был устроен праздник на Соляных копиях в Величке, куда делегаты совершили специальную экскурсию. Делегаты спустились в глубокие шахты, где они осмотрели сталактиты и красивые соляные залы, где художественные фигуры и украшения, даже предметы обихода, все сделаны из соли, добываемой в Величке.

После окончания конгресса все делегаты, разбившись на группы, совершили ряд экскурсий в различные города и районы Польши.

ПОЛЬСКАЯ ВЫСТАВКА

НА ИСТОРИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

Выставка к VII международному конгрессу историков, организованная Варшавской народной библиотекой и другими польскими организациями, была представлена в книгах, рукописях, эстампах, картах, планах, иллюстрированных манускриптах и т. д., отобранных из материалов библиотек и книгохранилищ.

При отборе материалов организаторы выставки очевидно руководствовались главным образом значимостью материалов для изучения древней и средней истории (ценные рукописи средних веков, летописи, хроники), либо их типичностью, характеризующей фонды библиотеки (копии писем, документы по истории Великой польской эмиграции и т. п.).

Выставка имела следующие отделы: польская историография с древнейших памятников до XIX в., рукописные источники по истории Польши до и после ее разделов, вспомогательные исторические науки. Соответственно работам конгресса выставка включала и другие отделы, соприкасающиеся с историей, — картографию, историческую беллетристику, историю искусства и т. п.

Особенно видное место было отведено на выставке сочинениям маршала Пилсудского и Иосифа Залуского.

По историографии отобраны самые редкие и наиболее ценные книги и рукописи наиболее известных представителей польской исторической науки до конца XVIII в. Для XIX в. организаторы выставки ограничились важнейшими трудами главнейших польских историков, трактующих историю Польши опять-таки до эпохи ее разделов.

Рукописи этого раздела позволяют восстановить (с неизбежными пробелами) общую картину польской историографии от летописей «святого креста» и хроники Галла до автографа из «Истории народа польского» Нарушевича.

По историографии XIX в. выставлены в приблизительно хронологическом порядке избранные труды наиболее крупных умерших историков независимой Польши, как-то: Альберт-ранди, Бандтке, Немцевич, Голенбовский, Исахим Лелевель, Малешевский, Ходский, Зайдлер, Морачевский, Нарбут, Чайноха, Форстер, Моравский, Юлиан Бартошевич, Мациовский,

Шмидт, Шуйский, Крашевский, Коллинка, Яроховский, Ролле, Навишский, Кубала, Корзон, Закревский, Войцеховский, Смолка, Финкель, Смоленский, Краусхар, Бальцер и др.

В отделе вспомогательных наук и критических материалов интересно представлена геральдика. Обширно даны на выставке палеография, нумизматика, критические издания источников, исторические очерки, библиография и биография, периодика и справочники. По всем этим группам выставлены наиболее важные из существующих в библиотечных коллекциях произведения.

Экспонаты исторических источников распределены по следующим группам: а) история законодательства, б) история политики и цивилизации, в) государства-данныки Польши, г) история Польши XIX в., д) внешние сношения Польши.

Среди важнейших экспонатов этого раздела даны три редакции статута Казимира Великого, типы статуты Мазовецких и Литовских, законы Магдебургские, источники для законов и обычаев польских, материалы справочного характера и т. п.

Внешние отношения Польши представлены документами, характеризующими коллекции Рапперсвиля, делами генерала Домбровского эпохи Наполеона, актами польской миссии в Париже в 1831 г. и т. п.

В связи с работами на конгрессе комиссии по истории великих открытий и путешествий на выставке были представлены произведения XVI и XVII вв., написанные поляками или изданные в Польше и упоминающие об Америке. Древнейшее из этих сочинений датировано 1506 годом.

Выставка литературы должна была представить в сокращенном виде богатые собрания манускриптов Народной библиотеки, относящиеся к истории польской словесности. Почетное место занимали памятники древне-польского языка. Из автографов и рукописей польских писателей отобраны наиболее известные авторы, особенно XVII в. Из новейшей литературы выдающееся место занимали экспонаты творчества Станислава Выспянского, отмечающие 25-летие со дня его смерти.

На выставке была представлена серия древних иллюстраций. Среди них выделялись французские и итальянские оригиналы, наличие которых в Польше свидетельствует о существовавшем влиянии Запада на культурное развитие Польши.

Соответственно задачам выставки были отобраны редкие рисунки, как например коллекции рисунков Крашевского, Норвида и др., серия архитектурных проектов королевской резиденции в Варшаве, дворца в Лазенках и т. п.

Все материалы подобраны с целью иллюстрировать историю борьбы за национальную независимость Польши. Документы однако совершенно не показывают участия масс в борьбе за национальное и социальное освобождение рабоче-крестьянских масс в Польше.

ВЫСТАВКА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КНИГИ

НА КОНГРЕССЕ

Выставка была организована Институтом истории Комкадемии при участии Академии наук СССР и Белорусской академии наук. Задачей выставки был показ важнейшей советской литературы по истории и советской исторической документации за годы первой пятилетки. Отдельно были представлены книжная литература и журналы.

Книжная литература была отобрана по указаниям авторитетных специалистов и была разбита на части, относящиеся, во-первых, к общим вопросам истории, во-вторых, к истории России и СССР и, в-третьих, к истории прочих стран. Главное внимание во всех трех разделах было уделено показу успехов советской исторической науки в области подлинно марксистско-ленинского освещения исторических событий и материалов, характеризующих обширную работу советских историков по изданию новых важных исторических документов. Наука пролетариата была представлена на выставке прежде всего трудами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и марксистскими историческими работами, посвященными многочисленным специальным вопросам истории (труды М. Н. Покровского и многие другие). Особенно полно была представлена документация, отражающая крупнейшие издания Центрархива, Комкадемии, Академии наук СССР, Комиссии по изданию документов эпохи империализма при ЦИК СССР и др. Все это, несмотря на самый строгий и даже суровый отбор, составило массу, превысившую 900 названий (около 1.200 томов). Материал был развернут по специальной схеме классификации, составленной под руководством Института истории Комкадемии. Впервые международные исторические круги могли ознакомиться конкретно, на примере этой разбивки обширного материала, с принципами периодизации истории, глубоко отличными от принципов периодизации буржуазной науки. Особенностью выставленной литературы является то, что она посвящена как тем вопросам, которыми занимались также буржуазные историки, так и вопросам, которых они избегают и не «удостаивают» своим вниманием. В освещении этих проблем особый интерес представляют многочисленные издания, посвященные вопросам классовой борьбы (более 40 проц. всей представленной на выставке книжной продукции), а также большое число

работ, освещающих историю национальных меньшинств и вообще угнетенных народностей.

Дополнением к книжной продукции явились на выставке наши исторические журналы (числом несколько десятков за 1928—1932 гг.), а также научные журналы, имеющие постоянные исторические отделы (тоже несколько десятков). Некоторые важнейшие журналы были представлены в комплектах, другие — в характерных образцах.

Названия книг и журналов, как и систематический каталог выставленной литературы, были даны на выставке на французском языке.

Кроме книг на выставке фигурировали тексты планов исторических работ главных наших учреждений на вторую пятилетку (по-французски) и некоторое число схем и диаграмм, посвященных иллюстрации двух проблем. Одна проблема об объеме и системе учреждений и организаций, занимающихся в СССР разработкой истории специально или в существенной степени. Для того, чтобы придать представленным на выставке материалам большую убедительность (с точки зрения буржуазных ученых), эти материалы были подобраны и обработаны на основе сведений, регистрируемых в международном справочнике ученого мира «Минерва» за 1930 г. Для иллюстрации того, как далеко и в данной области СССР обогнал царскую Россию, аналогичные сведения по России были подобраны по тому же справочнику за 1913—14 г. Итог этого сопоставления чрезвычайно красноречив. Достаточно отметить в частности, что в 1930 г. общее число учреждений и организаций, занимающихся разработкой исторических проблем, было в СССР — 1.174 против 302 в 1913—14 г., причем число разных архивов составляло в 1930 г. 82 (против 39), музеев 544 (против 132), специальных научно-исследовательских учреждений 66 (против 2) и т. д.

Диаграммы, иллюстрирующие все это, были сопровождены объяснительной запиской на французском языке.

Другая проблема, нашедшая выражение на выставке, — это процентное распределение тем по истории Запада и Востока в современной советской литературе по сравнению с таким же распределением в предвоенной царской России. Итог обнаруживает огромный сдвиг в сторону изучения проблем классовой борьбы.

Необходимо отметить, что благодаря возмутительной небрежности московской таможни и ряда железнодорожных органов выставка, своевременно отправленная в Варшаву, прибыла туда с большим опозданием незадолго до закрытия конгресса. Тем не менее она была развернута и показана делегатам и представителям польского ученого мира. Несмотря на краткость времени, в течение которого была открыта выставка, она имела огромный успех. Иностранцы и в частности польские ученые с большим интересом и весьма внимательно просматривали литературу, делая заметки, выписки и т. д. Интерес, проявленный польскими учеными, был так велик, что для частичного удовлетворения и в интересах укрепления советско-польских культурных связей оказалось желательным оставить в Варшаве в дар польским научным учреждениям (университет и военная высшая школа) большую часть литературы, бывшей на выставке.

П. Щеголев

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ЛЕНИН

О БАБЕФЕ И БАБУВИЗМЕ

1

Еще в начале сороковых годов, во время пребывания Маркса в Париже, вопросы изучения Великой французской революции прочно вошли в круг его умственных интересов. Изучая эпоху революции, Маркс конечно не мог ограничиться имевшейся литературой (тогда еще скудной), возникшей в годы реставрации и июльской монархии, а обратился к первоисточникам. Мемуары современников, памфлетная и брошюрная литература, отчеты конвентских прений — весь этот круг источников усердно прорабатывался Марксом. Живыми документами этой проработки являются и обширный конспект мемуаров якобинца Левассера и целый ряд упоминаний о эпохе Великой революции, содержащихся во всех главнейших произведениях Маркса и Энгельса в эти первые годы их исторического содружества. Интерес Маркса и Энгельса к великой революционной эпохе XVIII в. был конечно далеко не случаен. Изучали они французские события как классический образец буржуазной революции, как прообраз того, что ожидало в недалеком будущем Германию. «Отрицательно относясь к немецким порядкам 1843 г., — писал Маркс, — я по французскому летоисчислению нахожусь едва в 1789 г.», таким образом критический анализ хода Великой французской революции должен был явиться одной из необходимых предпосылок для выработки основ стратегии и тактики пролетариата в грядущих классовых боях. Изучение революции становилось таким образом делом глубоко актуальным, практически насущным. Штудирова источники, раскрывавшие перед ними историю революционных битв конца XVIII в.,

Маркс и Энгельс должны были обобщить весь этот громадный материал с точки зрения впервые сформулированного ими учения исторического материализма. История революции должна была прозвучать теперь совсем по-новому, осмысленная великими теоретиками пролетариата. Ни Маркс, ни Энгельс не оставили после себя какого-либо цельного исследования по истории революции. Их высказывания — это фрагменты, отрывки, отдельные замечания, но дают они для понимания событий революции несравненно больше, чем томы, исписанные цеховыми историками буржуазии. Поэтому-то и дальнейшее развитие советской историографии Великой французской революции возможно только на основе пристального изучения наследия, оставленного основоположниками марксизма, а также на основе изучения указаний Ленина и Сталина.

Когда Маркс и Энгельс впервые приступили к своим занятиям по эпохе Великой революции, они застали еще теплой ту лаву, под потоками которой были погребены ее дела и люди. В 40-х годах еще жив был целый ряд современников и деятелей революции, еще коротали свои дни «последние могикане», «цареубийцы», члены Конвента. Знаменитый Барер окончил свои дни только в 1841 г., а были и такие, которые дотянули до конца 40-х годов. Когда Тьер и Минье выступили с первыми, по времени, попытками дать широкое историческое полотно, посвященное революции, они могли опираться и на изустные предания и на рассказы современников. Поэтому-то традиции Великой революции и легли тяжелым пластом на революционную борьбу первого десятилетия июльской монархии. Поэтому-то на каждом повороте вновь и вновь возникали из исторического небытия партии и лозунги 90-х годов XVIII в., пока это все не завершилось пародийным воскрешением 1793 г. в буржуазной революции и буржуазных «революционерах» 1848 года.

Среди потока книг и брошюр, посвященных героическому прошлому буржуазной Франции, одна книга заняла совсем особое положение и по своему сюжету и по тому, с каких точек зрения он был в ней разработан. Вышла книга эта в Брюсселе в 1828 г., во времена жесточайшей реакции во Франции. Автором ее был Филипп Буонаротти и называлась она «Заговор равных», или, точ-

нее, «Заговор для достижения равенства». В ней была дана история знаменитого «заговора равных» под руководством Бабефа.

Группа революционеров, объединившись в 1796 г. под руководством Бабефа, сделала попытку революционного свержения режима буржуазной диктатуры.

Попытка эта оказалась неудачной, вождь «равных» — Бабеф — сложил голову на гильотине. Другие участники «заговора» попались долгими годами ссылки и заключения. На целую четверть столетия угасла, казалось, и всякая память об этом безумно смелом и героическом предприятии. Но вот появилась книга Буонаротти, написанная с громадным подъемом, снабженная интереснейшими документами, книга, и по сей день сохранившая значение важнейшего источника для истории Бабефа и бабувизма. Через два года после ее выхода в свет произошла июльская революция, принесшая небывалый еще подъем рабочего движения. В том же 1830 г. стало возможным переиздание книги Буонаротти в самом Париже. Она сыграла значительную пропагандистскую роль в передовых слоях французского пролетариата. Она стала исходной точкой воскрешения бабувизма как самостоятельного, особого течения внутри рабочего движения 30-х и 40-х годов.

С другой стороны, отклик имела книга Буонаротти и по ту сторону канала, в Англии. Первый английский перевод ее появился еще в 1828 г. В 1836 г. ее вновь перевел один из будущих вождей чартистского движения Бронтерр О'Брайен. В предисловии к переводу О'Брайен писал о поразительном совпадении своих взглядов со взглядами Буонаротти: «Книга Буонаротти содержит одно из лучших изложений тех великих политических и социальных идеалов, которые я так долго защищал в газете «Защитник бедных людей» и в других органах». Хотя О'Брайен несомненно ошибался, отождествляя позицию «Защитника бедных людей» с бабувизмом, остается все же бесспорной громадная популярность Буонаротти и его книги в английском рабочем движении, переживавшем тогда один из замечательнейших своих этапов.

Но пропагандистскую роль играла не одна только книга. Сам Буонаротти дожил до осени 1837 г., оставаясь и в последние дни своей жизни пламенным проповедником идей бабувистского равенства. Когда Маркс и Энгельс появились в Париже, они несомненно должны были столкнуться лицом к лицу с возрожденным бабувизмом. Ту же

Графх Бабеф

бабувистскую традицию Энгельс обнаружил и на английской почве. Таким образом критическая оценка бабувизма, уяснение его исторического места и значения представляли для Маркса и Энгельса шаг политической важности. Не ограничившись одним только признанием исторической заслуги Бабефа, Маркс и Энгельс смело вскрыли слабые, реакционные стороны бабувизма, подчеркнув этим его историческую ограниченность.

И в последующие годы, когда бабувизм окончательно отошел в историческое прошлое, Маркс и в особенности Энгельс возвращались к темам, с ним связанным. Особое значение имеет в данном случае энгельсовский «Анти-Дюринг», как окончательный его текст, так и некоторые черновые наброски. Во всяком случае можно положительно утверждать, что в позднейшей марксистской литературе многочисленные высказывания Маркса и Энгельса, посвященные Бабефу, не получили сколько-нибудь систематической разработки, а зачастую даже и вовсе не учитывались. Дальнейшее наше изложение и стремится дать сводку важнейших мест из Маркса и Энгельса, причем главное внимание в нашем комментарии будет уделено Бабефу и бабувизму эпохи Великой революции. Бабувизм позднейшего времени будет привлекаться нами

лишь поскольку он связывается у Маркса и Энгельса с его историческим предшественником.

2

Начнем с вопроса о происхождении бабувизма. Сам бабувизм является, по Марксу и Энгельсу, продуктом совершенно определенных исторических условий. В «Анти-Дюринге» Энгельс прослеживает исторические предпосылки бабувизма одновременно по двум линиям. Одна дана развитием идей утопического социализма, другая — последовательным развертыванием социальных движений предпролетариата в эпохи ранних буржуазных революций.

Указывая на широкое распространение, которое получили накануне революции идеи буржуазного просветительства, Энгельс подчеркивает, что в их круге одно из доминирующих мест принадлежало идее равенства. «Благодаря росту торговли и вызванному им усилению более или менее развитых элементов как буржуазии, так и пролетариата опять должно было выдвигаться требование равенства как условия буржуазного существования, а в связи с этим требованием и пролетарии начали связывать с политическим равенством социальное. Впервые, конечно в религиозной форме, это требование было ясно выражено во время крестьянской войны»¹.

Идея равенства поддавалась, как указывает Энгельс, двойкой интерпретации. Буржуазное ее толкование замыкалось на идее формального равенства, равенства перед законом. Эта «буржуазная сторона равенства была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования формулирована Руссо»². Однако одновременно с руссоизмом в потоке просветительной философии наметилось и другое течение, представители которого не ограничивались буржуазным толкованием понятия равенства, а шли дальше, сознательно раздвигая и ломая рамки буржуазного просветительства. «Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса, — говорит Энгельс, — возникали и соответствующие теории с утопическим изображением идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367.

² Там же.

³ Там же, стр. 18.

Таким образом ближайшими предшественниками Бабефа мы должны считать, поскольку речь идет об определенной исторической преемственности идей, Морелли и Мабли. «Современный социализм... в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, и его первые представители Морелли и Мабли недаром принадлежали к их числу»⁴.

Бабеф и «равные» являются дальнейшей ступенью в развитии социализма. И в данном случае, «как и при всех требованиях буржуазии, пролетариат, как тень, неизбежно следует за буржуазией и делает свои выводы»⁵. В скобках Энгельс добавляет при этом: «Бабеф».

Но самый бабувизм не является однако простым продуктом развития социалистических идей. Как определенное социальное движение он имеет своих предшественников в самостоятельных движениях «того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата». К таким движениям Энгельс причисляет «движение перекрещенцев и Томаса Мюнцера в эпоху Реформации и крестьянских войн в Германии, левеллеров — во время английской революции, Бабефа — во время французской»⁶. Вместе с тем, складываясь в горниле небывалого революционного потрясения, через которое проходила Франция в конце XVIII в., бабувизм является историческим продуктом классовой борьбы, развернувшейся в эпоху Великой революции. Общей его предпосылкой служит опыт якобинской диктатуры. Энгельс и Маркс неоднократно подчеркивали наличие связи между бабувизмом и якобинизмом. По Энгельсу, «заговор Бабефа сделал во имя равенства заключительные выводы из идей демократии 93 года, поскольку выводы эти возможны были тогда»⁷. Не следует только понимать при этом якобинскую демократию как формальную демократию, каковой она на самом деле никогда и не была. «Тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация». Свидетельство этому — «декретирование максимума цен, законы против спекулянтов жизненных припасов, боевой клич революционных армий: война дворцам, мир хижинам... и сотни других несомненных

⁴ Там же, стр. 357.

⁵ Там же, стр. 367.

⁶ Там же, стр. 18.

⁷ Там же, т. V, стр. 28.

- Т II . 589

признаков». Якобинцы, создав режим революционного правительства, предельно развили элементы демократии, основанной на подлинном, не бумажном, не формальном господстве народных масс. Но именно этим они создали базу для постановки вопроса о фактическом равенстве как о логическом и «завершающем выводе» из идей якобинской демократии. «Французская революция была социальным движением от начала до конца, и после нее чисто политическая демократия невозможна»¹.

Подобно Энгельсу и Маркс подчеркивает, что «первое появление действительной активной коммунистической партии мы видим в буржуазной революции в тот момент, когда устранена была конституционная монархия...». «Заговор Бабефа», описанный его другом и товарищем по партии Буонаротти, показывает, как эти республиканцы из «движения» почерпнули то убеждение, что с устранением социального вопроса в монархии и республике для пролетариата ни один «социальный вопрос» еще не был решен»².

Энгельс в статье «Прогресс движения за социальную реформу на континенте», помещенной в чартистской газете «New Moral World», проводит также любопытную параллель между Бабефом и Наполеоном. Упадок демократии должен был обнаружить скрытые в ней противоречия: «Либо равенство, т. е. неприкрытый деспотизм, либо истинная свобода, истинное равенство, т. е. коммунизм. Оба являются последствиями французской революции. Первое последствие извлек Наполеон, второе — Бабеф»³.

Таким образом якобинская диктатура является одной из предпосылок бабувизма. Но из этого еще никак не следует, что можно было бы исчерпать вопрос о происхождении бабувизма, связав его по прямой магистрали с классическим робеспьеровским якобинством. Никто другой, как Маркс с исключительной проницательностью вскрыл линию развития бабувизма и выяснил его ближайших и непосредственных предшественников уже в ходе самой революции. «Революционное движение, — писал Маркс в «Святом семействе», — которое началось в 1789 г. в «Социальном кружке», которое в середине пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру и наконец

Морелли.

потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа, — движение это вызвало коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Францию другом Бабефа Буонаротти. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка»⁴.

Как видим, Маркс находит предшественников Бабефа в лагере «бешеных». В каком же смысле можно говорить о «бешеных», о Ру, о Леклерке, как о предшественниках Бабефа? Необходимо сейчас же подчеркнуть, что и идеологи «Социального кружка» и «бешеные» не были ни социалистами, ни тем более коммунистами. Основатель «Социального кружка» де-Бонвиль проповедывал «аграрный закон» и ставил в своей брошюре «О духе религий» вопрос о средстве для подготовки всеобщего передела земли. Жак Ру, вождь «бешеных», и его единомышленники всецело стояли на точке зрения сохранения частной собственности.

Недаром Жак Ру эпиграфом к своей речи, произнесенной им в Конвенте 25 июня 1793 г., взял слова: «Народ, защищая твои права, я презираю смерть; докажи мне свою благодарность уважением к лицам и собственности».

Целью «бешеных» было вместе с тем устранение социального неравенства. «Сво-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 28.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, т. II, стр. 394.

⁴ Там же, т. III, стр. 147.

Бода лишь пустой призрак, — говорил Жак Ру в той же речи, — когда один класс людей может безнаказанно заставлять другой голодать. Равенство лишь пустой призрак, когда благодаря монополии богатые имеют право жизни и смерти над своими ближними...» Достижение этой цели «бешеные» мыслят себе в формах последовательно проведенного эгалитаризма. Жак Ру выдвигает проект изгнания «богатых» из армии, Леклерк проектирует национализировать торговлю и т. д. Можно сказать, что «бешеные» вплотную продвинулись к демаркационной линии, отделяющей эгалитаризм от коммунизма. Именно поэтому и родословную Бабефа мы должны выводить не из половинчатого эгалитаризма якобинцев, а из гораздо более последовательного, более радикального эгалитаризма «бешеных». И это обстоятельство имеет свои совершенно определенные классовые предпосылки. Движение «бешеных» уходило своими корнями в тот слой, который, говоря словами Энгельса, был в эпоху революции «более или менее развитым предшественником современного пролетариата». Перерастание эгалитарной идеологии «бешеных» и отчасти эбертистов в бабувизм соответствует таким образом в общем смысле внутреннему развитию, проделанному рабочим классом в эпоху революции. Оно является выражением роста его классового самосознания в связи с общим ходом и конечными результатами буржуазной революции.

Политическая биография Бабефа может быть надлежащим образом оценена только в свете приведенных указаний Маркса и Энгельса. Так же как «бешеные», Бабеф начинал с последовательного эгалитаризма, облеченного в форму проповеди «аграрного закона». Так же как «бешеные», он отстаивал позиции формальной демократии. Это обусловило в частности и его отрицательное отношение к Робеспьеру и ко всему режиму якобинской диктатуры. Дальнейшее развитие политического мировоззрения Бабефа привело к разрыву и с эгалитаризмом и с формальной демократией. Бабувизм сочетал идеи уравнительного коммунизма (и здесь на помощь Бабефу пришли и Морелли и Мабли) и революционной диктатуры. Но идея диктатуры у Бабефа также подверглась внутреннему видоизменению. В толковании Бабефа она стала идеей диктатуры трудящихся, стала прообразом учения Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата.

Таковы исторические истоки бабувизма.

Определив их, мы этим самым определили и его историческое значение. Идея бабувизма выходила, говоря словами Маркса, «за пределы идей» всего старого мирового порядка, она была идеей нового мирового порядка или, иначе говоря, идеей коммунизма.

Вместе с тем нужно сейчас же оговориться насчет того, в каком смысле Маркс и Энгельс говорили о коммунизме применительно к бабувистской идеологии.

3

И Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали слабые, реакционные стороны бабувизма. Еще в 1842 г. Энгельс, говоря о Бабефе и Буонаротти, указывал на то, что «коммунистический замысел не удался потому, что тогдашний коммунизм был еще слишком сырой и поверхностный...»¹.

«Бабувисты, — пишет Маркс в «Святом семействе», — были грубыми материалистами...»² Их коммунизм противопоставляется «развитому коммунизму», ведущему свое происхождение от французского материализма.

Не менее определенно звучит отзыв, данный в «Коммунистическом манифесте». «Первые попытки пролетариата, — читаем мы там, — доставить непосредственное торжество своим классовым интересам, во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазных эпох. Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность». Под литературой этой авторы «Манифеста» прямо подразумевают: «сочинения Бабефа и т. д.»³.

Совершенно очевидно также, что Энгельс в «Анти-Дюринге» имеет в виду бабувизм, говоря об «аскетически-суровом, спартанском коммунизме, осуждавшем всякое наслаждение»⁴.

Обращаясь к разбору отдельных сторон

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. II, стр. 394.

² Там же, т. III, стр. 160.

³ Там же, т. V, стр. 509.

⁴ Там же, т. XIV, стр. 18.

учения Бабефа, мы имеем возможность убедиться в полной обоснованности подобной идеи бабувизма. Формулируя в № 35 «Народного трибуна» основные пункты своей программы, Бабеф, как известно, требует объявления земли общим достоянием, запрещения присвоения земли отдельной личностью в размерах, превышающих площадь, необходимую для ее пропитания, отмены права наследования, уравнивания в зарплатке работников физического и умственного труда, равенства в воспитании и образовании и отмены частной собственности.

Остановимся подробнее на последнем пункте. Он несомненно является наиболее важным, и читатель не посетует на нас за несколько пространную цитату.

Прежде всего Бабеф устанавливает необходимость «изменить социальные учреждения» в таком смысле, чтобы отнять у всякого отдельного лица надежду сделаться когда-либо более богатым, могущественным или образованным, чем кто-либо из его равных. Из этого следует, что необходимо определить судьбу каждого из членов общества, обеспечить каждому человеку и его потомству, как бы многочисленно оно ни было, достаток, но не более, чем достаток, закрыть всем людям всякие пути к получению личной доли, превышающей среднюю.

Единственным средством к достижению этой цели является установление общей администрации. Необходимо отменить частную собственность, прочно привязать каждого человека в зависимости от его способностей к ремеслу, которое он знает, обязать всех сдавать продукты в натуре в общественные магазины и установить администрацию продовольствия, которая будет вести точный учет всех людей и всех предметов и распределять последние на началах самой тщательной равномерности, доставляя их каждому на дом.

В этих строках необходимо подчеркнуть следующее: как мы видим, Бабеф требует упразднения всей частной собственности, идя в этом требовании гораздо дальше своих предшественников; однако вместе с тем отмена частной собственности является для него лишь средством к установлению чисто уравнивательной системы. Идея уравниательства красной нитью проходит через все построения Бабефа. Каждый член общества обеспечивается известным достатком, но достаток этот строго ограничен. Все виды труда, все профессии должны быть строго уравнены в их зарплатах.

No. 37.

Tribun du Peuple,

LE DÉFENSEUR

DES

DROITS DE L'HOMME;

En continuation du Journal de la Liberté
de la Presse.

Par GRACHUS BABEUF.

Le but de la société est le bonheur commun. Droits de l'Homme, art. 1er.

Du 22 Vendémiaire, l'an 3 de la République.

Séduction effrayante de la liberté. — C'est terrible et de descevoir contre toutes les oppressions, ou Lettre d'Albertine Morat, sœur de P. Ami du Peuple, à Barron. Qu'est-ce si ce député et Tallien sont vraiment les amis de la liberté? — S'ils ne le sont pas, quels amis restent au peuple dans la Convention?

Damier de Morat s'exprime par la voie de sa sœur pour tonner contre les usurpateurs de la liberté et de la souveraineté du peuple.

Souveraineté en miniature de Barron. Le peuple en masse et lui dispute.

Proscription du Tribun du Peuple et du Président du Club électoral, prédictions dangereuses des Droits de l'Homme.

Conférence du député Guffroy, imprimeur du Journal du Tribun du Peuple.

„Народный трибун“, газета, издававшаяся Бабефом

Чрезвычайно характерно уравнивание в оплате физического и умственного труда, на котором настаивает Бабеф. Различия в ценности и почетности отдельных видов труда установлены, по мнению Бабефа, «имущественным классом». С этой уравнивательской тенденцией согласуется и выставлявшееся бабувистами требование упразднения крупных городов. В своем «Ответе гражданину М. В.» Бабеф набрасывает картину счастливой республики «равных». В этой республике города, «эти скопища всех пороков», исчезнут и «вся Франция покроется сетью счастливых деревень». При этом ремесла, размещенные мудростью руководящих учреждений там, где они смогут принести наибольшую пользу, приблизятся к земледельцам.

В республике Бабефа труд должен сле-

латься общепольным и приятным занятием. «Короткий по времени ежедневный труд обеспечит каждому легкую и беззаботную жизнь». Но вместе с тем большая эффективность труда мыслится исключительно как результат чисто количественного его перераспределения, вне связи с общим подъемом производительных сил в коммунистическом обществе. Задуманное Бабефом растворение индустриальных и торговых центров в море процветающих деревень ни в коем случае нельзя сблизить с марксистским учением об уничтожении противоположности между городом и деревней. Ведь город для Бабефа это прежде всего скопище всяких пороков, которому деревня противопоставляется как почти идиллическое место процветания гражданских и семейных добродетелей.

Аскетическая уравнивательность бабувизма сказывается также и в отношении бабувистов к культуре, к науке и искусству. Составленный Сильвенем Марешалем проект «Манифеста равных» включал, как известно, пункт, угрожавший гибелью искусстваам. «Для достижения равенства,—говорилось в «Манифесте»,—мы готовы снести все до основания... Пусть погибнут, если нужно, все искусства, лишь бы у нас осталось настоящее равенство». Правда, «Манифест» был отвергнут руководящим центром заговора «равных», и одним из мотивов подобного решения был процитированный нами пункт о гибели «искусств». Однако вряд ли Бабеф сам был до конца свободен от того противопоставления равенства и культуры, которое занимало Марешала. Полемицируя с «гражданином М. В.», Бабеф указывает на то, что «при нашем эгалитарном устройстве искусство получит новые импульсы ввиду полезности для всего общества и примет возвышенный отпечаток великих чувств, естественно порождаемых широким содружеством счастливых людей».

Вместе с тем он оговаривается, что народной массе чуждо искусство и, если искусство погибнет, масса будет совершенно равнодушна.

Идеи уравниательства, как известно, не имеют ничего общего с марксизмом. «Прочтите,—говорит г. Сталин в беседе с немецким журналистом Людвигом,—как Маркс критиковал Штирнера за его тенденции к уравниловке, прочтите марксову критику Готской программы 1875 г., прочтите последующие труды Маркса, Энгельса, Ленина, и вы увидите, с какой резкостью они нападают на уравниловку. Уравниловка имеет

своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом. Только люди, не знакомые с марксизмом, могут представить себе дело так примитивно, будто русские большевики хотят собрать воедино все блага и затем разделить их поровну. Так представляют себе дело люди, не имеющие ничего общего с марксизмом. Так представляли себе коммунизм люди вроде «коммунистов» времен Кромвеля и Французской революции».

Примитивность бабефовского коммунизма проявляется и в ряде других характерных его особенностей. Бабувизм не знаком с природой общественных классов, он не идет дальше простого противопоставления богатых и бедных. Правда, бедноту он мыслит как класс живущих на наемную плату, но от этого еще достаточно далеко до понимания места пролетариата в капиталистическом обществе и его исторической миссии. Поэтому-то и будущую диктатуру, призванную расчистить дорогу коммунистическому преобразованию общества, бабувисты мыслят себе в расплывчатых очертаниях «диктатуры трудящихся».

Наконец мы видели, что в конкретном плане «экономической реконструкции», разработанном Бабефом, доминирующее место заняло сельское хозяйство, что исходной его точкой стала идея «объявления земли общим достоянием». Ленин, полемицируя в 1902 г. с эсеровской программой-минимум и обращая особенное внимание на соединение в этой программе требования социализации земли с требованием «развития в крестьянстве всевозможных видов... экономических коопераций», писал: «Поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум с одной стороны—Бабеф, с другой—г. Левитский»¹. Таким образом Ленин также подчеркивает связь, существующую между бабувизмом и идеей социализации земли.

Из этого конечно не следует, что мы должны сводить весь коммунизм Бабефа к коммунизму аграрному. Предполагая полное упразднение частной собственности, Бабеф тем самым включал сюда и с о б с г

¹ Н. В. Лезигский, народник, известный пропагандист и организатор земледельческих артелей. Ленин, Соч., т. V, стр. 159, изд. 2-е.

венность на орудия и средства производства. В проекте декрета об общественных работах прямо говорится о машинах (machines), которые будут находиться в заведывании властей национальной коммуны. Мы знаем также, что предполагаемое упразднение городов отнюдь не должно было повлечь за собой какой-либо технической деградации. Администрация коммуны должна была следить за применением машин и «всяких изобретений, способных уменьшить тяжесть человеческого труда».

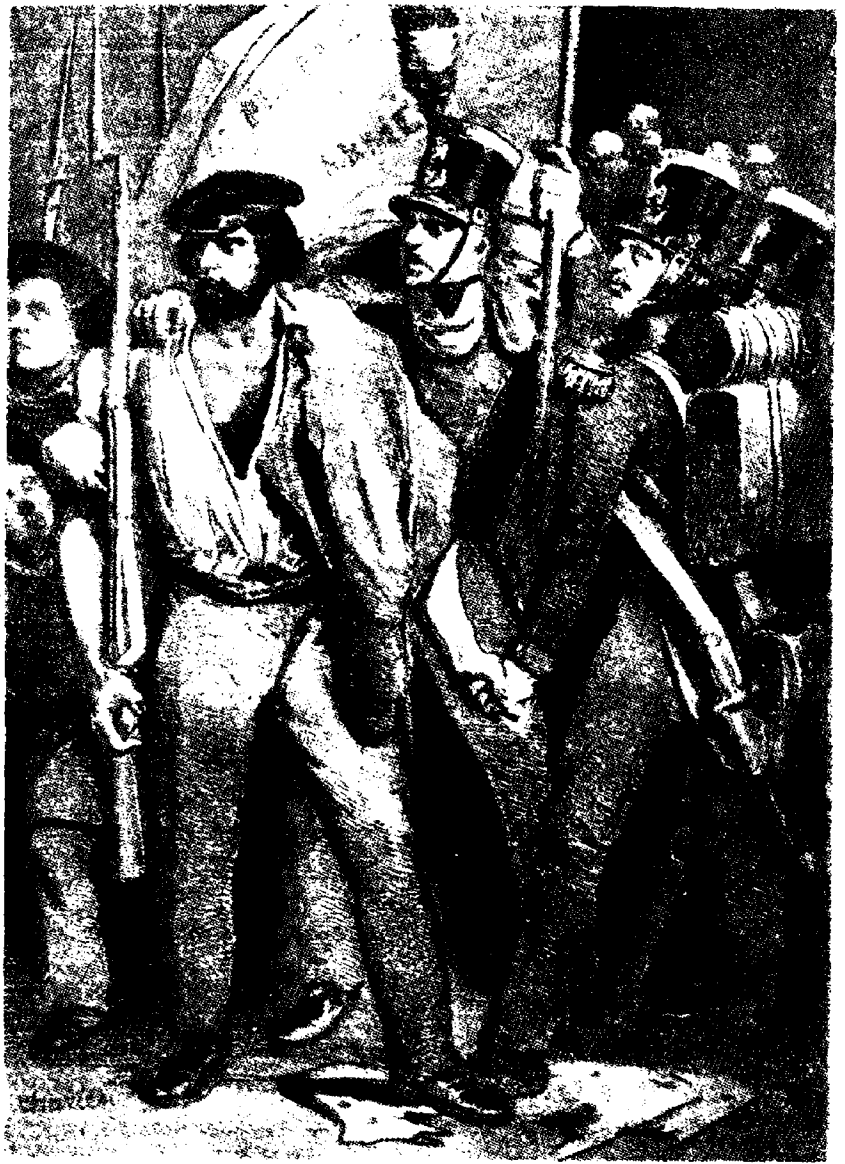
То, что в программе бабувистов вопросы, связанные с промышленным производством, оказались недостаточно оттененными, имеет совершенно определенные исторические предпосылки: это те же предпосылки, которые обуславливают уравнительность и примитивность бабефского коммунизма в его целом. Заключаются они прежде всего в уровне экономического развития, в уровне зрелости французского рабочего класса, идеологами которого выступили Бабеф и его единомышленники. Мы видели, что Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали пролетарскую классовую сущность бабувизма, но тот же Энгельс указывает на то, что в эпоху Французской революции мы сталкиваемся не с пролетариатом в современном смысле этого слова, а лишь с «более или менее развитым его предшественником (!)»¹.

В письме к Каутскому, написанном в мае 1895 г., Энгельс говорит об элементах, образующих «самый низший, бесправный слой населения всякого средневекового города, стоящий вне земельной общины, феодальной зависимости, цеховых связей...» — Из этих элементов «развивается предпролетариат, который в 1879 году в парижских предместьях произвел революцию»².

Именно эта незрелость пролетариата и делала доступным проникновение в его среду психологии уравниловки, психологии примитивного крестьянского «коммунизма», о котором говорит т. Сталин. Именно ею

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 18.

² Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, изд. 1926 г., стр. 8.

С гравюры Шерле 1831 г.

„К оружию, граждане! Формируйте свои батальоны!“

объясняются своеобразные черты бабувизма, имевшего и свои сильные и свои слабые стороны. Степень же зрелости пролетариата определялась общим уровнем капиталистического развития Франции, как он сложился еще накануне и в эпоху революции.

Французский капитализм переживал в это время расцвет мануфактурной стадии. Франция XVIII в. — это страна централизованной мануфактуры. Что касается до рабочего класса эпохи Великой французской революции, то он всецело принадлежал к мануфактурной стадии капитализма. Ему еще только предстояло превращение в современный пролетариат.

Для своего времени бабувизм являлся несомненно передовой идеологией передового класса. Однако самый уровень развития французского пролетариата и общее соотношение классовых сил исключали возможность установления той революционной дик-

татуры, которая, по мысли Бабефа, должна была явиться необходимым инструментом задуманного общественного преобразования. Именно поэтому Энгельс считает «безумной» попытку Бабефа прямо перескочить от Директории к коммунизму¹.

Прогрессивное, революционное значение бабувизма сохранял еще в 30-х годах, когда книга Буонаротти «Заговор равных» бросила в самую гущу западно-европейского пролетариата семена учения «равных». Громадным плюсом бабувизма по сравнению с системами утопического социализма были его революционная непримиримость по отношению к существующему порядку вещей, его ориентация на революционное свержение власти буржуазии.

Но с 40-х годов, с момента выступления марксизма на мировую арену, все системы домарксовского коммунизма, в том числе и бабувизм, утратили былое прогрессивное значение. На своем победоносном пути марксизм должен был пройти полосу борьбы против всех разновидностей утопического, уравнилельного социализма, в том числе и против бабувизма, представленного эпитогами Бабефа и Буонаротти.

Это не мешает мировому пролетариату и строящему социализму пролетариату Советского союза считать Гракха Бабефа одним из славных своих предшественников.

4

Буржуазная историография во всех ее оттенках постоянно извращала историю заговора «равных», замалчивала его историческое значение, старалась выхолостить из бабувизма заключенный в нем зародыш «идеи нового мирового порядка».

Особенно характерной в этом отношении является позиция Альберта Матьеза, превратившегося на закате своей научной деятельности в заклятого врага марксизма и коммунизма.

На протяжении ряда работ Матьез стремится к развенчанию Бабефа, ко всяческому умалению его исторической роли. Он не останавливается при этом перед прямыми инсинуациями, перед прямым подтасовыванием фактов. По мнению Матьеза, «коммунизм в доктрине и даже в деятельности Бабефа является искусственным наростом, никак не связанным с ближайшими его целями»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 377.

² А. Mathiez, Girondins et Montagnards, стр. 112, 113, Примечание.

«Бабеф,—пишет Матьез в другом месте,— был в основном орудием амнистированных террористов. Коммунизм является для него чем-то совершенно второстепенным, мало связанным с настоящей его политикой»³. Самый коммунизм Бабефа, по Матьезу, сводится к робеспьеристскому эгалитаризму, и в частности к знаменитым вантозовским декретам. Не видя никакой разницы между эгалитаризмом и коммунизмом («сделать всех собственниками благодаря конфискации—это равносильно коммунистическому решению вопроса»,⁴ — пишет он), Матьез впадает в непримиримое с самим собой противоречие, отказываясь признать заговор «равных» коммунистическим именно потому, что заговорщики «не собирались выходить за рамки, намеченные робеспьеристами накануне Термидора»⁵.

Проблему социальной базы заговорщиков Матьез пытается разрешить, опираясь на такой односторонний источник, как список подписчиков «Народного трибуна». Не краснея, Матьез утверждает, что за Бабефом или «крупные собственники», зажиточные буржуа, не имевшие никакого намерения делить свое имущество»⁶.

Характеризуя в другой своей работе политическую деятельность Бабефа в течение первых месяцев термидорианской реакции, Матьез всячески стремится к тому, чтобы изобразить его простофилей, безвольным орудием в руках термидорианских дельцов. Матьез, как мы говорили, не останавливается перед прямым искажением фактов. Так, он утверждает, что Бабеф осенью 1794 г. вышел из тюрьмы благодаря термидорианцам⁷ (на самом деле он в это время очевидно вообще не подвергался аресту). Так же вымышленно обвинение Матьезом Бабефа в том, что он примыкал к золотой молодежи⁸. Никаких доказательств Матьез не приводит, да и не может привести, потому что их вообще не существует. Столь же «солидно» обставлено обвинение Бабефа в том, что он брал деньги у термидорианцев. Все эти утверждения—сплошной реакционный вымысел буржуазного историка.

В нашей литературе, в частности в ста-

³ А. Mathiez, Le Directoire («Revue des cours et conférences» № 13, 1929 г., стр. 453).

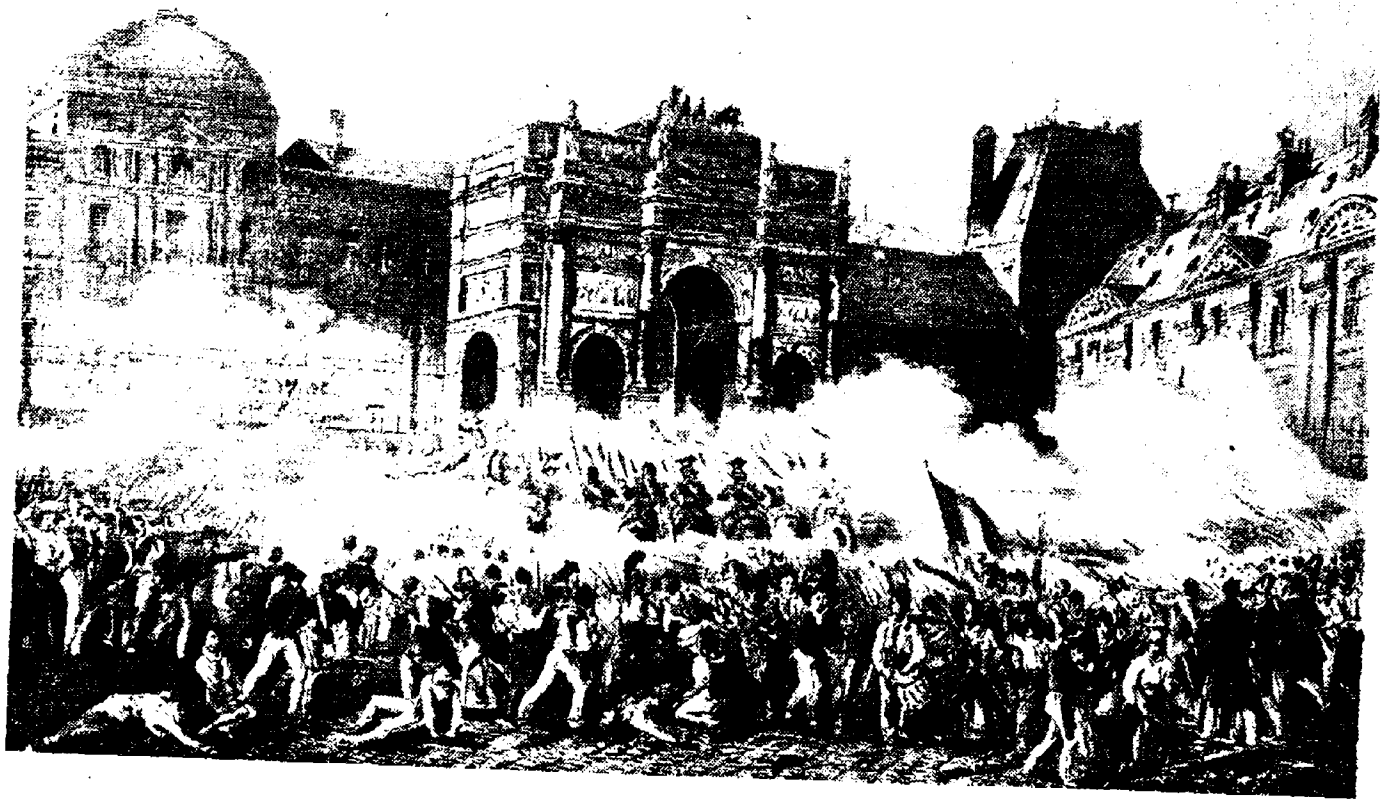
⁴ А. Mathiez, Girondins et Montagnards, там же.

⁵ А. Mathiez, Le Directoire («Revue des cours et conférences» № 15, стр. 616).

⁶ Там же, № 14, стр. 563.

⁷ А. Mathiez, La réaction thermidorienne, стр. 71.

⁸ Там же, стр. 89.

Взятие Тюльери 29 июля 1830 г.

тье т. Лукина¹, уже отмечалось, что анти-марксистская оценка деятельности Бабефа явилась заметным этапом в том повороте вправо, который Матьез переживал в последние годы своей жизни. И это далеко не случайно. Как и для многих других буржуазных историков, для Матьеза вопрос отношения к Бабефу оказался той лакмусовой бумажкой, через которую проявилась его буржуазная сущность. В конце концов все построения Матьеза отнюдь нельзя считать сколько-нибудь оригинальными. Он только повторяет и обобщает то, что до него писали другие историки, начиная от Флери и кончая Сиу и Эспинасом. Начав свою научную биографию яростной апологией Робеспьера, Матьез заканчивает ее как апологет правительства Директории. Своих симпатий к директорианскому режиму, по крайней мере поскольку речь идет о Директории и Бабефе, Матьез не скрывает.

Позднейшие высказывания Матьеза о Бабефе и бабувизме очень близки тому, что писал в свое время по тому же поводу Тарле. К истории заговора «равных» Тарле обращался дважды: в особой статье «Дело Бабефа», помещенной в его сборнике «Очерки

и характеристики», а затем и во 2-й части своей диссертации «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». Уже в «Деле Бабефа», хотя очерк этот замыкается в рамках политической биографии, мы находим нотки, удивительно напоминающие процитированные выше пассажи из Матьеза. «Историческое значение Бабефа, — пишет Тарле, — заключается вовсе не в теоретическом новаторстве, как хотят думать некоторые его биографы, а только исключительно в политической роли, которую ему пришлось сыграть... незачем, стало быть, силиться ставить его на пьедестал оригинального мыслителя и приписывать ему создание того, в чем он вовсе не повинен, т. е. создание самостоятельной реформаторской теории»².

Идеи Бабефа для Тарле — это перепевы Руссо, Морелли и Мабли. Отказывая бабувизму в какой-либо теоретической значимости, Тарле трактует и самый заговор как чисто политический акт, как последнюю попытку борьбы «против окончания революции». Проблема классовой базы бабувизма здесь и не ставится, а о высказываниях

¹ «Историк-марксист» № 3(25), стр. 82.

² Е. В. Тарле. Очерки и характеристики, стр. 194.

Маркса и Энгельса, хотя бы в объеме «Анти-Дюринга», автор и не упоминает.

В «Рабочем классе» указанная концепция получила дальнейшее развитие и углубление¹. Заговор «равных» трактуется у Тарле в полном отрыве от истории рабочего класса. «Фактическое участие рабочего элемента в заговоре, — утверждает Тарле, — было весьма ничтожно, если вообще можно о таком участии говорить»². «Рабочая масса», по Тарле, относилась к заговору совершенно равнодушно. После ареста Бабефа и его друзей «рабочие предместья спокойны, большая часть рабочих занята своим делом»³.

Что же представляет собой в таком случае заговор «равных»? Каковы были его социальные корни? Этот вопрос у Тарле даже и не ставится. Во всяком случае, по Тарле, социально заговорщики бесконечно далеки от рабочего класса. Главную ставку они делают, по мнению Тарле, не на пролетариат, а на солдат, на армию. «Что он рассчитывал, главным образом, на солдат и правда, лишь отчасти на рабочих... это может считаться фактом совершенно точным»⁴. В конечном счете перед нами, в интерпретации Тарле, интеллигентская группка с ориентацией на армию. В агитационной работе этой группки коммунистические мотивы отсутствуют начисто. «Сделать уничтожение частной собственности центральным пунктом пропаганды Бабеф не решился ни в казармах, ни в рабочих предместьях»⁵.

На этом последнем обстоятельстве Тарле настаивает в самой категорической форме. В прокламациях бабувистов «нигде ни слова о собственности, и всюду только речь о восстановлении «истинного» народного представительства, о замене Директории... другим правительством...»⁶. Излагая содержание известной прокламации «Анализ доктрины Бабефа, народного трибуна», Тарле отмечает как вывод из своего изложения: «1) совершенную определенность непосредственной политической программы... и 2) неясность программы социальной... Это во всяком случае не есть требование отказа от права собственности, ибо всюду в прокламации виден протест лишь против «ис-

ключительного» присвоения богатыми «всех средств»⁷.

Таким образом Тарле во многом предвосхитил выводы, к которым пришел позднее Матъез. По словам т. Зайделя, «там, где Тарле касается Бабефа, мы имеем поразительное недомыслие, полное извращение идей Бабефа»⁸. Чего стоит хотя бы раздумье Тарле по поводу упомянутого «анализа доктрины Бабефа»! Социальную сторону этой прокламации он считает решительно неясной. Но разве не ясен пункт 4-й, гласящий об общности труда и потребления, разве не ясен пункт 10-й, провозглашающий целью революции уничтожение неравенства и восстановление всеобщего счастья? И наконец разве не сказано в пункте 6-м, что «никто не может, не совершая преступления, присвоить исключительно себе произведения земли и промышленности», а в комментариях к нему, — «собственность является общественным бедствием».

При всей безапелляционности утверждений Тарле приходится констатировать, что построены они на песке. Тарле не дал сколько-нибудь объективной истории заговора «равных». Работая в архивах, изучая подлинные документы, он не мог не знать о политических битвах французского рабочего класса, о клубе пантеоновцев, о революционной традиции, связывавшей бабувистов со всем прошлым развитием пролетариата и его борьбы. Он не мог не знать, что заговор был плотью от плоти рабочего класса, что заговорщики свою главную ставку ставили на пролетариат и что щупальцы их подпольной организации проникали в самые глухие закоулки рабочих предместий Парижа. Знакомясь с агитационной литературой бабувистов, Тарле не мог не знать, что эгалитарный коммунизм был подлинным его теоретическим стержнем, что памфлеты и прокламации бабувистов бесконечно варьировали коммунистические лозунги равенства, общности имущества, революционного упразднения частной собственности. Он не мог не знать этого, но он предпочел сочинить историю Бабефа, предпочел превратить свою работу в кривое зеркало исторической действительности только для того, чтобы не нарушить общей своей схемы, чтобы не испортить измышленной, набросанной им общей картины политического ничтожества рабочего класса

¹ Ср. Г. Зайдель и М. Цвибак. Классовый враг на историческом фронте, стр. 16.

² Е. В. Тарле, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т. II, стр. 524.

³ Там же, стр. 525.

⁴ Там же, стр. 506.

⁵ Там же, стр. 507.

⁶ Там же, стр. 520.

⁷ Е. В. Тарле, Рабочий класс, ч. 2-я, стр. 522.

⁸ «Классовый враг на историческом фронте», стр. 29.

На баррикадах Парижа 29 июля 1830 г.

Франции в эпоху Великой революции.

История Бабефа и бабувизма была ополчена не у одних только профессиональных историков буржуазии. «Марксисты» II интернационала своими духовными отцами считали Луи Блана и Прудона. Неприемлемыми для них оказывались не реакционные черты, не уравнительство бабувистов, а как раз то, что так выгодно отличало бабувизм от мелкобуржуазного утопического социализма — его учение о восстании и революционной диктатуре.

Еще в своих «Предпосылках социализма» Эдуард Бернштейн, вдохновитель правого открыто оппортунистического крыла II интернационала, упрекал Маркса и Энгельса в их идейной близости к бабувизму. «На почве следования заветам гегелевской диалектики Маркс и Энгельс, несмотря на свою более глубокую философскую выучку, пришли к тем же политическим выводам, что и

бабувистские конспираторы»¹. В 1848 г. «у них все еще в сущности господствует бланкистский, т. е. бабувистский, дух». Для обоснования подобной «концепции» Бернштейн не останавливается перед прямым подлогом. Мы видели, что в «Коммунистическом манифесте» авторы его дали критическую оценку бабувизма, подчеркнув лежащую на нем печать уравнительности. Бернштейн же, не моргнув глазом, утверждает: «В «Коммунистическом манифесте» из всей социалистической литературы одни лишь писания Бабефа остаются без критики: о них говорится только, что они в Великой революции «выражали требования пролетариата» — утверждение, во всяком случае противоречащее эпохе»².

Таким образом Бернштейн, отрицая вместе с буржуазными историками классовый, пролетарский характер бабувизма, отождествляет вместе с тем марксизм с бланкизмом и бабувизмом. В результате Берн-

¹ Ed. Bernstein, Die Voraussetzungen des Socialismus, 1899, S. 28.

² Там же, стр. 29.

штейн. карикатурно изображая марксизм, дает не менее искаженное представление и о бабувизме.

Если Бабеф, с одной стороны, трактуется Бернштейном как вульгарный заговорщик, то, с другой стороны, тот же Бернштейн не прочь причесать его под либерала и буржуазного демократа. Для Бернштейна «нет ни одной либеральной мысли, которая не входила бы также и в идейное содержание социализма». И вот для того, чтобы доказать совместимость либерализма и социализма, Бернштейн ссылается на конституцию 1793 г. и на... Бабефа. «Конституция 1793 г. была последовательным выражением либеральных идей эпохи, и как мало она является помехой социализму, показывает беглый взгляд на ее содержание. Сам Бабеф и «равные» видели в ней отличный исходный пункт для осуществления своих коммунистических стремлений и выставили восстановление конституции 1793 г. во главе своих требований»¹.

И в данном случае Бернштейн вновь выступает перед нами как фальсификатор истории движения «равных». Если бабувисты и выдвигали лозунг конституции 1793 г., то делали они это из тактических соображений. Организуя широкое народное движение против режима Директории, стремясь обеспечить рабочему классу поддержку мелкой буржуазии и армии, ведя переговоры с якобинцами, бабувисты не могли миновать лозунга конституции 1793 г., сыгравшей роль политической платформы в жерминальском и пририальском восстаниях. Но режим, который собирались установить «равные» на другой день после захвата, мог быть только режимом революционной диктатуры. Достаточным свидетельством тому служит хотя бы приводимый у Буонаротти отрывок полицейского декрета².

Карл Каутский, идеолог современного социал-фашизма, еще в 1899 г. в своей книге «Бернштейн и социал-демократическая программа» дал чисто формальную критику бернштейнианства и по важнейшим узловым вопросам, как например по вопросу о диктатуре пролетариата, фактически калитулировал перед ревизионистами. Немудрено, что Каутский не смог критически подойти к оценке Бернштейном бабувизма. По Каутскому, главная ошибка Бернштейна сводится к тому, что он не сумел отделить политической стороны конститу-

ции 1793 г. от экономической. С точки зрения экономической Бабеф не мог считать конституцию 1793 г. подходящим исходным пунктом для своего эксперимента. Этому препятствовала провозглашенная конституцией неприкосновенность частной собственности. Почему же Бабеф и «равные» выдвигали лозунг конституции 1793 г.? «Потому, что она содержала в себе не только признание принципа частной собственности, но также и демократическую организацию государства... и прежде всего всеобщее, равное и прямое избирательное право»³. В этом стремлении превратить Бабефа в сторонника формальной, буржуазной демократии Каутский полностью объединяется с Бернштейном.

И Бернштейну и Каутскому в равной степени органически недоступно энгельсовское понимание якобинской демократии, бывшей чем-то совершенно иным, «чем простая политическая организация». Им невдомек, что лозунг конституции 1793 г. для «равных» имел реальное значение лишь поскольку с ним в народных массах связывалось представление о режиме якобинской диктатуры, о той материальной, не бумажной, не формальной демократии, которая кратковременно осуществилась в дни господства Горы. Если для Энгельса коммунизм был выводом из «материальной» демократии 1793 г., то для Бернштейна и Каутского бабувисты превращаются в сторонников формальной, буржуазной демократии, и для Каутского в частности весь смысл движения «равных» в политическом его аспекте сводится к борьбе за всеобщее избирательное право.

В момент завершения процесса фашизации германской социал-демократии Каутский в своем «труде» о «Войне и демократии» вновь вернулся к темам, связанным с Бабефом. Каутский отождествляет бабувизм с большевизмом. «Все это очень напоминает,— пишет Каутский,— большевизм наших дней, их государственную монополию торговли, которой требовали и «равные»⁴. Ставя знак равенства между большевизмом и уравнильским коммунизмом «равных», Каутский клеветает на большевиков, так же как клеветал в свое время на Маркса и Энгельса Бернштейн. Но попутно он клеветает и на бабувистов, подчеркивая якобы исключительно «аграрный» характер их идеалов и отрицая их ориентацию на рабочий класс.

³ К. Kaytsky, Bernstein und das social demokratische Programm, S. 174.

⁴ Цит. по Лукину, «Историк-марксист» № 2 (30).

¹ E. d. Bernstein, Указ. соч., стр. 130.

² Подробности см. в моей работе «Гракх Бабеф», стр. 119—120.

на пролетариат. Так же как и для цеховых историков буржуазии, для контрреволюционера и социал-фашиста Каутского бабувизм оказывается связанным в первую очередь с мелкими собственниками, бедными торговцами, ремесленниками и т. д.

И Бернштейн и Каутский в своем понимании исторического значения бабувизма с самого начала стояли на чисто буржуазных позициях. Указания Маркса и Энгельса остались для них книгой за семью печатями.

Они извратили и опошлили подлинную историю «равных». Современным социал-фашистам, грязным прислужникам буржуазии, лакеям гитлеровской диктатуры глубоко чужды, глубоко враждебны героические фигуры революционных предшественников марксизма. Понятно, что социал-фашистская историография отбрасывает Бабефа и спешит увенчать лаврами Дантона¹, прожигателя жизни, оппортуниста, взяточника, политического представителя контрреволюционной буржуазии, вождя новых богачей.

Извращению и опошлению истории бабувизма у буржуазных историков мы должны противопоставить марксову схему.

¹ См. книгу социал-фашиста Венделя о Дантоне.

Мы должны прежде всего всегда иметь в виду, что Бабеф выступал идеологом и представителем рабочего класса и что бабувизм в основном был по своей классовой сущности пролетарской идеологией того времени. Мы должны уяснить себе качественное отличие бабувизма от эгалитаризма, в том числе и от эгалитаризма робеспьеристского, якобинского толка. Мы должны помнить о «Социальном кружке» и о «бешеных» как об исторических предшественниках Бабефа. В бабувизме наконец должны мы вскрыть «идею нового мирового порядка», идею коммунизма, проводя вместе с тем резкую грань между уравнительным коммунизмом бабувистов и научным коммунизмом Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. В свете этих указаний становится совершенно очевидным, что и в марксистской исторической литературе, посвященной Бабефу, в том числе и в работах автора этих строк, содержится ряд ошибочных положений, разбор которых не входит однако в тему данной статьи.

Преодоление этих ошибок в свою очередь возможно лишь при условии углубленного изучения высказываний классиков марксизма о Бабефе и бабувизме.

CONSPIRATION

DE LA

DE BABEUF

Par Ph. Buonarroti.

Les principes de la république
ou plutôt des républiques
peuvent être enseignés
par un ouvrage qui les expose
dans leur état actuel.

TOME PREMIER.

BRUXELLES,

A LA LIBRAIRIE ROMANTIQUE.

101, rue de la Harpe, au 170.

ЛАВУАЗЬЕ—

АНТИКЛЕРИКАЛ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Обстоятельства казни великого химика Лавуазье в числе 28 генеральных откупщиков во время Великой французской революции почти совершенно не освещены в литературе, имеющейся на русском языке. Кое-где встречаются отдельные упоминания, да и те являются лишь повторением слухов, пущенных людьми вроде аббата Грегуара, о котором его противники говорили, что в нем «революционер рычал от встречи в нем самом с клерикалом».

Уяснение этого вопроса чрезвычайно интересно, ибо буржуазия, пытающаяся представить революцию как дело «варварства и невежества», использует для этой цели и казнь Лавуазье, соответствующим образом освещая это событие.

Описывая все жертвы Великой французской революции, убитые или погибшие на эшафоте, буржуазия, естественно, вынуждена производить «социальный» отбор, иначе ей пришлось бы объявить свое родство с ненавистными ей революционерами. Но, производя этот социальный отбор, буржуазия пытается зачислить в стан реакции такую крупную личность, как Лавуазье, тем более, что последний по своему положению был богачом. Реакция орет во все горло: «Лавуазье—наш, ваши предки не только казнили его, но и отказались даже отсрочить ему казнь, когда он попросил дать ему время закончить важнейший опыт. Вам, черни, как и Первой республике, ученые не нужны».

И в то время как реакционный лагерь дружно проповедует эту, с позволения сказать, «истину», лагерь социалистической и передовой мысли или некритически повторяет эти утверждения или же возсе обходит молчанием этот неприятный вопрос. Возьмем Блосса. Вот что пишет последний: «8 мая казнены 28 глазных откупщиков и между ними знаменитый химик Лавуазье. Когда он попросил отсрочить казнь на 4 недели, чтобы закончить одно важное иссле-

дование, президент трибунала Коффиналь ответил: «Мы не нуждаемся в ученых» (В. Блосс, «Французская революция», стр. 237, изд. 1906 г.). Почти то же пишет Луи Блан.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона безапелляционно заявляет: «Ни петиция от совещательного бюро, ни всем известные заслуги Лавуазье перед родиной, ни научная слава не спасли Лавуазье от смерти» (стр. 865, статья «Лавуазье»). У Граната мы не находим ничего. Берем Малую советскую энциклопедию. То же молчание. Да это и немудрено. В качестве источника для дальнейшего чтения указана брошюра Назарова А. В. «Лавуазье» (Гиз, Биографическая библиотека), а у Назарова на стр. 42 мы читаем: «Первые вспышки революции произвели, видимо, на Лавуазье не особенно приятное впечатление и у него сразу пропал интерес к общественной деятельности» и далее: «Едва ли можно сомневаться в том, что все симпатии Лавуазье были на стороне старого строя, в котором он со своим практическим умом конечно видел недостатки, но которому он в то же время был многим обязан. Две революции—политическая и революция в области химических воззрений—несколько разошлись во времени». Выходит, что Лавуазье—революционер в химии—политически реакционер, «все симпатии которого на стороне старого строя».

Несколько иначе освещает вопрос Матьез в своей книге «Как побеждала революция». Последний пишет: «Необдуманные слова — «республике не нужны ученые», — которые приписывают одному из судей великого химика (по мнению одних их произнес Коффиналь, по мнению других — Дюма), вероятно не были произнесены. Конечно ни Коффиналь, ни Дюма не принадлежали к числу избранных умов, но все революционеры, даже самые скромные, питали уважение к науке, больше того, осуществляли культ науки» (стр. 65).

Но и Матьез в своем стремлении обелить все деяния Робеспьера в сущности отмахивается от вопроса и косвенно поддерживает версию о реакционности Лавуазье. В той же книжке он пишет: «Не все ученые последовали за революцией в ее стремительном беге. Были такие, которые остановились на полпути и которых она сломала. Никто из ученых той эпохи, которые были сотрудниками и друзьями Лавуазье, не выступили в его защиту, когда он был вместе с откупщиками предан ревтрибуналу.

Ни Монж, ни Гассенфратц, ни Гюгген де Моро, ни Фуркруа... не пошевелились».

Но Матъез забывает нам сказать, что ученые не вступились за Лавуазье не потому, что он был реакционером, а потому, что ученые просто сдрейфили. Ведь, начиная с марта по август 1794 г. (за 5 месяцев), пада голова с плеч не только у Лавуазье, но и у Дантона, Эберта, Шометта, Демулена и даже у Сен-Жюста и Робеспьера. Большинство указанных Матъезом ученых продолжало работать и после Термидора у Директории и даже у Наполеона. Даже такой революционер-ученый, как Карно, и тот после Термидора старался замазать следы своей революционности. Ведь Давид, сторонник Робеспьера, тоже не заступился за последнего и притих, а Робеспьер-то уж был несомненно революционером.

Между тем поведение Лавуазье во время революции показывает, что он был на стороне революции. Когда реакция претендует на Лавуазье, мы должны ответить: «Руки прочь от Лавуазье. Он наш, а не ваш!!! А авторам вроде Назарова мы должны сказать: нет, дорогие товарищи, вы ошибаетесь, Лавуазье сторонник революции, а не реакции. Конечно Лавуазье не пролетарский революционер, а буржуазный. Но будем учитывать условия его эпохи и удовлетворимся тем, что он в политической и социальной областях шел в ногу с ней, а не против нее». Революция в области химических воззрений и революция политическая вовсе не разошлись во времени, как думает г. Назаров.

В связи с вышеуказанным мы думаем, что далеко не бесполезно окажется ознакомление советского читателя с набросками Лавуазье, озаглавленными «Размышления о плане народного просвещения, представленном Талейраном-Перигором», найденными Дж. Гильомом в архиве известного химика Эдуарда Гримо, хранившего бумаги Лавуазье и работавшего над его биографией¹.

Наброски Лавуазье представляют заметки по поводу доклада, представленного в Учредительное собрание в сентябре 1791 г. Талейраном-Перигором, бывш. епископом Отенским, заметки, составленные по прось-

¹ «Лавуазье в его переписке, рукописях, семейных бумагах и по другим неизданным документам» Э. Гримо, изд. 1888 г. В 1896 г. было напечатано новое издание, исправленное и дополненное письмом Лавуазье к Конвенту от 5 Фримера 2-го года, найденным Гильомом в Национальном архиве и сообщенном биографу.

бе самого Талейрана. Вот письмо Жюггера, написанное Лавуазье Талейран-Перигору²:

«Воскресенье.

Я имел честь в свое время послать г. де Лавуазье один экземпляр моего доклада о народном просвещении и хотел бы думать, что он прочел его не без пользы для автора. Так как Национальное собрание распорядилось перепечатать его для данной законодательной сессии³, я, следовательно, имею возможность исправить, по желанию, его недостатки и сделать, поскольку это зависит от меня, достойным темы. Что я хотел бы в данный момент знать, это—в чем могут упрекнуть его просвещенные люди, представляющие общественное мнение. Не будет ли г. Лавуазье достаточно любезен проявить в этом отношении ко мне величайшую строгость и сказать мне открыто, что ему не нравится в этом длинном труде. Я осмелился бы даже попросить у него подробной критики, если бы я не боялся злоупотребить его временем. Во всяком случае заявляю, что мне крайне необходимо, чтобы он дал кое-где вместо моих мнений свои. Я прошу его сообразоваться дать свой ответ в течение недели.

Талейран-Перигор»⁴.

Листки, на которых Лавуазье набросал черновик своих замечаний в ответ на просьбу Талейрана, исписаны и на лицевой стороне и на обороте. К сожалению, не хватает трех листков, содержащих стр. 3—4, 5—6 и 7—8. Таким образом рукопись состоит только из 10 страниц (1—2 и от 9 до 16) из первоначальных шестнадцати плюс отдельный листок, служивший добавлением к пропавшей части. Вот текст всего того, что уцелело от рукописи Лавуазье⁵:

«Размышления о Плана народного просвещения, представленном в сентябре 1791 г. Национальному собранию г. Талейра

² Как письмо Талейрана, так и записи Лавуазье даны по этюду Дж. Гильома «Лавуазье—антиклерикал и революционер» (статья, помещенная в журнале «La revolution française» от 14 мая 1907 г.).

³ Слова «данная сессия» показывают, что письмо было написано тогда, когда Законодательное собрание уже было созвано. Ни в протоколах Учредительного собрания, ни в протоколах Законодательного собрания нет декрета, повелевающего перепечатку докладов Талейрана. Декрет от 25 сентября 1791 г. лишь устанавливает отсрочку проекта до следующей сессии (разъяснение Дж. Гильома).

⁴ Это письмо, найденное Гримо в бумагах Лавуазье, было опубликовано им на стр. 247 биографии последнего.

⁵ Разъяснение Дж. Гильома.

ном - Неригором, б. епископом Отенским.

Народное образование в том виде, в каком оно существует почти во всей Европе, было установлено не в целях формирования граждан, а для создания священников, монахов и теологов. Дух церкви всегда противился всякому новшеству, и так как первые т. н. отцы церкви писали большей частью по латыни, христиане говорили и молились по латыни, то отсюда заключили, что в какой бы то ни было стране, какие изменения в народном языке не произошли бы, молиться следует по латыни до скончания веков. Поэтому вся воспитательная система Европы почти целиком направлена на обучение латинскому языку. Стоит только просмотреть все публичные акты, все положения метафизики и морали, поддерживаемые в колледжах, и мы увидим, что они являются лишь введением в теологию, что теология была наукой *par excellence*, предназначенной быть дополнением к обучению; к ней стремилась вся система воспитания.

Так как народное образование имело целью лишь формирование священников, то уже давно в колледжах обучали лишь тех, кто предназначался для духовной службы, и так как церковное сосуществование было путем, ведущим к почестям и богатству, то католические нации, естественно, должны были разделиться на два класса: церковников, в руках которых было сосредоточено просвещение, и необразованных, составлявших почти всю остальную часть населения. Вот

почему вначале лишь благодаря случаю, а затем благодаря умело комбинированным маневрам все, что могло стремиться к уничтожению заблуждений и предрассудков, очутилось в руках тех, в чьих интересах было распространение этих предрассудков.

Эта эпоха, состоящая из 16 веков, почти целиком потерянных для разума и философии, в течение которых прогресс человеческого ума был целиком приостановлен, в течение которых часто было движение вспять, останется навсегда примечательной в истории человечества, и надо вообразить, какими великими покажутся в глазах будущих поколений те, кто опрокинул эти древние памятники невежества и варварства.

Г-н бывший епископ Отенский, на долю которого выпала эта честь в отношении народного образования, сумел подняться на высоту своей задачи, он охватил весь вопрос в целом и приобрел себе бессмертные права на признание человечества (стр. 2) ³.

Я хотел бы, чтобы чтение и письмо не яв-

¹ Слово «примечательный» несомненно является стилистической небрежностью, ибо это слово (*remarquable*) вообще поощрительно, намерением же Лавуазье было, наоборот, желая сурово квалифицировать эпоху, во время которой христианство тонуло назад человеческий ум. Он хотел скорее сказать «останется навсегда памятной...» (замечание Дж. Гильома).

² См. факсимиле этих замечательных строк.

³ Здесь следовали недостающие страницы 3—8. Они были посвящены, как видно из содержания девятой страницы, школам первой ступени, и Лавуазье затем начал говорить о программах окружных школ.

*Cette époque perdue est celle des
16 siècles. C'est l'époque où l'on
ne veut plus rien apprendre.*

*et le mouvement est pour le
et de l'école.
et de l'école.
et de l'école.*

*Cette époque perdue est celle des
16 siècles. C'est l'époque où l'on
ne veut plus rien apprendre.
et de l'école.
et de l'école.
et de l'école.*

Факсимиле Лавуазье

тялись обязательным и необходимым элементом образования крестьян, чтобы образование тех, кто не хотел бы или не смог научиться читать и писать, не было целиком оставлено, чтобы их обучали счету с помощью жетонов, метод быстрый и удобный, который надо будет усиленно распространить и который станет еще легче, когда удастся согласовать деления наших мер с десятичной арифметикой¹.

... [... которое он предлагает, еще очень походит на воспитание наших колледжей, оно слишком стремится к лигатурному образованию. Я хотел бы уничтожить сами варварские названия наших прежних школ. Я не понимаю, что такое курс гуманитарных наук. Почему не перевести это слово по-французски? Я бы изгнал употребление названия литературы (*belles-lettres*), вызывающее лишь типографские представления (стр. 9)².

Городские и сельские школы первой степени предназначены для формирования людей и граждан. Окружные же школы—для формирования образованных граждан. Глава проекта предусматривает в отношении этих школ лишь самые общие положения, и я считал бы опасным, как сказано выше, углубляться дальше в подробности]. Я только хотел бы, чтобы не существовало никакого двухлетнего курса. Вместо трех курсов, предлагаемых им, я предпочел бы разделить предмет на отдельные и различные курсы длительностью не свыше шести месяцев каждый. Искусство учителя в хорошо составленном курсе состоит в том, чтобы вести ученика от известного к неизвестному с помощью ряда тесно связанных между собой и непрерывающихся рассуждений. Если ученики слишком рассеиваются от частоты эпизодов, если их обучают сразу нескольким родам знания,—необходимой для образования памяти связи идей больше не существует, в голове остаются лишь отдельные идеи, совершенно не образующие тело науки и в короткое время улетающие. Следова-

¹ Данный изолированный отрывок, представляет часть зачеркнутого восьмого листка, который должен был быть вставлен в одну из потерянных страниц. Он касается сельских школ первой степени.

² Помещенное в скобках в оригинале зачеркнуто. В начале первого абзаца, как видно из смысла дальнейшего, должны стоять слова: «что воспитание...»

Статья 4-го отдела «Окружные школы» проекта декрета Талейрана указывает в программах обучения окружных школ «курс гуманитарных наук или элементы литературы» (с разъяснения Дж. Гильома).

тельно очень важно, чтобы каждый курс имел один единственный предмет, чтобы связь идей, образующая науку, не была ни оборвана, ни прервана с тем, чтобы ученик мог во всякое время найти в своем разуме все идеи в том самом порядке, в каком они были помещены в нем.

Мало открыть школы, нужны учителя для руководства ими, но учителей еще нет, и само уже создание их представляет огромную задачу (стр. 10). Единственным путем, ведущим к этому, является тот, который был указан б. епископом Отенским, путь, начинающий с организации института в столице и назначения комиссаров народного просвещения. Затем могут быть установлены премии для тех элементарных руководств, которые, по мнению института, окажутся наиболее пригодными для обучения разным знаниям в городских и сельских начальных школах и окружных школах. Удостоенные премии произведения могут быть опубликованы с теми добавлениями и изменениями, которые найдут нужными сделать Нац. Институт и комиссары просвещения. Они могут затем служить основой для (стр. 11) экзаменов, которые будут введены для допущения к преподаванию. Эти экзамены должны быть публичными, а вакансии предоставляться по конкурсу. Без сомнения вначале количество лиц будет гораздо меньше количества мест, но вскоре они появятся, ибо таков закон природы: раз есть общественные функции, находятся люди для выполнения их.

План г. епископа Отенского имеет неоценимое преимущество, значение которого он, быть может, сам себе не представляет, дело в том, что он несет в самом себе зародыш своего усовершенствования. Так как судьба учителей зависит главным образом от притока учеников и успеха их уроков, то необходимым следствием этого явится то, что [обычное положение учителей будет посредственным, но они, между прочим, будут пользоваться вознаграждением за каждого ученика. Правда, оно будет скромным, но оно станет (стр. 12) значительным по мере известности, которую приобретает тот или иной преподаватель; из этого достойного самой большой похвалы порядка вещей получится...³]. Общественное мнение, не нуждаясь в помощи чего-либо другого, не при-

³ Эта вторая часть фразы, помещенная между скобками, в оригинале зачеркнута. Лавуазье, зачеркивая ее, связал прямо первые слова фразы «общественное мнение и т. д.» данной редакции со словами «следствием этого явится то, что...»

Беза к какому-либо содействию, будет в состоянии исправить все возможные недостатки народного просвещения. У преподавателя, за которым не будет стоять общественное мнение, школы будут пустовать. Все будут непрерывно стараться друг другу нравиться глубиной ли обучаемой ими доктрины или методом преподавания.

Следовательно между существовавшим до сих пор народным образованием и тем, которое его заменит, будет та огромная и существенная разница, что в то время как первое несло в самом себе силы, выступавшие против какого бы то ни было усовершенствования, второе, наоборот, будет нести с (стр. 13) собой исправление всех недостатков, которые будут присущи ему в первое время, в результате чего без забот и почти без наблюдения, лишь бы администрация дала вещам свободно развиваться, оно достигнет в несколько лет совершенства, стоящего на уровне знаний века.

Итак, не надо вовсе стремиться достигнуть уже в первые годы воображаемого совершенства, без сомнения желательного, но являющегося лишь делом времени. Достаточно будет того, что мы поместим в самую малую лучистую силу: надо дать ей действовать, предоставить ее своим собственным усилиям и довериться умелому мастеру, регулирующему ее движения.

Здесь будет уместным поговорить о Национальном институте, учрежденном в Париже, об обучении наук в столице. Но никто, вероятно не обладает еще в достаточной мере энциклопедическими познаниями для уверенного (стр. 14) начертания общего плана обучения всем наукам. План г. епископа Отенского стоит на уровне приобретенных знаний. Было бы несправедливым требовать большего. Он имеет то преимущество, что он использует все, претворяет в жизнь все полезные материалы, собранные в течение столетий веков, и использует для успеха дела два самых могучих рычага, способных воздействовать на род людской: самолюбие и выгоду.

Тот, кто размышлял над развитием человеческих знаний, достаточно знает, что хорошие элементарные руководства пока существуют лишь для некоторых математических наук; что искусство обучения еще в состоянии детства, что логика наук едва известна. Но время для развития этих идей еще не пришло. В данный момент достаточно дел и без забегания в будущее. Пожелаем же лишь, чтобы Национальный институт был декретирован приблизительно таким,

каким его предлагает г. епископ Отенский, и вскоре Франция станет убежищем (стр. 15) искусств, наук и промышленности и своей силой, населением, производством и богатством превзойдет все народы вселенной (стр. 16)».

В той же статье Дж. Гильом приводит еще одно произведение Лавуазье о народном просвещении, напечатанное летом 1793 г. в 4.000 экземплярах. Это — «Размышления о народном просвещении, составленные от имени Совещательного бюро искусств и ремесл»¹, которое поручило 10 июля 1793 г. Лавуазье, Фуркруа, Дезодре, Гассенфранцу и Борда заняться выработкой «плана образования, предназначенного для художников (ремесленников)» и постановило хлопотать перед Конвентом о введении «специального образования, пригодного для лиц, посвятивших себя механическим искусствам». 24 июля Лавуазье зачитал на заседании бюро записку об этом специальном образовании. Бюро одобрило ее. После того члены комиссии заготовили проект декрета, причем рамки его были расширены. Проект был составлен как декрет о национальном просвещении, как «общий план обучения для всех человеческих знаний», а не только, как план «народного образования, относящегося к искусствам».

Новый проект бюро обсудило, исправило и приняло 31 августа, 9 и 10 сентября 1793 г. Записка Лавуазье и проект декрета были отпечатаны и 24 сентября представлены бюро комитета народного просвещения, постановившему особо отметить их в своем протоколе. Записка Лавуазье, озаглавленная «Размышления о народном просвещении, представленные в Национальный конвент Совещательным бюро искусств и ремесел», как и проект декрета, произведения коллективного — Лавуазье и его соавторшей по бюро, — перепечатаны Гримо в шестом томе сочинений Лавуазье. Для нас особое значение имеет конечно записка как творение самого Лавуазье.

В «Размышлениях о народном

¹ Совещательное бюро искусств и ремесел было создано декретом от 9 и 27 сентября 1791 г. для раздачи наград «мастерам» (artistes), заслужившим это «своими работами и исследованиями в полезных искусствах». Оно состояло из 15 членов Академии наук, избранных этим обществом, и такого же числа людей, получивших образование в различных отраслях промышленности и выбранных министром внутренних дел в других научных обществах. Совещательное бюро уцелело от всех бурь революции до 9 прериаля 4-го года, когда Директория упразднила его (примечание Дж. Гильома).

просвещении» Лавуазье сначала рассматривает «первое воспитание, которое дает детям природа» и «что люди, соединенные в общество, могут добавить к нему». Родившийся ребенок вынужден, говорит он, «проделать с помощью своих чувств настоящий курс физических наук». Вскоре после рождения он начинает курс оптики и перспективы: вначале все предметы кажутся ему помещенными на одной плоскости, вскоре он научается различать величины и расстояния, исправлять осязанием ошибки глаза и отдавать себе отчет о форме тела. «Он изучает, почти в то же время, действия тяжести, столкновения тел. Затем, когда он немного подрастает, развитие его сил позволяет ему проделать курс механики: мяч, отскакивающий от стены, дает ему элементарные понятия о законах движений; канавки, устраиваемые им вдоль ручейков, дают ему понятие об основных законах равновесия жидкостей и т. д. Таковы первые уроки природы... Счастлирое детство! Ты усваиваешь в этом первом воспитании лишь верные идеи, потому что ты получаешь их от вещей и люди не примешивают к ним ни своих предрассудков, ни своих заблуждений. Приближается момент, когда тебя оторвут от твоей божественной учительницы. В этот момент ты, пройдя курс физических истин, начнешь курс моральных заблуждений. Такова, по крайней мере до сих пор, была твоя судьба...»

Затем Лавуазье показывает, как воспитание, даваемое человеком ребенку, вместо того, чтобы развивать заблуждения и предрассудки, может «содействовать воспитанию природы и служить его продолжением».

«Искусства дают ребенку, как дополнение к его органам, являющимся «естественными орудиями», новые орудия, благодаря которым он получает возможность получить новые эффекты. Они дают ему колотушку, молоток, нож, клин, садовый нож, топор, пилу. Пользуясь ими, он познает основные принципы искусства обработки дерева; вооружив его всеми инструментами кузнеца и слесаря, обучают его первоначальным понятиям искусств обработки металлов. Развитие принципов, служащих основой для сельского хозяйства, не выдвигает более сложных идей. Не более трудно привести ребенка к познанию практической геометрии... Экспериментальная физика должна войти в план первоначального воспитания... Ботаника и естественная история также подходящи для ребенка». Что касается чтения и письма, то Лавуазье рассматривает их со следующей

точки зрения: «Они — так же орудия искусства, и необходимо, чтобы люди всех условий умели ими пользоваться. Это то орудие, которое устанавливает связь между людьми всех времен и всех стран... Это — предохранительное средство против суеверия, против злоупотребления властью, это — первая гарантия свободы. Между прочим имеется ряд различных отраслей знания, которым очень трудно обучить детей, поскольку они еще не научились писать; таковы например правила счета, образующие самую существенную часть первоначального образования. Но, давши в руки человеку это оружие, поостережемся вручить ему опасный подарок, поостережемся ввести в его разум идею слова, начертанного на бумаге, вместо идеи вещи, о которой должно напоминать ему это слово. Пусть всюду, во всех книгах, которые мы дадим детям в руки, главная идея, которую мы намереваемся запечатлеть в его мозгу, будет сделана ощутимой с помощью гравюр и картин».

И он заключает: «Направляя таким образом в сторону осязаемых предметов все части первоначального воспитания, стремясь следовать методу природы, мы не только создадим людей, но и постепенно усовершенствуем вообще умственные качества человеческого рода... Эта первая ступень общественного просвещения должна быть общей для всех людей, должна быть доступной для всех, это — долг, который общество отдает детям, следовательно, она должна быть бесплатной».

Но здесь, продолжает Лавуазье, начинаются трудности: «Путь, который вначале дети народа проделывали сообща, начинает разветвляться: дойдя до определенного предела, они не могут более идти все вместе. Сбразуется два больших подразделения: одни предназначают себя для общественной деятельности и отдаются изучению языков и предметов науки и словесности, другие же предназначают себя для механических искусств. Таким образом, вторая ступень образования естественно делится на две части, из которых каждая стремится к определенной цели. Первая имеет некоторую связь с университетами и колледжами (превратившимися в институты в плане Кондорсе); никакого примера для второй не существует, ибо еще не существовало нации, у которой по-настоящему занимались бы интересами самого искусного класса народа». Именно по поводу этой отрасли образования второй ступени приводит Лавуазье несколько своих размышлений. Он пред-

полагает, что школы, предназначенные для этого рода образования, будут созданы в окружных центрах.

Черчение — язык наглядности — должно быть «первым предметом изучения для тех, кто предназначает себя для искусств. Это изучение должно быть «общим для всех ремесленников (artistes). «Искусства» подразделяются затем на два больших класса: искусства механические и искусства химические. Искусства механические — это те, «которые требуют употребления живой силы и которыми можно заниматься лишь с помощью механических инструментов». В курсе, к ним относящемся, преподаватель должен изложить элементарную начертательную геометрию и извлечь из нее правила перспективы, тесания камней, плотничьего искусства; с другой стороны, разбирая машину на ее составные части, он должен будет обучать теоретической механике, рассчитывающей силу, и механике практической, науке еще вовсе не существующей или, по крайней мере, той, для которой еще не составлено вовсе методического и элементарного руководства». Искусства химические отличаются от искусств механических тем, что они не употребляют ни живой силы, ни механических инструментов; курс, относящийся к химическим искусствам, должен начинаться «с показа естественных тел, употребляемых в искусствах», затем «преподаватель должен показать, что химические операции, относящиеся к искусствам, могут быть классифицированы, разложены, как машины, что все эти операции относятся к явлениям горения, растворов, кристаллизации, образования осадков, брожения. Он должен постараться начать с общих свойств, присущих огромному числу искусств, и закончить наконец сведениями, относящимися к искусствам, требующим специального развития. Кроме того имеется довольно большое количество искусств, которые можно считать смешанными, употребляющими и механические инструменты и химические вещества. Об обучении этим искусствам преподаватели могут договориться между собой.

В этих окружных школах будет между прочим преподаваться курс «социального искусства, политической экономии и коммерции». Преподаватель, которому это будет поручено, будет одновременно обучать принципам общей грамматики и приучит своих учеников «выражать письменно свои мысли ясно и точно».

Это первоначальное воспитание искусст-

вам одинаково охватит и воспитание девочек, «ибо, так как имеется много искусств для занятия которыми предназначаются исключительно они (работа иглой, прядение, ткачество, приготовление пищи, ведение домашнего хозяйства), необходимо, чтобы их обучили основам их. Необходимо также обучить их всему тому, что имеет отношение к физкультуре детей, преподать им принципы морали, дать некоторые понятия об истории и местной географии; наконец дать им основные сведения по вопросам вкуса и изящных искусств».

Лавуазье затем кратко говорит об образовании, которое должны давать «институты» и высшие школы, соответствующие французским «университетам», которые Кондорсе называл «лицеями». Он заканчивает изложением социальной роли ученых и мастеров (artistes), понимая под ними «тех, кто достиг в каждой части последних высших ступеней познания, занимается исследованиями для присоединения их к уже приобретенным знаниям».

«Люди, отдающиеся этому великому искусству производить открытия, должны быть независимы и свободны, и их существование по той же причине должно быть обеспечено за счет общества... Не следует требовать от этого класса людей, чтобы они преподавали и обучали: пусть только изобретают и опубликовывают. Все части искусств и наук связаны между собой, и невозможно достигнуть прогресса в какой-либо из них, если другие отстают. Это — армия, которая должна идти единым фронтом. Большинство работ, которые еще остается проделать в искусствах и науках, как раз именно те, где требуется объединение и содействие многих ученых... (следовательно) необходимо, чтобы ученые и мастера (artistes) собирались в определенные периоды на общие собрания и чтобы эти собрания охватывали отрасли знания, которые на первый взгляд кажутся не имеющими ничего общего, никакой связи».

И, обращаясь в Конвенту, Лавуазье заканчивает словами: «Законодатели, просвещение совершило революцию, пусть же просвещение попрежнему будет среди вас хранителем свободы. Ныне, когда вы закончили ваше творение (республиканскую конституцию 24 июня 1793 г.), вам больше ничего не остается для того, чтобы вдохнуть в нее жизнь, как употребить светоч, находящийся в ваших руках»¹.

¹ Проект Совещательного бюро не был официально представлен Конвенту, его авторы ор-

Все это Лавуазье писал в сентябре 1793 г., в то время, которое мировая буржуазия изображает как время разнузданной дикости и террора. Мог ли бы писать таким языком Лавуазье, если бы он не был революционером не только в химии, но и в политике? В той же статье Дж. Гильом упоминает о биографической записке Лавуазье, опубликованной Гримо, где Лавуазье писал, что он во всех случаях носил оружие для защиты свободы, особенно 10 августа 1792 г. — день, когда Париж поднялся против королевской власти, а Лавуазье был послан для охраны порохового склада, и 31 мая 1793 г., когда национальная гвардия подняла «моральное восстание», освободив Конвент от тирании государственных людей Жиронды, а Лавуазье был послан с батальоном секции Пик для занятия поста на площади Революции¹. Приведенные заметки Лавуазье опровергают инсинуации буржуазии о том, что Лавуазье был противником

ранились, как было сказано выше, специальной передачей его 24 сентября 1793 г. Комитету народного просвещения, постановившему 1 октября того же года особо отметить его (разъяснение Гильома).

революции. Лавуазье, как видно, принимал активнейшее участие в работе органов революционной власти. Он работал, с одной стороны, над реформой народного просвещения, с другой — над осуществлением десятичной системы. Так именно Лавуазье была составлена мотивировка декрета Конвента от 11 сентября 1793 г. об учреждении Временной комиссии мер и весов. Участие же его в выступлениях против жирондистов еще более характеризует революционность Лавуазье.

От редакции.

Дав несколько документов, свидетельствующих о том, как воспринимал революцию сам Лавуазье, редакция в одном из следующих номеров поместит очерк, характеризующий обстоятельства его казни и разбивающий буржуазную легенду о ней.

Перевод записок Лавуазье и примечаний Дж. Гильома сделан т. Левандовским.

---

¹ Заглавие этой заметки, написанной в тюрьме, таково: «Заметка о том, что сделал для революции Лавуазье, б. комиссар казначейства, б. академик, член Совещательного бюро искусств и ремесел, землевладелец округа Блуа, департамента Луары и Шери».

ДОСТИЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ СДЕЛАТЬ ДОСТОЯНИЕМ МАСС

Основанная по декрету Ленина Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) под руководством крупнейшего ученого Н. Я. Марра создала предпосылки для поднятия дела изучения истории докапиталистических формаций на новую ступень. Недостаток на этом участке исторической науки марксистских научных сил не давал однако возможности в полной мере развернуть работу в этой области.

Лишь в самые последние годы, с накоплением и втягиванием в работу новых кадров марксистской молодежи, дело научной разработки истории докапиталистических обществ стало на более прочные рельсы. Представление об этом дает помещаемый в настоящем номере «Борьбы классов» обзор работ июньской сессии Государственной академии истории материальной культуры, посвященной вопросам генезиса феодализма и характеристике феодальной общественно-экономической формации. Кроме того в настоящем номере мы помещаем статью т. Славина, посвященную более детальному разбору отдельных докладов, имевших место на майской сессии ГАИМК, посвященной в основном вопросу рабских революций. В этом номере мы помещаем также статью т. Лотте, намечающую некоторые вопросы изучения истории классовой борьбы в эпоху феодализма, а именно: вопросы классовой борьбы в городских цехах. Редакция призывает всех работающих в области изучения истории докапиталистических формаций поделиться с читателями «Борьбы классов» итогами своих работ и принять участие в работе по популяризации научных знаний в этой мало разработанной и мало известной широким массам области исторической науки.

Если в изучении эпохи промышленного капитализма и империализма марксистская историческая наука имеет при всех недостатках и громадные достижения, если метод Маркса — Ленина поистине стал основным методом работы над историческими проблемами XVIII, XIX и XX вв., то эпоха феодализма, а тем более античности до последнего времени почти не находила марксистских историков и популяризаторов. Фактически за исключением классических работ Маркса и Энгельса по истории эпохи феодализма и по истории античности мы не имеем ни одной серьезной марксистской работы.

Академия истории материальной культуры конечно делает еще в сущности первые шаги по подлинно марксистскому освещению истории античности, по подробной и тщательной разработке проблем феодализма. Однако эти первые шаги свидетельствуют уже об известном движении вперед.

Сейчас эта работа должна найти свое завершение в издавании ряда популярных статей, брошюр и учебных пособий, необходимых учащимся и для самообразования широких масс, для которых историческое знание все более становится одним из наиболее мощных орудий их борьбы за переделку старого человеческого общества.

Считая крайне важным ознакомление читателей со сдвигами и достижениями ученых историков Советского союза во всех областях исторической науки, редакция открывает с этой целью специальный отдел «По историческим учреждениям» и просит всех заинтересованных в постановке показа наших достижений в области истории лиц и учреждения присылать в редакцию статьи и информации для этого отдела.

Проблема социальной революции

В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

В своем историческом выступлении 19 февраля 1930 г. на I всесоюзном съезде колхозников-ударников т. Сталин, развивая дальше учение Маркса, Энгельса, Ленина о революции, выдвинул новые положения по проблеме революции в докапиталистическую эпоху. Это выступление т. Сталина создало решительный поворот в области научной разработки истории докапиталистических обществ. Особенно рельефно этот поворот можно ощутить во всей работе Государственной академии истории материальной культуры. Итоги проделанной большой работы за сравнительно короткий срок были подведены на трех пленумах (20/IV, 20/V, 20/VI), посвященных наиболее актуальным проблемам в изучении докалассового, рабовладельческого и феодального обществ.

Сектор рабовладельческой формации академии сосредоточил свою работу на проблеме социальной революции в античном обществе. Для античников речь т. Сталина явилась особенно важной, ибо в вопросе о социальной революции в античном обществе наиболее сильны были до самого последнего времени пережитки каутскианства. «Революция рабов,— сказал т. Сталин в этой речи,— ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся». Работа сектора рабовладельческой формации на фактическом материале разнородных групп первоисточников блестяще подтвердила этот тезис т. Сталина.

Итоговыми докладами на пленуме 20/V были: С. И. Ковалева на тему «Проблема социальной революции в античном обществе», А. П. Тюменева — «Разложение родового строя и революция VII—VI вв.

в Греции», О. О. Крюгера — «Рабочие восстания в II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов», А. В. Мишулина — «великое восстание Спартака».

С. И. Ковалев прежде всего остановился на проблеме генетической революции в эпоху перехода докалассового общества в рабовладельческое. Этот вопрос он решил положительно в том смысле, что переход этот, по существу революционный, был вызван все увеличивающимися противоречиями между растущими производительными силами и старыми производственными отношениями докалассового общества, которые тормозили рост индивидуального производства частной собственности и образование классов. Конкретное проявление этой генетической революции, по мнению докладчика, выразилось в массовом народном движении, принявшем острые формы гражданской войны в Греции. Эти положения докладчика не согласуются однако с положением Ленина, что первым главным, основным признаком революции «является переход государственной власти из рук одного в руки другого класса». В докалассовом обществе мы не имеем классов, мы не имеем государства. Поэтому докладчиком выдвигается тезис, что классы формируются в процессе самой революции, а конец этого «взрыва старого общества» уже означает завершение процесса формирования классов. Этим обусловлена примитивная, мало развитая форма этой ранней революции. Класс рабовладельцев возглавил мелких производителей—крестьян и ремесленников на штурм пережитков родового общества и после революции занял господствующее положение в экономике и политике. Это повело к дальнейшему развитию классовой борьбы, в основном протекавшей между двумя основными антагонистическими классами рабовладельческой формации — рабовладельцами и рабами. В борьбу с рабовладельческим строем втянулись и разорявшиеся мелкие производители, вытесняемые из сфер хозяйственной жизни вследствие все возрастающего применения рабского труда. Однако положение мелких производителей было промежуточным, поскольку, будучи свободными гражданами античного государства, они являлись участниками доходов с коллективной собственности полиса, основанной на эксплуатации рабов, союзников, провинциалов. Основное противоречие античного общества — противоречие между рабовладельцами и рабами, принявшее конкретную форму противоречия между рабовладельческой коллективной соб-

Древняя Греция. Рельеф, изображающий заключительный процесс ткацкого производства

ственностью, базирующейся на коллективном владении рабами и использовании простой кооперации рабского труда, с одной стороны, и на индивидуальной частной собственности, основанной на индивидуальном производстве, с другой стороны.—это основное противоречие было тем водоразделом, который расщеплял классовые силы по обе

стороны классовых движений. На одной стороне мы имеем рабовладельцев, являющихся собственниками средств производства, коллективными участниками античной «общинной и государственной собственности». На другой—рабов и значит часть многочисленных групп мелких производителей—крестьян, ремесленников, пролетариев, являвшихся носителями, субъектами частной собственности и индивидуального производства.

Но рабская система несет в себе также силы, которые при своем росте превращаются в тормозы развития производительных сил. Подтачивающее влияние торгового и ростовщического капитала, многочисленных войн, все усиливающееся разорение провинций и колоний, обезлюдение целых областей и ряд других чрезвычайно важных факторов ведут к поднятию на высшую ступень классовой борьбы, перерастающей в «революцию рабов, ликвидировавшую рабовладельцев и отменившую рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин). В Греции на III в. падают такие значительные движения, как революция Агиса и Клеомена, тирания Набиса и др. В Риме на II—I вв. падает начало гражданских войн. Основной движущей силой в этой новой волне революционного движения были рабы. Господствующий класс напряг все свои усилия и разбил революцию рабов на этом, третьем, этапе. Потребовалась мощная военная диктатура, которая держала в повиновении эксплуатируемую часть населения, в лице Римской империи. На некоторое время, разными мерами экономического и политического порядка, удалось восстановить ряд элементов рабовладельческого хозяйства. Но в хозяйственной жизни Империи продолжались процессы, подтачивающие ее существование: все растущая индивидуализация производства и развитие крупной частной собственности все больше и больше расшатывали рабовладельческий хозяйственный организм. С III в. н. э. начинается второй этап революции рабов, на этот раз окончившийся гибелью рабовладельческого общества благодаря консолидации всех антирабовладельческих сил: рабов, крестьян, германцев, солдат, составлявших основную массу, сокрушивших старый Рим. Социальная революция совершилась. Она была уже более зрелой и развитой, чем первая, генетическая революция, на заре рабовладельческого общества. Однако и она имеет свои специфические черты. Рабы, как класс, стоящий на нижней ступени классового развития, не могли взять власть в свои руки и

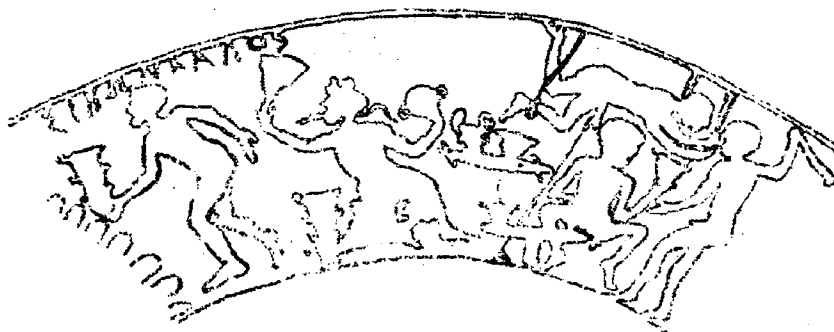

что большая часть основных вопросов, поставленных в докладах, соответствует марксистско-ленинской разработке проблемы античного общества и решается в основном правильно. Что касается вопроса о генетической революции, то решение его, данное в докладах С. И. Ковалева и А. И. Тюменева нельзя принять в предложенном виде, а лишь как одну из рабочих гипотез, требующую дальнейшей проработки. Считать эту проблему решенной ни в коем случае нельзя. Проблему основного противоречия можно считать решенной правильно. Вопрос о социальной революции, революции рабов, должен быть еще глубже проработан на основе всего богатейшего исторического материала, в частности должен получить освещение как один из основных моментов в этой революции—вопрос завоевания, являющегося особой формой социальной революции.

Материалы этого пленума в ближайшее время будут сданы в печать в виде отдельной книги. Большое количество проблем, поставленных в докладах, богатейшие первоисточники, содержащиеся в докладах, выступлениях и в прениях, сделают эту книгу одной из основных работ по разработке марксистско-ленинской истории рабовладельческой формации.

Свою деятельность сектор продолжает углублять, рассматривая ее лишь как начало большой творческой работы. Безусловно некоторые неправильные положения отпадут в процессе дальнейшей работы.

Залогом успеха всей дальнейшей работы является та энергия и настойчивость, с которой вся Академия истории материальной культуры взялась за разработку проблем, затронутых в историческом выступлении т. Сталина.

Рисунок на вазе. Керамическое производство в Др. Греции. Справа изображено наказание раба, подвешенного к потолку.

**ИЗУЧЕНИЕ
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ
ФОРМАЦИЙ**

**на новой
ступени
(июньский пленум
ГАНМК)**

В продолжение трех дней, 20—22 июня, происходила работа очередного пленума Государственной академии истории материальной культуры, посвященного проблемам происхождения и развития феодальной формации. На повестке дня стояли 8 докладов: 1. А. Г. Пригожина «Проблема генезиса западноевропейского феодализма», 2. А. Д. Удальцова «Зарождение классов у древних германцев», 3. М. М. Цвибака «Основные вопросы возникновения феодализма в России», 4. С. Н. Быковского «Из истории классовой борьбы в Новгороде-Великом в XV в.» (восстание 1436 г.), 5. В. И. Равдоникаса «Некоторые моменты процесса возникновения феодализма в Восточной Европе в свете археологических данных», 6. Е. К. Некрасовой «Проблема основного противоречия феодальной формации», 7. А. С. Полякова «К вопросу о закономерности развития феодальной формации в Китае», 8. С. П. Толстова «К вопросу о генезисе феодализма в кочевых скотоводческих обществах». Кроме того на пленуме состоялся информационный доклад Б. А. Латынина, посвященный характеристике работы академии на новостройках. Из приведенного перечня поставленных задач видно, что пленум охватил своей работой огромный круг основных вопросов истории феодального общества, поставил их как в теоретическом плане, так и в плане исследования конкретно исторического процесса в отдельных странах Европы и Азии. Чрезвычайный интерес к пленуму был проявлен со стороны широкой советской общественности: помимо участия в работах пленума работников научных учреждений и вузов Ленинграда

и Москвы присутствовало большое количество педагогов, учащихся. Всего за 3 дня пленум посетило около 600 человек. А. Г. Пригожин в своем докладе дал развернутую картину становления западноевропейского феодализма, особое внимание уделив его английской разновидности. Завоевание варварами Римской империи завершило те изменения, которые переживало античное общество в направлении оформления в нем феодальных линий развития, за во е в а н и е подвело итог разрушению античности революцией рабов. Это один элемент, легший в основу будущего феодального общества. Другим элементом был общественный строй германцев этого времени, характеризующийся разложением первобытного коммунизма, образованием сельской общины, развитием внутри этой общины феодальных элементов. Сельская община-марка была той общественной формой, при помощи которой погибавшие крестьянин и ремесленник получили возможность сохраниться и упрочить свое положение как собственников своих средств производства. Не везде на обширных пространствах Римской империи этот процесс воздействия варваров на общественный строй народов был одинаковым. Докладчик наметил и дал характеристику трех основных вариантов. Англо-саксонский путь развития представлял собой германизацию общественных отношений туземного кельтского населения; остготский путь заключался в длительном мирном проникновении варваров на Аппенинский полуостров и изменении германского общественного строя под влиянием общественных отношений гибнущей Римской империи. Наиболее полным выражением взаимодействия варваров и античности и сложившихся в их итоге феодальных отношений был третий путь — франкский путь развития.

А. Д. Удальцов сосредоточил внимание на процессе классового образования у древних германцев эпохи Цезаря и Тацита, его тема органически увязывалась таким образом с первым докладом. На основе пересмотра письменных источников докладчик вскрыл особенности варварского общества, ранее остававшиеся в тени. Германцы переживали эпоху образования племенных групп и не представляли этнически и социально однородного массива. В эпоху Цезаря у германцев еще не наблюдается признаков классового образования. Ко времени Тацита при отсутствии частной собственности на землю уже налицо зачатки общинной земли родоплеменными старшинами, обрабатываемые силами

рабов. Домашнее патриархальное рабство и эксплуатация сидящих на земле оброчных рабов — таковы первые моменты образования классов у древних германцев. Несмотря на крупные размеры своего хозяйства, родоплеменные старшины еще не превращаются в сложившийся класс. Образовавшаяся у некоторых германских племен королевская власть сложилась в периоды войн и в условиях мирного времени была тесно связана со всем родоплеменным строем.

Проблема феодализма в Восточной Европе освещена в трех докладах — М. М. Цвибака, В. И. Равдоникаса, С. Н. Быковского. Доклад М. М. Цвибака касается возникновения феодализма главным образом на «средне-русской» территории. Подчеркивая запаздывание этого процесса, докладчик отмечает роль окружения уже феодальных образований, как скандинавские общества, Византия, хазары и болгары. Рабство, выработавшееся уже в доклассовом варварском обществе, трансформируется в этих условиях в «серваж»; с начальной степенью феодализации связывается полурабский характер барщины, первой формы докапиталистической ренты. По линии доказательства наличия в предфеодальный период рабства как первой формы классового расслоения и барщины как основной формы отношений «первого издания» крепостничества и строится доклад. Подчеркивается сопровождающая процесс закрепощения смерда-общинника борьба последнего с феодалом. В итоге этих классовых боев одерживает верх государь-вотчинник.

Ту же проблему возникновения феодализма в широком охвате лесной полосы Восточной Европы ставит на основе обобщения наличного «археологического» материала доклад В. И. Равдоникаса. Отмечая единство исторического процесса на указанной территории, докладчик наметил три последовательных стадии перехода от доклассового общества к феодальному.

Первая стадия, охватывающая период от середины первого тысячелетия н. э. до VIII—IX вв., характеризуется патриархально-родовым строем; основные занятия населения — скотоводство, подсечное земледелие, охота; ремесло находится еще внутри домашней промышленности. Техника очень примитивная. Поселения этого периода представляют собой небольшие городища, в которых обитает большая патриархальная семья, городища располагаются гнездами по берегам рек, каждое такое гнездо составляет целый род. Имущественное расслоение край-

не ничтожно. Вторая стадия (IX — XI вв.) связана с процессом разложения рода и формирозания территориальной общины с малой семьей. Быстро развивается пашенное земледелие, ремесло отделяется от земледелия, расцветает торговля. Поселение становится иным, главное изменение состоит в появлении рядом со старыми городищами или независимо от них открытых поселений — деревень. Появляются города, развивающиеся из старых, наиболее выгодных в военном и торговом отношении городищ. Торговля и война усиливают процесс формирования родоплеменной знати, превращающейся в господствующий класс феодалов. Археологический материал свидетельствует о глубоком имущественном неравенстве. Третья стадия — уже феодального общества — освещена в докладе бегло.

С. Н. Быковский на основании тщательного анализа исторического источника (житие Михаила Клопского) освещает один из этапов классовой борьбы в Новгороде — восстание 1436 г., чрезвычайно туманно и слабо отраженное в источниках и совершенно смазанное буржуазной дворянской историографией. Восстание, представляющее собой резкое столкновение городских низов с купеческой знатью, вылилось в формы религиозных противоречий, их и выдвигает на первый план автор жития, тем самым оставив в тени подлинный классовый смысл событий.

Доклад Е. К. Некрасовой поставил впервые на обсуждение главнейшую теоретическую проблему развития феодализма — вопрос о его основном противоречии. Его сущность состоит в конфликте между развитием товарности мелкого производства крепостных крестьян и ремесленников и сковывающими это развитие феодальными отношениями, феодальной собственностью. Это противоречие проявляется в форме классовой борьбы мелкого производителя с феодалом за освобождение от феодальной эксплуатации, за свое развитие как мелкого товаропроизводителя. Частичное разрешение противоречия в итоге этой борьбы выражается в смене отработочной ренты продуктовой, а затем денежной, повышающей возможности развития мелкого производства по пути товарности. Производительные силы приобретают характер общественных и с неизбежностью требуют своего обобществления, возможного на данном этапе лишь в форме капитала, восстающего против всей структуры феодального общества, требующего рабочей силы, свободной от средств

производства и от феодальной зависимости.

Последние два доклада—А. С. Полякова и С. П. Толстова—были посвящены вопросам развития феодализма и его особенностей на Востоке.

Большой доклад А. С. Полякова дал общую характеристику развития феодализма в Китае на протяжении с XIII в. до н. э. и вплоть до начала XX в. Основной особенностью этого процесса является его застойность, способствовавшая более чем 3 000-летнему сохранению феодализма и глубокой устойчивости его пережитков. В отличие от развития феодализма в Западной Европе в Китае феодализм не прошел последовательно через все три этапа своего развития, связанные со сменой трех форм докапиталистической ренты. Вместо прогрессивного перехода к денежной ренте развитие неоднократно срывалось в глубокий упадок. Причиной этих срывов были феодальные производственные отношения, сковывавшие и замораживавшие развитие производительных сил в периоды полного оформления феодализма. Упадок крестьянского хозяйства, невероятное усиление эксплуатации крестьянства приводили к взрыву классовой борьбы, крестьянским войнам, снова создававшим предпосылки экономического подъема. Таких периодов в длительном развитии феодализма в Китае намечается 6, докладчик дал их характеристику в основных чертах.

С. П. Толстов на основе обобщения главным образом этнографических материалов сделал попытку обрисовать основные моменты и особенности возникновения феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Первым шагом феодализма здесь предшествовала стадия рабовладения; выделяющаяся из рода скотовладельческая аристократия переходит к обращению в рабство не только чужеземцев, но и членов родовой общины, сохранение последней ставит предел развитию рабовладения, которое однако продолжает играть значительную роль в качестве уклада уже на феодальной стадии. Земельная феодальная собственность складывается, прикрываясь юридическими формами родо-племенной собственности, и проявляется косвенно через скотовладение; основной формой эксплуатации является «саун» — отдача скота на выпас под условием отработочной или продуктовой ренты. Анализ видов эксплуатации показывает, что они вырастают на базе использования феодалами форм родовой взаимопомощи. Слагающаяся система сословий и характер государства

носят также черты традиционных родо-племенных форм.

Таково, в основном, содержание работы пленума, нашедшее продолжение в многочисленных (около 30) выступлениях ряда научных работников. Прения заняли два вечерних заседания пленума. Из выступлений по вопросам западноевропейского феодализма и проблеме основного противоречия нужно отметить Е. А. Косьминского (Москва), А. М. Розенберга и С. А. Лотте; по феодализму в Восточной Европе — Б. Л. Грекова, В. В. Мавродина, асп. Е. Э. Липшиц и некоторых др.; по феодализму на Востоке чрезвычайно интересно выступление А. Ю. Якубовского, асп. Майзеля. Особенностью организации обсуждения докладов было серьезно подготовленное выступление работников феодального сектора академии, давших заранее проработанные ценные дополнения и критику докладов.

Введением к работе пленума служила развернутая силами ударной бригады феодального сектора академии выставка, показывающая развитие изучения проблем феодализма в разрезе истории материальной культуры, начиная от «императорской археологической комиссии» и вплоть до отчетных щитов сектора и его бригад за 1-е полугодие 1933 г.—первого года второй пятилетки. Эта огромная музеефицированная «историческая справка» открывается вводным политическим щитом, на котором отражены взгляды на феодализм представителей различных общественных классов, начиная от самых феодалов (Е. П. Адальберт, Павел I), через критику феодализма идеологами восходящей буржуазии и резкие оценки мелкой — революционной буржуазии, к марксистско-ленинской науке об обществе; итог щита — поворот в оценке феодализма буржуазией эпохи империалистических войн и пролетарских революций, когда для борьбы с «призраком коммунизма» и с развалом капиталистической системы буржуазия использует и феодальные методы (сожжение книг), когда феодализм представляется идеальной системой общества, к которой пытаются повернуть колесо истории социал-фашисты. Первый зал выставки посвящен до-революционной археологии и работе академии в ее первом этапе, несущем еще огромный груз пережитков царского времени.

Большой щит «императорской археологической комиссии», состоящей в ведении министерства двора, раскрывает ярко выраженную классовую направленность «науки» о «древности», в основном феодально-

дворянской, для которой еще феодализм как общество не существует. Интересуют только «вещи», «памятники», связанные с феодальными и рабовладельческими верхами прошлого, — драгоценности, культовые и дворцовые здания, монеты, оружие, военное дело. В погоне за «роскошными» памятниками организуются и раскопки, задачей которых является не изучение общества, поселения, орудий производства, а обогащение императорской сокровищницы — Эрмитажа. Археология служит и боевым политическим задачам — утверждению великодержавных позиций (вопрос о расселении славянских племен), обоснованию колониальных перспектив (Византия), охране дворянской культуры от революции («охрана памятников родины» — дворянских усадеб в 1905 г.) и т. д.

Октябрьская революция ломает вместе с государственным аппаратом и этот его идейный оплот. Декрет В. И. Ленина кладет начало новой советской Академии истории материальной культуры, руководство которой поручается крупнейшему ученому Н. Я. Марру.

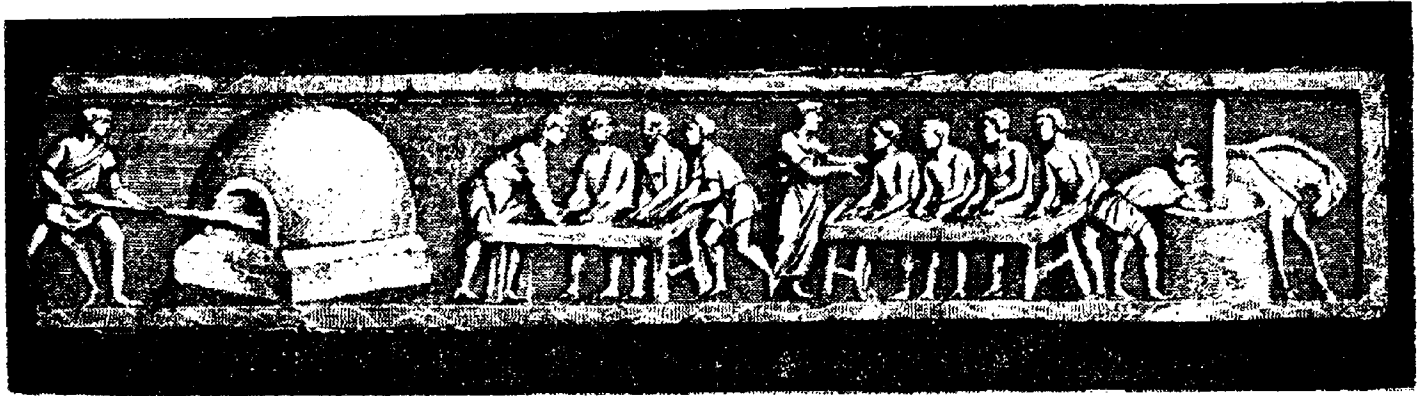
Щиты выставки демонстрируют работу «разрядов» — основных рабочих ячеек академии. Несмотря на различие задач, у разрядов много общих черт, обличающих в первые годы существования ГАИМК тяжелое наследие прошлого. Это — «ползучий эмпиризм», бессилие или нежелание выйти за пределы «вещи в себе», использовать ее как исторический источник для воссоздания картины общественного развития; сами вещи — старые вещи господствующих классов, которыми интересовалась предшественница академии, — изучаются формально типологически. Несмотря на подчеркнутый Лениным упор на историю, несмотря на гигантскую работу Н. Я. Марра, прокладывающую пути нового материалистического учения о языке в увязке с историей материальной культуры, значительная часть работников академии все еще не использует новых путей. Напротив, некоторые ее работники «кооперируются» в своих интересах и работе с эмигрантской зарубежной «археологией», саботируя на деле прогрессивные начинания руководства академии во главе с Н. Я. Марром. В отношении организации работ большинство разрядов характеризуется отсутствием единого плана и четкой формулировки своих задач, работа разрядов, как правило, представляет собой механическое соединение

тем, индивидуальное выдвинутых сотрудниками.

При всех этих недостатках «дореформенная» ГАИМК однако провела большую работу по накоплению фактов, их систематизации, часто ошибочной и беспомощной, но проложившей некоторые пути к освоению огромных залежей накопленного материала.

Сдвиг намечается в 1929 г., с возможностью бросить и на «археологический» фронт партийные руководящие силы. Прежде всего определяется основная установка — история материальной культуры есть история материального производства, история общественной техники, орудий труда — прежде всего. Исходя из этой марксистско-ленинской характеристики задач академии, перестраивается структура ее — первоначально путем организации одного исторического отделения, объединяющего укрупненные «разряды», и наконец созданием секторов по изучению истории материального производства общественно-экономических формаций; вместо застывших «разрядов» основной рабочей ячейкой становится бригада, объединяющая работников единством изучения той или иной проблемы. Создается и сектор феодальной формации.

Второй зал выставки представляет собой развернутый на десятке щитов отчет феодального сектора и его бригады о работе за 2½ года (1930 — 1933). Вначале большая книжная выставка работ Н. Я. Марра в линии истории феодализма и щит, освещающий основные установки работ Н. Я. Марра по изучению истории материальной культуры эпохи феодализма, затем щиты сектора, дающие общую характеристику работ, тематики, его предприятий, структуры, личного состава и пр. Наиболее полно отражают новые формы и содержание работы ведущие лозунги — «От ползучего эмпиризма, прикрывающего буржуазную идеологию, — к марксистско-ленинскому изучению исторического процесса» и «От механического соединения случайных тем отдельных сотрудников разрядов — к единому плану сектора». В тематике сектора видное место занимает вопрос о критике научного наследия, с одной стороны, и разработка марксистско-ленинской теории феодальной формации на основе изучения классиков марксизма-ленинизма в приложении к конкретно историческим проблемам — с другой стороны. Крутой перелом в жизни академии не мог не вызвать этих неизбеж-

Римский рельеф. Сцены мукомольного производства и хлебопечения

но вставших насущных вопросов, без разрешения которых была бы невозможна постановка частных исследований по трем основным разделам: 1) генезиса феодализма, 2) мануфактурного периода и генезиса капитализма и 3) феодализма у народов востока СССР. Осуществления этих задач сектор мог добиться на базе того количественного и качественного роста личного состава, который отображают диаграммы выставки о составе сотрудников и аспирантуры, — на базе усиления партийно-комсомольской части коллектива сектора, при условии крепнущего руководства академии. Сектор в своей работе выходит за пределы академии, такова работа по терминологическому словарю (совместно с Историко-археографическим институтом академии наук), работа по паспортизации памятников, подлежащих охране, и др. При всех положительных чертах не обошлось без срывов — сектор имел прорыв в 1932 г. Показатели работы 1933 г., развернутые на щитах бригад, демонстрируют высокую активность годового плана.

Бригада сельского хозяйства эпохи феодализма, наиболее активная группа сектора, отчитывается в своей двухлетней работе.

Тематика бригады показывает, что она в значительной мере переросла свои рамки: наряду с темами специально по истории сельского хозяйства (работы Б. Л. Грекова, В. В. Мавродина, асп. В. Ф. Зыбковца) вырастают темы, ставящие вопросы развития феодальной деревни как поселения, развития классовых противоречий в деревне (работы Н. М. Воронина, В. В. Мавродина, асп. И. И. Смирнова). Бригада, развиваясь в ногу с сектором, фактически становится бригадой по истории русского феодализма с уклоном интересов в сторону развития деревни.

Историографическая бригада, несмотря на краткость отчетного срока (6 месяцев).

показывает ряд своих работ по критике буржуазно-дворянской археологии и истории и, с другой стороны, по проработке новых методов использования и критики исторического источника. Здесь, в кратких аннотациях, дано содержание или планы работ, посвященных столпам старой археологии И. Е. Забелину, Уваровым, Н. И. Кондакову и другим.

Щит бригады феодализма на востоке СССР отражает особенность этой бригады, состоящей в основном из аспирантов; работа бригады и направлена в сторону подготовки смены ее руководства, обсуждения отдельных этапов работы аспирантов над диссертацией.

Научно-исследовательская работа небольшого кадра сотрудников идет как в историческом направлении (работа А. Васильева и А. Ю. Якубовского), так и по линии разработки конкретных тем по ремеслу (К. В. Тревер) и по истории феодального города в Средней Азии (А. Ю. Якубовский). Наиболее богат щит бригады по истории мануфактурного периода и генезиса капитализма. Здесь богато иллюстрированы вещественным и графическим материалами основные темы бригады. Привлекают особое внимание работы Н. Н. Дмитриева по истории ситценабивной мануфактуры, коллективная работа Н. Б. Бакланова, асп. И. И. Смирнова и В. В. Мавродина по истории железодельных заводов, Н. Б. Бакланова по ранним моментам уральской горной и металлообрабатывающей промышленности, А. И. Розенберга по истории Мюнстерской коммуны, А. С. Полякова о ремесленной промышленности в Китае, А. Л. Якобсона по текстильной промышленности в крепостном хозяйстве.

Третий и последний зал выставки демонстрирует экспедиционную деятельность сектора и роль материального памятника в его

работах. Здесь разработка материалов раскопок 1910—1911 гг. в Старой Ладого, представляемая сводками, чертежами раскопок поселения и массой фотографий. Раскопки феодального города Эски-Кермека в Крыму отображены основной своей стороной—показом разрешенной путем археологических изысканий проблемы водоснабжения горного Крыма, состоящей в использовании техники древнего волопровода (раскопки Ф. И. Шмита и Н. И. Репникова). Раскопки в Новгороде (М. К. Каргера и А. В. Арциховского), несмотря на небольшой размер, вскрывают интересный участок древнего поселения с несколькими наслоениями жилищных остатков; отчетливо сохранившееся чередование культурных слоев позволяет ставить вопрос о дальнейшем археологическом изучении города путем планомерных раскопок. Также небольшие по охвату раскопок раскопки в Псковском кремле (К. К. Романов) должны быть рассматриваемы как разведка, позволившая установить характер напластования культурных слоев вплоть до древнейшей поры. Работы по линии изучения Средней Азии представ-

лены чертежами памятников зодчества Бухары и Самарканда (А. П. Удаленкова).

Таково содержание выставки феодального сектора, позволяющей подойти вплотную к работам прошедшего пленума. Работа пленума сама является показателем роста академии за последние годы, показателем того, что академия подошла к новому повороту, закономерно вытекающему из всей предшествующей работы и из новых задач, выдвигаемых социалистическим строительством. От изучения истории материального производства в узком смысле слова, являющегося лишь одной, хотя и важнейшей стороной исторического процесса, академия переходит к изучению истории докапиталистических формаций во всем ее объеме, во всей сложности ее проблем. Пленум показал, что этот поворот академия успешно реализовала, опираясь на сосредоточенный в ее стенах высококвалифицированный научный состав, под руководством крупнейшего мирового ученого Н. Я. Марра. Пленум показал, что академия на деле стала единственным в Союзе институтом истории докапиталистических формаций.

К ПРОБЛЕМАМ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

(Классовая борьба в цехах)

Постановка на очередь изучения ряда основных проблем классовой борьбы феодального общества имеет не только научно-исторический, но и актуальный интерес.

Никогда так откровенно и так часто буржуазия не обращала своих взоров в глубь средневековья, черпая и прямо заимствуя отсюда и методы своей борьбы с пролетариатом, и формы своей организации, и ритуал своих культов, как в настоящую эпоху всеобщего мирового кризиса капиталистической системы и фашистского наступления на революционный пролетариат, ведущий борьбу за свержение капитализма. Настоящая статья является попыткой поставить одну из проблем классовой борьбы в эпоху феодализма, а именно проблему борьбы классов в феодальном городе, ставшем с самого начала ареной столкновения между нарождающимся буржуа и будущим предпролетариатом.

Маркс различает два вида феодальной собственности: «С одной стороны, земельная собственность с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, распоряжающегося трудом подмастерьев»¹. Под вторым видом собственности Маркс подразумевает индивидуальную частную собственность, при которой в основном собственный труд соединяется с собственными орудиями труда. Энгельс специально разъясняет, что наличие подмастерьев не противоречит характеру мелкого товаропроизводства цехов.

«При средневековом производстве товаров право собственности на продукт основывалось на личном труде. Даже там, где посторонняя помощь имела место в производстве, она в большинстве случаев играла лишь второстепенную роль и вознаграждалась не одною лишь заработной платой: це-

ховой и подмастерье работали не столько ради платы и содержания, сколько ради собственного обучения и подготовки к званию самостоятельного мастера»².

«Действительный дуализм средних веков» (Маркс) основан на расчленении земельной собственности, при котором собственником земли является помещик-феодал, а владельцем, сидящим на ней, — крепостной или просто феодально-обязанный крестьянин. Это расчленение приводит к необходимости (крестьянин — владелец) и возможности (феодал — собственник) внеэкономического принуждения.

Городская феодальная собственность лишена этого дуализма, этой двойственности. Мастер и ученики, мастер и подмастерье не выражают расчлененности собственности на собственность и владение. Подмастерье в отличие от феодального крестьянина: а) не ведет отдельного, собственного хозяйства, б) работает вместе со своим господином и в) имеет законное право сам стать господином, т. е. владельцем, став полноправным членом цеха — мастером.

Феодальный крестьянин является зародышевым индивидуальным частным собственником, борющимся за превращение в полного и свободного индивидуального частного собственника. Городской ремесленник уже является носителем индивидуальной собственности, часто однако и городская ремесленная собственность не является полной, свободной индивидуальной частной собственностью. Она корпоративна, сословно связана. Ей присущи элементы внеэкономического принуждения. Вот почему она все же является видом феодальной собственности. Ее сила — в отсутствии дуализма земельной собственности. Ее феодальность — в сословной связанности, в элементах внеэкономического принуждения. Элементы сословной связанности и внеэкономического принуждения ярко выявлены в наследственности привилегий мастера, в положении ученика и во взаимоотношениях его с мастером, в порядке найма подмастерьев.

Обобщающий сложившиеся обычаи статут 1581 г. устанавливал вдвойне сокращенный срок ученичества для сыновей мастеров. Дети мастеров зачастую зачислялись в цех только в силу самого факта своего потомственного ремесленного происхождения.

Если старшему из принятых в Гавре в

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 15.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 273.

1731 г. в цех сыновей мастеров было 11 лет, то младшему—только 18 месяцев¹.

Характерно, что с разложением цехов развилась продажа цеховых привилегий. Так, если в XIV в. устав парижского цеха мерильщиков и разносчиков соли предоставлял право одряхлевшим и больным мастерам найти себе заместителей, которые должны были кормить их до смерти, то со временем обедневшие мастера стали пользоваться своей привилегией контрабандно, устраивая нечто вроде черной биржи по продаже цеховой марки. Раззавалившиеся и ожесточившиеся цехи стали ожесточенно бороться против этого.

Жестокую борьбу со стороны разбогатевших мастеров против продажи своего имени мы можем проследить и у лионских шелкоткачей на протяжении XVII и XVIII вв.² Наследственной привилегированности мастеров соответствует замкнутость в отношении приема новых членов. Замкнутость со временем увеличивалась, но элементы ее существовали с ранней поры городского развития, так же как элементы внеэкономического принуждения в отношении ученика. Если ученик убегал от мастера, никакой другой мастер не имел права его принимать, и беглец подвергался специальному розыску. Мастер пользовался и злоупотреблял правом телесных наказаний. Судьба учеников находилась в руках мастеров, и так же, как мастера иногда перепродавали своих учеников, а иногда насмерть забивали их, так же они могли при соответствующей заинтересованности вступить в сделку с учениками. Из статута руанских прядильщиков мы узнаем, что ученики иногда покидали своего мастера и подавали ходатайство на вступление в цех ранее окончания четырехлетнего срока ученичества, покупая при этом молчание своего мастера³. У гаврских суконщиков и кожевников ученик, покинувший досрочно своего мастера, был обязан сызнова начинать свое ученичество⁴. У бакалейщиков Амьена требовалась уплата 1.500 ливров для того только, чтобы ученик мог сделаться кандидатом в мастера⁵. В том же Амьене

¹ Martin Alphonse, Les anciennes communautés d'arts et métiers du Havre. Havre, 1880, стр. 38.

² Pariset, Histoire de la Fabrique Lyonnaise.

³ A. Chéruel, Histoire de Rouen pendant l'époque communale (1150—1382), Rouen, 1843, т. II, стр. 264.

⁴ Martin Alphonse, Les anciennes communautés d'arts et métiers du Havre, стр. 21.

⁵ Germin Martin, Les associations ouvrières au XVIII siècle (1700—1702), Paris, 1900, стр. 17.

слесарный цех отражал свою замкнутость методами грубого физического насилия. Слесарный подмастерье Андре Тоннель пять раз наново начинал работу над шедевром, так как каждый раз в его отсутствие представители цеха уничтожали его работу.

Эти позднее разившиеся формы внеэкономического нажима выросли из элементов внеэкономического принуждения, имевших и ранее место во взаимоотношениях мастера и учеников. Тот же характер строгой регламентированности и элементов внеэкономического принуждения имел и наем рабочей силы.

Например статут парижских кожевников устанавливал (1565 г.), что вновь входящий рабочий может быть нанят мастером, к которому он сам обращается, только в том случае, если у данного мастера нет ни одного работника. В противном случае он обязан направлять его к другим мастерам. Мастер, имевший трех рабочих, должен был одного из них уступить мастеру, не имевшему ни одного рабочего⁶. Так же, как не должно было быть земли без господина, не должно было быть и подмастерья без мастера. В этом отношении мы наблюдаем полную согласованность цеховых статутов и распоряжений государственной власти.

В 1287 г. парижский цех красильщиков заявляет, что многие подмастерья остаются без работы, и в качестве целебного средства предлагает удлинение срока ученичества. Статут сапожников Парижа 1574 г. заявляет, что подмастерья, которые пробудут в Париже три дня, не найдя мастера, должны подвергнуться тюремному заключению. Цех парижских портных в статуте 1583 г. ставит обязанностью всех рабочих и подмастерьев, являющихся в Париж, немедленно найти себе хозяина-мастера и оговаривает это обязательство угрозой телесных наказаний⁷.

Наличие внеэкономического принуждения целиком подтверждает данную Марксом и Энгельсом характеристику патриархальности взаимоотношений — «мастер—ученик». Вне подчеркивания элементов внеэкономического принуждения не понятна особенность и своеобразие промышленного вида феодальной собственности. Вне элемента внеэкономического принуждения мастер гораздо быстрее и полнее развился бы в маленького капиталиста. Недаром статуты прядильщиков Руана (начало XIV в.—1309, 1329, 1338 гг.)

⁶ Hauser, Ouvriers du temps passé, Paris, 1889, стр. 61.

⁷ Там же.

разрешают иметь подмастерьев только тем мастерам, которые в состоянии «иметь их на своем хлебе, на своем горшке и на своей работе»¹.

Итак, городская мелкая собственность знает внеэкономическое принуждение, хотя и в резко ослабленной по сравнению с земельной собственностью форме. Вместе с тем городская собственность лишена того дуализма, который свойственен земельной собственности. Именно поэтому город является одновременно и типично феодальным явлением и центром разложения феодализма.

Город является наиболее благоприятной почвой для развития эмбриональной (зародышевой) прибыли и вместе с тем для зарождения категории заработной платы. Однако феодально связанное городское ремесло тщательно оберегалось от расслоения.

Борьба цеха с зародышевым развитием категории заработной платы видна на примере охраны самостоятельности мастеров. § 9-й устава сукноткачей Сент-Марселя от 1371 г. гласит: «Чтобы ни один мастер ткачества не мог брать никакой работы, которую он бы не делал или не давал бы делать в своем помещении без того, чтобы передавать ее другому ткачу...» Этот параграф направлен против того, чтобы мастер стал как на положение домашнего рабочего, так и на положение предпринимателя.

§ 34-й того же устава снова подчеркивает это положение, запрещая мастерам-ткачам содержать станки вне своего помещения².

На ранних ступенях цех заинтересован в наименьших возможностях обогащения каждого мастера, в отсутствии свободной рабочей силы, а отсюда в наилучшей выучке рабочей силы. Статут парижских эмальщиков от сентября 1309 г. разрешает мастеру держать ученика только сроком не менее десяти лет и нанимать второго лишь по истечении половины этого срока. «Если существующие ныне мастера,—говорит статут,—имеют двух или трех учеников, то они не могут никого больше взять ранее, чем последний ученик отслужит половину»³. Но с развитием производительных сил, с перерастанием мастеров в хозяйчиков мастера требуют права иметь большее число учеников (например Лион, печатники). Все

эти процессы и особенности городского ремесла находят выражение в соответствующих формах классовой борьбы.

Очень любопытна в этом отношении фигура подмастерья. С одной стороны, он борется за сохранение привилегированного положения, за право стать мастером, но объективно же он борется против феодальной привилегированности индивидуальной частной собственности, против внеэкономического, незаконного принуждения. Ученик является бесплатной рабочей силой. В учениках ярко выражен элемент внеэкономического принуждения, и подмастерья, все реже попадающие в мастера, вынуждены протестовать против ученичества, бороться против учеников. Яркий пример—стачка лионских типографщиков-подмастерьев в 1539 г. Каждый пресс требовал 5 рабочих. Если количество учеников было ограничено одним-двумя, то это давало некоторый простор для работы наемных подмастерьев. Не желавшим примкнуть к стачке подмастерьев ученикам забастовавшие подмастерья угрожали исключением из братства. Забастовщики держали себя вызывающе, расхаживали по городу группами со знаменами и всячески грозили ученикам. 31 июля 1539 г. лионский сенешал закрыл организацию подмастерьев, специально запретив им угрозы по отношению к ученикам и применение к ним насилия. Запрещены были какие-либо организации подмастерьев. Эдикт короля от декабря 1541 г. несколько укорачивал рабочий день, но сохранял неограниченное количество учеников, т. е., как раз то, против чего ожесточенно боролись подмастерья. Однако подмастерья не унимались и наконец в 1573 г. добились указа короля о законодательном ограничении числа учеников⁴.

В XIII в. еще в некоторых парижских цехах подмастерья имели право сами иметь учеников, например у парижских токарей⁵. Но уже в XIV в. дело меняется. Например устав парижских камзолщиков в 1323 г. устанавливает, что «ни один подмастерье данного ремесла не сможет держать ученика»⁶.

Борьба подмастерьев против внеэкономического принуждения не ограничивалась борьбой против учеников. В некоторых слу-

¹ Chéruef, Histoire de Rouen pendant l'époque communale, стр. 93.

² Fagniez Gustave, Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et XIV siècle. Appendice, стр. 339.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Hauser, Les suites d'une grève au XVI siècle. Hauser, Ouvriers du temps passé, стр. 179 и след.

⁵ Martin Saint-Léon, Le compagnonnage, Paris. 1901, стр. 20.

⁶ Fagniez, там же, приложение, стр. 373.

чаях подмастерья не допускали к работе сыновей мастеров, прошедших ученичество у своих отцов. Но своеобразие, феодальное существо подмастерьев выразилось в том, что при этом они настаивали на допуске к работе только сыновей подмастерьев.

Борьба подмастерьев с мастерами есть, с одной стороны, борьба за узаконение незаконнорожденной, с феодальной цеховой гочки зрения, категории заработной платы, с другой стороны — за недопущение ее.

Специфика цехового подмастерья заключается в том, что он хочет быть индивидуальным частным собственником, а объективно вынужден бороться за свободу продажи труда.

И хотя организации подмастерьев связаны всеми экономическими и идеологическими предрассудками феодализма, но они определенно умеют объединяться против мастеров.

В 1770 г. в Туре мастера-слесари умоляют полицию защитить их ввиду того, что подмастерья всех враждующих компаньонов объединились против них, убили одного присяжного и сообщая покинули город¹.

В мае 1753 г. компаньоны-стекольщики (подмастерья) Тура сообщили своим товарищам в Орлеан, что некий турецкий мастер Бертеро письменно снесся с двумя мастерами Орлеана, прося их прислать ему подмастерьев в Тур. Турские подмастерья просят предупредить всех подмастерьев Орлеана и по возможности снести с двумя упомянутыми мастерами для того, чтобы воспрепятствовать присылке подмастерьев, так как Бертеро назвал своих подмастерьев мошенниками.

Подмастерья Орлеана с успехом исполнили просьбу турцев.

В борьбе с подмастерьями некоторые мастера прибегали к отказу от постоянных подмастерьев и ограничивались учениками и поденщиками².

По годам, месяцам и городам можно было бы представить бесконечный список записей цехами, городскими и государственными властями организаций подмастерьев. В 1739 г. мастерам Парижа предложено проявлять собственную инициативу в деле ареста подмастерьев.

Еще королевский эдикт от июня 1559 г. карал смертью незаконные организации, и в первую очередь рабочие. 14 марта 1655 г. была опубликована сентенция теоло-

гического факультета Сорбонны, объявившая соучастие в компаньонаже смертельным грехом. Сентенция 1655 г. и эдикт 1559 г. описывают одни и те же организации. Таким образом церковь и государство единодушно выступают против подмастерьев.

Борьба церкви и королевской власти против компаньонажа выявляет существо борьбы подмастерьев, борьбы, объективно направленной к подрыву устоев старого общества.

Вмешательство компаньонажей в организацию найма и вообще в распорядок работ все усиливается, особенно в XVIII в. С другой стороны, и хозяева все больше прибегают к методам организованной борьбы. В 1754 г. возникает национальная коалиция хозяев против подмастерьев в Бордо. Патроны Бордо разослали письма своим коллегам по городам, где были многочисленные компаньонажи, чтобы они поклялись не брать ни одного подмастерья, иначе как только через Бюро найма, организованное хозяевами, и нанимать подмастерьев из других городов только в том случае, если у них будет хороший отзыв от прежнего хозяина. Многие города восторженно отозвались на применение статута Бордо³.

С развитием капитализма все больше объединяются два ранее враждовавших лагеря — подмастерье и ученик.

21 февраля 1785 г. Тулуза запрещает ученикам и подмастерьям вооружаться палками или дубинами, собираться больше четырех и вмешиваться в определение на работу рабочих и подмастерьев.

С развитием капиталистических отношений ремесло, представлявшее ассоциацию индивидуальных частных собственников, подвергалось разложению. В XIII в. цех парижских ткачей уже различал «больших и малых» купцов, и тогда же парижские кожевники говорили о богатых и бедных мастерах.

Со временем в ряде городов обедневшие мастера, превратившиеся фактически в домашних рабочих, работавших на разбогатевших мастеров, отделяются и организационно под разными названиями: «маленьких купцов», «мастеров-рабочих», «мастеров-фабрикантов», между тем как мастера-работодатели именуется «большими купцами», а иногда и «мастерами-фабрикантами». Между теми и другими обостряются распри, особенно участвовавшие в XVIII в. В 1711 г. Ком-

¹ Germin Martin, там же, стр. 94—95.

² Hauser, там же, стр. 36.

³ Germin Martin, там же, стр. 178.

мерческий совет разбирает подобные распри между объединением торговцев чулками и мастерами-чулочниками¹, в 1713 г. между купцами-фабрикантами парчи Парижа и мастерами-штучниками², в том же году о разногласиях купцов шелка в Ниме с мастерами-рабочими, «производящими шелковые материи за счет других», в том же году между чулочниками Сент-Антуанского предместья и мастерами-галантерейщиками и чулочниками Парижа³ и так далее.

В эту эпоху с мастерами-рабочими происходит то же, что раньше с подмастерьями: субъективно они борются за свою самостоятельность, за сохранение цеховой полноты и привилегированности, а объективно — за развитие категории заработной платы. В этом отношении очень показательна стачка 1744 г. шелкоткачей в Лионе⁴. В ней боролись подмастерья совместно с мастерами-рабочими. Ненависть закабаленных мастеров-рабочих к мастерам-фабрикантам велика, потребность в работе так сильна, что лионские мастера-рабочие еще в середине XVII в. отстаивают свои права работать и на внецеховых мастеров и купцов, а не только на мастеров-фабрикантов (мастера-фабриканты требовали, чтобы мастера-рабочие работали только на них в целях сохранения дешевой внутрицеховой рабочей силы). Мастера-рабочие являются вторым по времени (первые — подмастерья) продуктом противоречий, взорвавших феодальное городское ремесло. В течение всего XVII и XVIII вв. лионские мастера-рабочие не прерывали своей борьбы с мастерами-фабрикантами.

Все это время мастера-рабочие борются, с одной стороны, против низведения их на роль рабочих-подмастерьев, с другой стороны — против цеховых привилегий, поскольку эти привилегии бьют по ним.

В городе, служившем колыбелью развития категории зарплаты, вместе с тем развивались и те наиболее радикальные слои (рабочих-поденщиков), о которых Энгельс писал как об элементах, «стоявших вне феодального сословного строя, находившихся в положении почти что париев, элементов деклассированных, которые неизбежно дол-

жны были образовываться вместе с возникновением городов», и которые «постепенно, с разрушением феодальных связей, становились тем пролетариатом, который в 1789 г. произвел «революцию в парижских предместьях»⁵. Вначале эти почти что парии (поденщики) являются отбросами и разрушителями стачек. Положение их ужасно. Зарабатывают они наполовину меньше (в Париже), чем подмастерья. Принимая во внимание необычайное количество праздников, а также то, что в силу технических условий работа частенько прерывалась на пару месяцев (например у горшечников Сент-Омера с ноября до февраля), положение поденщиков было особенно тягостным. На ролях подсобных рабочих подвизались часто женщины, самый низший и самый бесправный элемент цехов.

Женщины использовались на тяжелой и неквалифицированной работе. В 1739 г. в Лионе было около 5.000 мотальщиц шелка, работа которых была физически настолько тяжела, что они постоянно заболевали⁶. Это даже вызвало призыв Лионского благотворительного общества к изобретению технических усовершенствований для облегчения работы мотальщиц шелка. Мотальщицы знали только два состояния: 18-часовой рабочий день и больничную койку. Неудивительно, что в грандиозной стачке шелкоткачей 1744 г. именно толпа женщин остановила забастовщиков, готовых вернуться к работе⁷.

Любопытно, что в этот период возникает антагонизм между мужским и женским трудом. И мастера и подмастерья против квалификации женской рабочей силы. Мастера при этом исходят из нежелания терять в женщинах наиболее дешевую рабочую силу.

Лионские мастера-шелкоткачи в 1753 г. аргументируют невозможность массового использования девушек на станках только тем, что нельзя найти мотальщиц шелка⁸. А подмастерья протестуют против вновь объявившегося конкурента труду.

В декабре 1711 г. Коммерческий совет специально рассматривает организованное ходатайство подмастерьев-ткачей Седана об официальном запрещении всем мастерам и подмастерьям-ткачам ставить девушек к

¹ Conseil du commerce et bureau du commerce, 1700—1791, Archives nationales inventaires analytiques des Procès verbaux par Pierre Bonassieux, Paris, 1900, стр. 63 б.

² Там же, стр. 71б.

³ Там же, стр. 72а и 84а.

⁴ Pierre Bonassieux, La question des grèves sous l'ancien régime. La grève de Lion en 1744. Paris, 1882.

⁵ Энгельс, Письмо Каутскому от 21 мая 1895 г. Маркс и Энгельс, Письма, под ред. Адоратского, изд. 1932 г., стр. 415.

⁶ Ballot, L'introduction du machinisme dans l'industrie française, стр. 337.

⁷ Pierre Bonassieux, там же.

⁸ Ballot, там же.

станкам¹. Один из лионских забастовщиков 1744 г. говорит: «Очень грустно нам видеть себя на улице, без работы, в то время как девушек ставят к станкам»².

Известно, что в мануфактурный период началось массовое втягивание детей и женщин в промышленность. Когда в 1788 г. благодетели Легри, Белиль и компания приехали в Алансон устраивать хлопковую прядильню, они остались довольны как местностью, так и «расположением, которое они встретили у индивидуумов обоого пола, начиная от шестилетнего возраста»³. Неудивительно, что когда в год революции (в 1790 г.) министр внутренних дел призвал предпринимателей принять к себе призреваемых детей, он встретил величайший энтузиазм, и те предприниматели, которым детей нехватало, которые не могли получить детей, так сказать, «из рук государства», обращались прямо к неимущим родителям. Например Бойе-Фонфред в своей хлопковой мануфактуре в Тулузе собрал таким путем 150 мальчиков и 150 девочек.

Начавшаяся в мануфактурный период и развившаяся с большой силой после промышленного переворота эксплуатация женщин и детей в этом последнем периоде отчасти замещала действие внеэкономического принуждения, поскольку она приводила к тем же целям — обилию и дешевизне рабочей силы.

В мануфактурный период капитализма цехи как юридически имущественная организация играли в высшей степени реакционную роль. Однако в свое время они имели прогрессивное значение: в цехах была выработана ремесленная техника, явившаяся основой промышленного производства в мануфактурный период, цехи выковали обученного рабочего.

Когда Легри, Белиль и компания в 1787 г. собирались устраивать хлопковую прядильню в Алансоне, они привезли иногородних мастериц-прядильщиц для обучения местного населения прядению⁴. Хорошие подмастерья с развитием мануфактуры были в большой цене, и специальное постановление Коммерческого совета от 4-II 1764 г. отмечает прискорбный факт переманивания подмастерьев в Эльбефе, поднятия цены за штуку⁵. Иногда небольшие цехи целиком

становились квалифицированной рабочей силой мануфактуры.

В 1775 г. «интендант Оверня пригласил фабриканта Банкаля из Сент-Мартена устроиться в Клермоне (в Оверне стали разводить шелк-сырец). Перевезши свои станки на спинах мулов (на что он просил особую дотацию), г-н Банкаль столкнулся с тем, что в Клермоне имелись только красильщики по шерсти, а не по шелку. Когда он привез красильщиков по шелку, то цех (8 чел.) стал на дыбы. Но затем Банкаль вошел с ними в соглашение: они обучились крашению шелка и стали работать на мануфактуру»⁶.

Итак, городское ремесло, разлагаясь, низводило большинство мастеров на уровень «осложненных рабочих», выбрасывая меньшинство мастеров на дорогу нового предпринимательства, и выделяло слои пожизненных рабочих, не имевших уже доступа в цех. Именно потому, что городское ремесло было ассоциацией носителей индивидуальной частной собственности, хоть и феодальной, сословно связанной, в нем через пару веков стали обнаруживаться присущие индивидуальной частной собственности противоречия—предвестники ее разложения. Именно потому, что не только человек, но и эмбриональная прибыль в городе становилась относительно свободной, именно поэтому в городе создались условия для развития категорий заработной платы. А становление заработной платы знаменует становление капитализма. Феодально-цеховой город борется с развитием категории заработной платы, и на первых порах борьба эта прогрессивна, ибо феодально-цеховая замкнутость и ограничения способствовали выработке на определенном этапе высокой ремесленной техники и обученного рабочего. Но на определенной ступени развития производительных сил борьба городского ремесла против развития категории заработной платы становится реакционной, ибо кадры обученных рабочих и ремесленная техника созданы, а феодальная связанность задерживает рост производительных сил. Классовое выражение этот конфликт находит в борьбе подмастерьев против внеэкономического принуждения, в борьбе впадших в нищенство мастеров, а самое главное—в резко изменившемся соотношении города и деревни. Мануфактура неразрывно связана с

¹ «Conseil du commerce», стр. 63 б.

² Pierre Bonassieux, там же, стр. 21.

³ Les assemblées provinciales en Normandie et le parlement de Rouen. Documents recueillis et publiés par C. Hippéau. Paris, 1869, стр. 424.

⁴ «Les assemblées provinciales», стр. 425.

⁵ «Le conseil du commerce».

⁶ Gueneau, Deux programmes régionaux d'activité Soyeuse en France au XVIII siècle, в 12-й серии «Memoires et documents publiés sous la direction de I. Haylm». Paris, 1929, стр. 12 и 15.

домашним подсобным трудом, и до развития внецеховой промышленности в деревне всякий просящий привилегию мануфактурист оговаривает не только положение центральной мастерской, но и радиус ее действия.

В 1726 г. Коммерческий совет дает привилегию на изготовление стали и железа в Козн, на 10 лье вокруг¹. В том же году Бероие дю Фрези просит о привилегии на мануфактуру сукна в Страсбурге и окрестностях. В 1729 г. у Коммерческого совета испрашивается разрешение на организацию фабрики шерсти в Париже и в 20 лье в окружности².

Буржуа были заинтересованы в освобождении крестьян от феодальной зависимости для свободной капиталистической эксплуатации их. Поэтому в мануфактурный период буржуа благосклонен к борьбе крестьянина против феодала. Не кто иной, как Вольтер, которому принадлежит яркое воспевание «свободной» капиталистической эксплуатации, который писал: «Нужно, чтобы были люди, у которых все имущество в рабочих руках да в доброй воле. Но они будут продавать свой труд тому, кто даст больше денег. Эта свобода заступает место собственности», вел, как известно, борьбу против феодализма в деревне. В то же время все больше обострялась уже в мануфактурный период борьба буржуазии и мануфактурного пролетария. Не останавливаясь подробно на таких крупных стачках, как лионская борьба 1744 г., когда разгромленный стачечниками фабрикант получил 30.000 ливров возмещения, а ученики и подмастерья были обезоружены и расстреляны, приведем один локальный, но очень характерный документ. Провинциальное собрание генералитета Алансона, состоявшееся в 1787 г., 28 ноября 1788 г. получило рапорты о состоянии разных отраслей народного хозяйства и администрации. Рапорты были составлены комиссией в составе двух представителей третьего сословия—одного от дворянства, одного от духовенства. Среди установлений, которые прославляют правление Людовика XV и заставляют благословлять его память, благотворительные мастерские стоят в первых рядах. Там находят средства к существованию и «слабые руки ребенка и ограниченные силы старости...» С учреждением благотворительных мастерских всякая испрошенная милостыня становится «кражей в отношении больного, который томится на своем

жалком ложе, и матери семейства, кормящей детей своими слезами. Деньги дает король, предоставляет их бедноте. Это облегчение король хотел сделать одновременно полезным и генералитету, вследствие чего он постановил, что благотворительное пособие будет выдаваться только как зарплата, как цена работ, которые они (беднота) делают в указанной им отрасли. Далее отметим, что эти мастерские должны начинать работать только ко времени, когда обычные работы кончаются, так как они установлены только, чтобы их дополнить и их заместить. Всегда внимательный к общему благу король хочет еще, чтобы цены рабочего дня были фиксированы немного ниже обычного тарифа для того, чтобы надежда на одинаковую и более легко зарабатываемую зарплату не оттягивала бы рабочих от их обычных работ»³.

Чтобы не оставалось сомнения в том, что этот документ точно отражал мнение буржуазии, мы напомним отношение к рабочему вопросу вождей Жиронды Роллана, Бриссо и официальный акт победившей буржуазной революции, установившей в законе 1791 г., что зарплата в благотворительных мастерских всегда должна быть ниже обычной в этом районе заработной платы. То же мы видим в отношении к женскому и детскому труду, о чем коротко сказано выше.

Итак, свое классовое выражение развитие основного противоречия феодализма (в мануфактурный период) находит в том, что буржуазия, борясь, с одной стороны, с феодализмом, с другой — с предпролетариатом, поддерживает стремление крестьян стать индивидуальными частными собственниками. Следовательно приобретенный в странах Западной Европы (в частности во Франции) буржуазией авторитет у крестьянства, на который указывает т. Сталин, является пережитком феодальной эпохи, той эпохи, когда капитализм еще развивался на антагонистической ему базе феодального хозяйства.

Естественно, что отношение цехов этого периода к деревне коренным образом разнилось от отношения к ней новой буржуазии. Цехи самым резким образом выступали против деревенской промышленности. К тому периоду уже не единичны случаи, когда абсолютизм, искусственно поддерживавший цехи, вынужден был все же, считаясь с ростом производительных сил, законодательным путем вмешиваться в охрану

¹ «Conseil du commerce», стр. 142 б.

² Там же, стр. 147б и 171а.

³ «Assemblées provinciales», стр. 388—389.

новых предприятий от покушений цехов. Так например постановление Коммерческого совета от 24 января 1726 г. запрещало «кому бы то ни было беспокоить г-на Ломбарда в эксплуатации им его шелжосушильни»¹. На своем заседании от 25 октября Коммерческий совет рассматривает ходатайство цеха фабрикантов чулков и галантерей на станках города Амьена против рабочих деревни, которые присоединились к их цеху, и против тех, которые рассеяны по Пикардии².

Так же, как в цветущий органический период городского развития противоречие городской ремесленной собственности находило свое классовое выражение в борьбе против внеэкономического принуждения учеников и подмастерьев, несмотря на то, что они субъективно стремились сами стать индивидуальными частными собственниками, так теперь буржуазия, стремящаяся экспроприировать индивидуальную частную собственность, в борьбе с феодализмом поддерживала стремление крестьянства к индивидуальной частной собственности. Она в этом заинтересована, так как процесс расслоения свободного товаропроизводителя происходит неизмеримо быстрее. «Из простого товарного хозяйства капитализм растет ежечасно и стихийно» (Ленин). К тому же после установления господства буржуазии и экономика и политика ведут к быстрой экспроприации крестьянства. Лучший пример—принявшее в XVIII в. бурные формы движение крестьян в Англии после того, как английское крестьянство было хребтом буржуазной революции XVII в. Таким образом буржуазия является союзником крестьянства в борьбе с феодализмом, но союзником, который неизбежно должен предать после своей победы, союзником лишь в целях своей победы. Только союз крестьянства с пролетариатом под гегемонией пролетариата—путь действительного освобождения крестьянства от векового рабства, залог превращения крестьянина в свободного работника социалистического общества.

На заре капитализма буржуа были заинтересованы изображать себя «рабочими».

Они воспевали мастеров, которые трудились сами наряду со своими подмастерьями и учениками. Отсюда апологетические буржуазные теории вульгарной политической экономии, что капиталист разбогател благодаря своему трудолюбию, воздержанно-

сти, способностям и так далее. Позднее стало невозможно изображать хозяина рабочим—стали изображать рабочего хозяином, опять-таки прибегая к идеализации феодализма.

В сущности все теории социал-фашизма (конструктивный социализм, теория хозяйственной демократии) строятся на пропаганде того, что рабочий может стать хозяином капиталистического предприятия. А откровенные фашисты прямо обращают, как мы отмечаем в начале статьи, свои благосклонные взоры в глубь средневековья, воспевая корпоративные феодальные организации, призывая пролетариев к «великому национальному единению» с капиталистами.

Еще в 1880 г. французская Академия наук объявила конкурс на тему «Можно ли восстановить цеховую систему?». Валлеру ответил на это работой о цехах, в которой доказывал, что цехи могут быть восстановлены в форме христианских синдикатов. Господин Альберт Тома в 1922 г. благодарил в Женеве христианские синдикаты за услуги, оказанные ими международному рабочему законодательству. А в 1921 г. в Парижском доме молодежи, являющемся социалистической организацией, докладчик по компаньонажу восхвалял милую «цеховую старину». Восхваляя ученичество и полагая, что его возвращение чрезвычайно полезно для создания «избранных ремесленников, столь необходимых, если мы хотим, чтобы Париж остался мировым центром утонченной индустрии роскоши», «в которой машина не может заменить человека», докладчик поучал молодежь проникнуться той мыслью, что ученичество является «лучшим средством против губительного инстинкта (!) лени и юношеской преступности (!), одной из язв нашего общества. Чем больше будет учеников в мастерских, тем меньше будет апашей на улицах и в тюрьмах—к большей выгоде общества, это совершенно очевидно»³.

В этом бредовом вопле послевоенного буржуа—и тоска по ручному труду, и объявленный всемирную буржуазию эпохи кризиса «бунт против машин», и фашистская демагогия—сведение рабочего вопроса к национально-моральным проблемам. Сейчас, в 1933 г., это высказывание 1921 г. нашло свое яркое воплощение в приемах «правления» кровавой «террористической дикта-

¹ «Conseil du commerce», стр. 1396.

² Там же, стр. 1346.

³ Ed. Laurent, Le compagnonnage ou confréries des compagnons du temps passé, Paris, 1921.

туры крупного капитала» в Германии, использующей в борьбе с пролетариатом давно забытые формы средневекового варварства, суеверия и тьмы.

Показ всего ужаса, мерзости и мрака феодализма, показ той классовой борьбы, ко-

торая бушевала и на этом этапе развития человечества,—лучшее раз'яснение всей отвратительной, лицемерной лживости хвalebных песнопений, которые возносят фашисты «доброму старому феодальному времени».

Вл. Лебедев

ИЗ ИСТОРИИ

БУЛАВИНСКОГО ВОССТАНИЯ

(1707 — 1708 гг.)

Булавинщина—мощное казацко-крестьянское восстание начала XVIII в.—еще не изучена нашей марксистской исторической наукой. Поэтому публикуемые документы представляют большой интерес.

Первые годы XVIII в. отличались дальнейшим закрепощением крестьян как в метрополии, так и особенно на окраинах московского государства. Усиление феодально-крепостнической эксплуатации и налогового гнета, рекрутчина, вызванная войнами Петра I, рост гнета торгового капитала, посылка крестьян на постройку Санкт-Петербурга, олонецких, воронежских, азовских верфей, Волго-Донского канала — все это способствовало обострению классовой борьбы. Особой формой этой борьбы было массовое бегство крестьян и мелкого посадского люда. Сотни челобитных о возврате беглых крестьян посыпались в московские приказы.

Характерна одна из челобитных 1707 г. от жильца Колобова. Он пишет, что «был он в походе под Астраханью и бежал его крестьянин Федор Тимофеев в Паншин городок... Потом пришел за братом Леонтьем и увел от меня отцов своих и матерей, и сестер, и братьев, и племянников, и племянниц и ограбя мой домишко без остатку и всякую рухлядь»¹.

Голод 1704 г. еще усилил этот процесс. «Избывая тяготы» помещичьи, крестьяне и мелкий посадский люд бежали на Дон и заселяли пустопорожние места по Дону, Хопру, Медведице, Бузулуку; украинские беглые люди расселялись по Северскому Донцу, Бахмуту, Деркулу, Айдару и обеим Калитвам. Характерно, что после подавления булавинщины по царскому приказу были уничтожены все верховые городки, населенные беглы-

ми «по Хопру сверху Пристанской по Бузулуку, по Донцу сверху по Лугань; по Медведице по Усть-Медведицкой, что на Дону; по Бузулуку—все. По Айдару—все. По Деркулу—все. По Калитвам и по другим задонным речкам—все. А по Иловле по Иловлинский, по Дону до Донецкой надлежит быть так как было»². По Дону до Донецкой жило старое оседлое казачество. Донское казачество издавна делилось на верховых и низовых. Низовые знатные казаки издавна пользовались рабским и наемным трудом беглых для охраны табунов, стад и домашних услуг. В верховых городках обычно селились недавно пришедшие на Дон беглые крестьяне и мелкие посадские люди. На Дону следовательно существовали две классовых группировки: старое оседлое знатное казачество, получавшее свою долю из царского жалования, эксплуатировавшее приходящих беглых, и новое голутвенное казачество, жившее в верховых городках, формально иногда не приписанное к казачеству.

К началу XVIII в. войсковой круг потерял свое значение и был заменен старшинским советом. Московское правительство опиралось на знатных низовых казаков. Во время первого Азовского похода Петр писал Гордону о постройке крепости на Каланче: «и сей наш указ был у вас тайно и кроме тебя войскового атамана, старшин, кому надлежит — иным был неведом». Старшины действительно были агентами московского правительства.

Введение соляной монополии московским правительством на Бахмутских промыслах и посылка на Дон карательных отрядов во главе с Юрием Долгоруким для возвращения беглых с Дона были поводом для мощного восстания беглых во главе с бахмутским атаманом Кондратием Булавиным. В ночь на 9 октября 1707 г. между Шульгиным колодезем и Белянской станицей булавинцы вырезали поголовно карательный отряд и убили самого Юрия Долгорукого. Из Черкаска спешно была направлена надежная армия знатных казаков во главе с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым. К ней присоединились посланные на помощь из Азова отряды царских войск и новокрещеных калмыков. Под Айдарой армия войскового атамана Лукьяна Максимова разбила булавин-

¹ Донские дела, 1707 г. от 20 марта.

² Голицов. Деяния Петра Великого, XI, 382.

цев. Булавин с некоторыми приверженцами бежал в Запорожскую Сечь.

Мы не имеем «прелестных писем», относящихся к этому периоду булавинского восстания. Известно только, что пойманные булавинцы показали: «Собирались итти доставать твои государевы украинные города Мачицкий, Тор, Изюм и в Изюме зимовать», а другие говорили, что хотят «итти на наши холопы городки» (т. е. низовых знатных казаков.—В. Л.).

В феврале 1708 г. булавинцы появляются в урочище Вороне близ Запорожья. Оттуда посылаются первые «прелестные письма» К. Булавина, зовущие вольных всяких чинов людей «в черны вершины самарские».

Первым забил тревогу киевский губернатор Голицын, писавший, что «вор Булавин стоит в урочище с запорожцами... и хотят разорить Тор, Маяк и Изюм взять с артиллерией и итти на Русь бить бояр»¹.

От урочища булавинцы двигаются к донским верховым городкам, населенным беглыми. Центром восстания становится Пристанский городок на Холпе. На круге в городке Пристанском решают «итти на Черкасской, разорить Азов, а потом до Москвы, а в Азове и на Москве и во всех городках вывезти им бояр, да прибыльчиков, да немцев»². Во все городки Булавиным посылаются письма, мобилизующие казаков и беглых.

В украинные уезды и в метрополию посылаются «прелестные письма». В письме, poslanном в русские города и села и деревни, говорилось, что «надо встать друг за друга всем начальным добрым и черным людям за Дон и за пресвятую богородицу». В этом письме главная мысль — это «худым людям князьям и боярам и прибыльщикам и немцам за зло не молчать и не слушать». Лозунг «против бояр и прибыльчиков» пронизывает письма булавинского восстания, протекавшего во время расцвета меркантильной политики московского государства.

В некоторых списках «прелестных писем» К. Булавина указывалось о посылке «до города Тулы, а больше не посылать ради того, что мы все войском в том городе Туле будем и сие письмо спросим»³.

«Прелестные письма» появляются в ряде деревень Козловского и Тамбовского уездов. В деревне Михайловской булавинцы поймали подьячего и заставили читать «воровское

письмо», в котором было написано, чтобы дворян и подьячих перевязывать, присылать к ним, ворами (т. е. восставшим.—В. Л.), «и того подьячего и с ним стрельцов они вору били и хотели посадить на кол»⁴.

В другом «прелестном» письме говорилось, чтобы «крестьяне на великого государя (в государевых волостях.—В. Л.) хлеба не сеяли, а пахали б на себя»⁵.

Восстание охватило уезды Придонья и Слободской Украины. Булавинцы появляются в Полтавском, Усердском, Харьковском, Валуйском уездах. Киевский губернатор в своих донесениях предупреждает, что «без прибылых людей Украины держать невозможно», так как население ненадежно, и умоляет прислать «великорусские полки». Особенно ярко ненадежность населения видна при взятии булавинцами Ямполья, где «ямпольцы все к ворами пристали»⁶. В охваченных восстанием уездах устанавливается казачье самоуправление, избираются атаманы и есаулы («молодые товарищи»). В городе Тамбове при приближении булавинцев собрались окрестные жители — 300 человек, которым роздали свинец и порох, и «они, не дождавшись окончания молебного пения, из города вышли»⁷. Со всех сторон летят сообщения, что работные люди на лесных разработках и сплаве леса связывают своих начальных людей и переходят к восставшим.

Булавинцы захватывают Боровское, Бобров, Борисоглебск. В Бобровском с особым ожесточением рвут документы в крепостной избе. Всюду избивают воевод и подьячих, распускают колодников.

В Борисоглебском уезде устанавливается казачье самоуправление, и выборные атаманы и есаулы проводят мобилизацию половины уездных и городских жителей. По письму атамана Мешка производился набор добровольцев для похода на Пензу.

И в России в большинстве уездов происходили крестьянские волнения: избивание помещиков и их людей, поджоги усадеб, запихивание, закашившие и «посечение ржи».

В Поволжье бушевало восстание татар, мари, вотяков. На Урале продолжалось башкирское восстание. Восставшие инонационалы подходили почти к самой Казани. Угнетенные народности восстали против прищ-

¹ Из Нежина, 18 февраля 1708 г.

² Кабинет Петра Великого. Входящие, II (1708 г.).

³ От Волконского (Кабинет Петра Великого. Входящие, 1708 г., стр. 436).

⁴ Кабинет Петра Великого. Входящие, I—II, 731 (1708 г.).

⁵ От Колычева, 30/III 1708 г. (Кабинет Петра Великого).

⁶ От Шидловского, 9 мая 1708 г.

⁷ Кабинет Петра Великого. От Волконского.

лых колонизаторов, служилых людей и монашеской. Наравне с русскими крестьянами они боролись за свободу мелкого производителя.

Булавинщина действительно «заколыхала» всем московским государством, угрожая существованию диктатуры крепостников-помещиков. Это было в то время, когда шведские войска Карла XII приближались к русским границам и было получено предупреждение об измене Мазепы.

Московское правительство спешно провело мобилизацию господствующего класса. Не брали только стариков и явных калек. Угроза новой разинщины заставила снять боевые части с фронта и назначить командующим против булавинцев—Василия Долгорукого — брата убитого Юрия Долгорукого. Армия, направленная против булавинцев, достигала 32 тыс. чел.

Между тем Булавин сухим и водным путем двигался к Черкасску. По плану Булавина надо было идти сперва на черкасских старшин и зажиточных казаков, расправиться с ними, а потом пойти к Азову, присоединить к себе там работных людей и ссыльных и с ними после идти на Москву.

На самом Дону разветвляется классовая борьба, старшин сажают в воду. Против булавинцев направляется спешно мобилизованная армия во главе с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым, подкрепленная отрядами из Азова. В апреле 1708 г. произошла встреча этой армии с булавинцами. Случилось совершенно неожиданное. Мобилизованные верховые казаки устроили братание и перешли к булавинцам, захватив «4 пушки, свинец, казну, восемь тысяч (рублей.— В. Л.), пожитки и обоз»¹.

Такое же явление происходит в Черкасске.

Черкасск был сильной крепостью, здесь находились 44 пушки, большой запас пороха и боевые припасы. 1 мая 1708 г. в Черкасске происходит восстание. Булавинцам выдают войскового атамана Лукьяна Максимова со старшинами. Булавинцы занимают город. Происходит конфискация имущества видных старшин и войскового атамана, которых публично казнят. Других старшин отправляют в ссылку в верховые городки. Было конфисковано церковной казны 20 тыс. рублей и распределено среди восставших. 9 мая 1708 г. Булавина выбирают в войсковые атаманы. На войсковых кругах выявилась обостренная классовая борьба

между низовым и верховым казачеством. Атаманы Некрасов и Драной говорили в кругу гольтубе, что надо «черкасской природы казаков всех побить и пожитки их разграбить»².

Часть зажиточного низового казачества, тесно связанная торговлей с метрополией, хотя и была враждебна военно-феодальной политике московских крепостников, но, почувствовав после казни и конфискации имущества старшин угрозу от плебейских элементов, вступила на путь заговоров. Булавин из Черкаска посылает письма к царю, где говорится, что восставшие сменили Лукьяна Максимова и старшин за их несправедливость и чтобы «он царь своих полков не посылал, а если посланные полки их казачьи городки разорять будут всеми реками они могут уйти на другую реку». По получении письма от Булавина Петр I писал 28 мая 1708 г. В. Долгорукому: «Ты больше над казаками и их жилищами ничего не делай, а войско собирай по первому указу и стань с ним в удобном месте».

Письмо к царю являлось попыткой Булавина выиграть время. Он одновременно писал письма к своим союзникам запорожцам и посылал атамана Драного с войском к украинным уездам. Драной в свою очередь торопит запорожцев оказать «вспоможение».

Булавин посылал одновременно письма к раскольникам—кубанским казакам с предложением о заключении братского союза.

Другие письма Булавин посылал «Ачюевскому владетелю Хасяну паше» и «кубанские орды владетелю Сартлану-Мурзе и всем кубанским мурзам». В этих письмах Булавин предлагал заключить мирные договоры.

Наконец Булавин приступил к завязыванию самостоятельных дипломатических отношений с «турским салтаном».

В Азов Булавин послал ультиматум с требованием немедленного возврата угнанных лошадей и освобождения арестованных булавинцев, а также возвращения находящегося в Азове на хранении имущества казненных старшин и войскового атамана.

В Белгород посылается требование о немедленном освобождении арестованной жены Булавина с сыном. В случае неосвобождения Булавин грозил послать на Белгород 50 тыс. войск.

¹ Донские дела, 14 апреля 1708 г.

² Входящие бумаги, 1708 г., часть II, стр. 192.

К Воронежу Булавиным были посланы отряды с атаманом Хохлачевым. На Волгу был снаряжен Некрасов с гольгтьбой. Этот отряд 13 мая подошел к крепости Дмитриевску на Камышенке, где происходит восстание местных жителей, побросавших в воду полкового писаря и бурмистра соляной продажи. После захвата Дмитриевска булавицы перерезали Волгу и стали захватывать торговые суда патриарха и московских гостей.

Булавицы направились к Саратову, ожидая, что жители его подобно камышинцам перейдут к булавицам. Действительно, некоторые из саратовских жителей были активными участниками булавицких отрядов. Только благодаря нападению калмыцких войск, шедших во главе с подкупленным царским правительством Манатемировым сыном Четырем на усмирение башкирского восстания, удалось отогнать булавицев от стен Саратова.

Так кончилась неудачей попытка булавицев прорваться за Волгу на соединение с восставшими угнетенными народами: татарами, мари, вотяками и башкирами, с которыми у булавицев были связи. Об этих связях говорит один из документов:

«... При нем калмыке Загалдае приехали в Яицкий городок три башкира и с ними их войсковой татарин Телесбот и говорил он башкирец с ним Загалдаем, что их в собрании многое число, а согласие между собой имеют с казаками и каракалпаками, и с донскими воровскими людьми, и с кубанцами и положено де на том, чтоб друг друга не выдавать и всем заодно»¹.

7 июня 1708 г. булавицы осадили Царицын. Посланный из Астрахани полк под командой Бернера был вдребезги разбит булавицами. При помощи камышинцев и работных людей с захваченных торговых судов булавицы пошли на приступ малой крепости (где засел воевода с войсками) и взяли ее с боя.

Между тем царское правительство, получившее известия о наступлении булавицев на Волге для соединения с восставшими башкирами и о переписке с кубанскими и запорожскими казаками, с мурзами и турецким султаном, издало приказ о немедленном наступлении.

Булавин предпринял решительный шаг. Надеясь на помощь работных людей Азова и Таганрога (где накануне был открыт заговор), Булавин 5 июля 1708 г. бросил свои

военные силы на Азов, стараясь пробраться к матросской и плотничьей слободе. Благодаря пушечной стрельбе с укреплений крепости и с боевых кораблей булавицы с большими потерями вынуждены были отступить.

Неудача под Азовом ободрила знатных казаков, устроивших заговор и осадивших курень, где находится Булавин. Атаман отстреливался, но, видя безнадежность своего положения, застрелился.

Известие о самоубийстве вождя восставших вызвало сильнейшее ликование правительства дворян-крепостников. Булавицкое восстание приравнивалось к разинщине, было вынесено решение о совершении молебствия и пушечной стрельбы. В царской ставке в Горках стрельба была настолько сильна, что ее слышали в шведском лагере.

Атаман Некрасов, узнав о самоубийстве Булавина, послал письмо в Черкасск с требованием ответа о причинах смерти Булавина и угрожал походом на знатных казаков. С уходом Некрасова с его отрядом в Царицыне осталась «гольгтьба» с атаманом Павловым. Вскоре Царицын был осажден астраханскими войсками полковника Левенгстона. Булавицы отчаянно сопротивлялись, но после неудачи отступили по Волге на лодках. Уйдя от погони, они затопили лодки и ушли пешими на Дон.

В это время, после подавления восстания поволжских инонационалов, из Казани спускался с карательными войсками Хованский.

После царского приказа о наступлении и В. Долгорукий со своей громадной армией двигался по направлению к Северскому Донцу, тревожимый нападениями партизанских отрядов. Партизанский отряд атамана Голлого вырезал на рассвете Сумской полк на реке Уразовой. Наконец 1 июля 1708 г. войска В. Долгорукого столкнулись с отрядами Драного (5.000 булавицев и 1.500 запорожцев) в урочище Кривая Лука. После отчаянного боя булавицы были разбиты. Царские войска преследовали отступавших запорожцев и уничтожили их в Бахмуте.

27 июля 1708 г. полки В. Долгорукого подошли к реке Аксай и встретили делегацию знатных казаков во главе с новым атаманом Зерщикобым, просящую на коленях пощады.

Полки В. Долгорукого, не вступая в Черкасск, расположились лагерем возле него. 29 июля 1708 г. В. Долгорукий «приводил

¹ Калмыцкие дела, 1708 г.

население к целованию креста» и казнил сорок видных булавиинцев.

Между тем началось массовое крестьянское восстание в Придонье, Поволжье и в Слободской Украине, куда направлял свои «прелестные письма» атаман Голый.

В. Долгорукий поспешил на север и, не давая соединиться отдельным отрядам булавиинцев, осадил Есаулов городок и почти поголовно истребил восставших.

Со стороны Волги в это время теснил булавиинцев Хованский, нагнавший ниже Паншина городка обоз в две тысячи телег беглых крестьян и казаков. Произошел ожесточенный бой, в котором с особой храбростью бились беглые солдаты. После боя были взяты 6 знамен и 8 пушек. Атаман Некрасов со своим отрядом избежал столкновения и ушел на поселение на Кубань.

Хованский и В. Долгорукий немилосердно жгли верховые городки, населенные беглыми.

Главная сила булавиинцев во главе с атаманом Голым сосредоточилась у Донецкой. Двухтысячный отряд драгун принужден был отступить от Донецкой. Булавиинцы 3 октября 1708 г. ниже Донецкой разбили целую флотилию полковника Бильса, ехавшую в Азов (100 будар с продовольствием, 8 тыс. рублей, 1.200 солдат). Лишь 20 октября 1708 г. армия В. Долгорукого двинулась на булавиинцев, сумевших «развести» своих жен и детей по городкам.

В Донецкой осталась биться насмерть тысяча добровольцев булавиинцев.

4 ноября 1708 г. в сильные морозы и знега армия В. Долгорукого догнала булавиинцев в Решетовской станице и нанесла решительное поражение. Дон был залит кровью. Все верховые городки, населенные беглыми, были уничтожены. Тысячи были повешены, четвертованы.

Но восстание не утихло, оно с новой силой перекинулось в метрополию. Повстанцы

появились на Оке под Муромом, на Волге под Нижним и между Кинешмой и Юрьевом-Польским. Повстанцы останавливали торговые и государевы суда, громили помещичьи усадьбы и монастыри. Повстанцы врываются в города (Лух), освобождали колодников и громили приказные избы. В Тверском, Новоторжском, Галицком, Старицком уездах действовали партизанские отряды из помещичьих людей и крестьян.

Снова вспыхнуло восстание татар, мари, башкир.

Крестьянские восстания охватили близ западной границы Смоленский, Дорогобужский, Вяземский уезды. В Мценске посадские люди во главе со своими бурмистрами отбили задержанных беглых крестьян и били воеводу смертным боем. Крестьянские волнения в 1708 г. охватили 43 уезда. Из них в 18 уездах наблюдались случаи разгрома помещичьих и их людей усадеб, избивание помещиков и их людей в 4 уездах. Производились крестьянами во многих уездах запахивание у помещиков и монастырей, порубка леса, закашивание, «посещение ржи». Имелись случаи непослушания, «когда крестьяне стали непослушны и дела никакого не работают и оброков не платят».

В 1709 — 1710 г. крестьянские волнения не утикли, наоборот, они охватили 60 уездов. С большим трудом подавило правительство эти восстания.

Булавиинщина была мощной крестьянской войной против феодально-крепостнического государства, в которой восставшие крестьяне и голутвенное казачество боролись против крепостничества за то, чтобы стать свободными производителями на своей земле. Однако присущие крестьянским войнам XVII—XVIII вв. расплывенность, отсутствие твердого руководства, отсутствие пролетариата определили неудачу булавиинщины. Разгром булавиинщины укрепил московское феодально-крепостническое государство, которое окончательно закрепостило Дон, а затем и Украину.

ДОК. 1

От Булавина

От всего войска походного от пристанского низу по Хопру и по Дону атаманам-молодцам ведомо им чинят, что по всем станицам всем верстаться пополам и быть готовым конным и оружным и оной половине в походе быть на

курнях, которые получают письмо и в которую станицу придут то б станица была готова в тот же час в поход ради того, что им всему войску стать за дом пресвятыя богородицы, за истинную христианскую веру, за благочестивого государя и за все войско донское для того, что зло на них помышляют, жгут и казнят напрасно злые бояре и немцы и вводят в них еллинскую веру, а ведают атаманы-молод-

цы как люди их отцы положили и они порядились прежде старое поле крепко было и держалось, а ныне де злые супостаты старое поле все перевели и ни во что почли и чтоб им старое поле не потерять ему Булавину запорожские казаки все и белгородская орда и иные орды слово дали, что быть с ним заодно, а буде кто им которая станица тому войсковому атаману будет противна пополам верстаться, а тому будет смертная казнь, а верстаться и посылать это письмо по городкам наскоро и на Усть-Бузулуке, на Усть-Мевецице список послать вверх по Бузулуку и по Медведице (Кабинет Петра Великого, 18, I (402).

ДОК. 2

Прелестное письмо атамана Кондратия Булавина

От Кондратия Булавина и всего войска походного донского в русские города начальным добрым людям, а также в села, в деревни, посадским торговым и всяким черным людям челобитье. Ведомо им чинят, что они всем войском единодушно вкупе, что стоять им со всяким радением за дом пресвятыя богородицы и за истинную христианскую веру и за благочестивого царя и за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга умирать за одно; а им, всяким начальным добрым и черным людям всем также с ними за тоже стоять вкупе за одно, а обиды никакой ни в чем от них бы не опасались и не сумлевались, а которым худым людям князьям и боярам и прибыльщикам и немцам за их злое дело не молчать и не спущать ради того, что вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудеса прелестными, а между собой добрым начальным посадским и всяким черным людям вражды не чинить и напрасно не бить и не грабить и не разорять, а буде кто станет меж собой напрасно обижать или бить, тем чинить смертную казнь. А по которым городам по тюрьмам есть заключенные люди и боярам и воеводам и всяким начальным людям тех заключенных людей из тюрем выпустить без задержания... Да еще им ведомо чинят, что с ними казаками запорожские казаки и белгородская орда и иные многие орды... рады с нами стоять порадеть вкупе заодно. А с этого письма по городам, по селам всяким начальным людям списывать списки, а подлинного письма не потерять, не затанвать, а буде кто письмо потеряет или затант, тому человеку надо учинить смертную казнь, а то письмо с Воронежа посылать до Валуйки до Оскола до Чугуева до Белграда, а списав посылать и в

иные города. У того письма походного войска атамана печать¹ (22 марта 1708 г.).

Ранее в феврале 1708 г. Булавиным из урочища Вороны рассылалось следующее прелестное письмо: «Атаманы молодцы, дородные охотники вольные всяких чинов люди, кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить, да поесть, на добрых конях поездить, то приезжай в черны вершины самарские, а со мной силы донских казаков 7 тысяч, запорожцев 6 тысяч, белгородской орды пять тысяч». (Кабинет Петра Великого, 18, письмо Д. Голицина).

ДОК. 3

От Булавина к запорожцам из Черкаска

... если государевы полки станут нас разорять и мы им будем противиться, чтобы они нас в конец не разорили напрасно, также б и вашему войску запорожскому зла не учинили: а есть ли будет вам слышно про приход государевых полков, где они стоят, будут и вам бы о том писать к нам войску, ведомость вскоре, а о чем у нас с вами атаманы и молодцы меж собой был совет обще на ваших корамбарей и на панов, которым путем обещались вы с нами, так и творите².

ДОК. 4

Письмо от Семена Алексеевича к прехраброго и великого войска запорожского кошевому атаману Константину и всему общему братству

Великого войска донского атаман Семен Алексеев мая 20 дня по указу войска донского всей реки Дона и Хопра и Медведицы и

¹ По донесению Волконского, прелестное письмо К. Булавина оканчивалось следующими словами: «... сие наше письмо из городов воеводам и всяким начальным людям, списавши посылать до города Тулы, а больше не посылать ради того, что мы все войском в том городе Туле будем, и сие письмо спросим и нам его объявить без всякого коварства, а к сему письму нашего войскового походного атамана Кондратия Афанасьевича Булавина печать». Входящие 1707—1708 гг., стр. 436.

² В отписке запорожцев 1708 г. 6 августа было написано: «некоторое товариство наше сечевое, яко есть волное, о малой лечбе туда до Булавина удалилось взираючи и засматруючи на городовых великороссийских и малороссийских людей, которые под крепким суть завстигнением, а в десятиротысячного лечьбой на тое бунтовщицье булавинское поуходили».

Бузулука и Северского Донца и всех запольных речек, где обретаются наше казачье присутствие велено нам войску выступить против идущих на нас для разорения наших казачьих городков московских полков по письму из Польши светлейшего римского и российского князя Александра Давидовича Меншикова по письму ближнего стольника киевского воеводы князя Дмитрия Михайловича Голицына и по тому их письму для того разоренье идет с русскими полками князи Василий Владимирович Долгорукий хочет наши казачья городки свести и всю реку разорить и мы войском походным ныне выступив ожидаем к себе вашей общей казачьей единообразной любви и вспоможения чтобы наши казачьи реки были попрежнему и нам бы быть казакам как были искони казачество и между нами казаками и вы атаманы, молодцы все великое войско запорожское учинит нам походному войску вспоможение в скорых числах, чтоб нам обще с вами своей казачьей славы и храбрости не утратить также мы вам в какое ваше случение рады с вами умирать зедино, чтоб над нами Русь не владела, но общая наша казачья слава была. (Кабинет Петра Великого. Входящие бумаги, 1708 г.).

ДОК. 5

Ачюевскому владетелю Хасяну-паше¹

От донских атаманов молодцев, от Кондратия Афанасьева Булавина от всего великого войска донского ачюевскому владетелю Хасяну-паше поздравление... Ведомость войскам донским вам чиним: собрався мы войском донским казаки с Дону из Северского Донца, с Хопра, с Бузулуку и с Медведицы и со всех запольных рек, также Днепра из-за порогов казаки пришли под Черкасской для того; приговорили мы войском, чтобы переменить на острову в Черкасском прежде бывших своих войскового атамана Лукьяна Максимова и старшин за их неправду и всякое на нас разорение, потому что они старшины нам и вам многое разоренье и неправды чинили и не мирным состоянием юртовых своих калмык и казаков без ведома нашего войскового под ваши жилища посылали и ясырь у вас и также конные табуны к себе брали. И мы войском за такое их разоренье и неправду войскового атамана Лукьяна Максимова с товарищи шесть человек казнили смертью. А ныне

¹ Одинаковое письмо одновременно было послано «Кубанские орды владетелю Сартлану мурзе и всем кубанским мурзам».

у нас войска в Черкасском все дай бог попрежнему в состоянии смирно. А с вами мы войском донским хотим жить попрежнему в дружелюбии и в мирном состоянии. А буде вы с нами войском хотите жить в дружелюбии попрежнему и вы к нам войску знатных своих старшин от себя с письмами для договору и мирного меж двух юртов крепкого состояния и разделки пришлите и ни в чем не опасайтесь и душам нашим и сему письму верьте. А вы на нас войско не подвизите, что с сим письмом своих казаков никого к вам не послали для того, что за умножением своих неправдных старшин, заходящих ссор между вами и нами послать поопасались и послали мы войско письмо к вам в Ачюев с вашими людьми и своим казаком Василием Борисовым. И вы с нами войском живите попрежнему в дружелюбии и в мирном состоянии, из своей стороны всяких людей к нам войску с товары и со всякими промысла к нам войску присылайте безопасно, а у нас войска вашим торговым людям никакого озлобления не будет и будут они у нас торговать попрежнему, а мы войском в вашу сторону своих казаков будем посылать для всяких промыслов. А, что которые люди побраны за мирным состоянием наши казаки к вам, а ваши к нам в ясырство и мы войском с вами меж себя в том ясыре размену и всякой договор во всяких делах чинить будем. А, если вы похотите за многие к нам и к вам от калмык обиды и многие разорения на них итти войной и вы с нами войском зедино в поход за Волгу пойдем, а о том к нам войску отпишите ведомость вскоре.

ДОК. 6

И кубанским казакам

«Господи Иисусе христе сыне божий помилуй нас, аминь».

От донских атаманов молодцев, от Кондратия Афанасьевича Булавина и от всего великого войска рабам Божиим и искателям имени господня кубанским казакам атаману Савелью Пахомовичу или кто протчий атаманы обретаетца и всем атаманам молодцам челобитье и поздравление, милости у вас и всех атаманов молодцев слезно просим и бога молим и ведомо вам чинить, что послали мы на Кубань в Ачюев к Хасяну-паше и к Сартлану мурзе свои войсковые письма об мировом между вами и нами и крестном состоянии, как жили и наперед сего старые казаки. Да ведомо ж вам атаманам молодцам, мы войском донским чиним суд на своих прежде бывших старшин, на Лукьяна Максимова, на Ефрема Петрова с товарищи. В прошлом 1707 г. они Лукьян

с товарищи списывались с бояры, что у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку выслать, кто откуды пришел с первоазовского походу; и по тем их прежде бывших старшин с бояры письму и совету прислали они бояре от себя к нам на реку полковника князя Юрия Долгорукова со многими начальными людьми для того, чтобы им старшинам с боярами всю реку разорить и стали было бороды и усы брить так и веру христианскую переменить и пустынников, которые живут в пустынях ради имени Господня и хотели было христианскую веру ввести в еллинскую веру; и как они князь с старшинами для розыску и высылки русских людей поехали по Дону и по всем рекам послали от себя начальных людей, а сам князь с нашими старшинами с Ефремом Петровым с товарищи многолюдством поехали по Северскому Донцу и по городкам и они князь с старшинами будучи в городках многие станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков били, губы, носы резали, младенцев по деревьям вешали также женска полу и девичья брали к себе для блудного помышления в постели и часовни все со святыню выжгли; а в прошлом же 1707 г., как будучи князь со старшинами у розыску и высылки русских людей на речке Айдаре в Шульгинском городке, с Донца Трехизбянской станицы нынешний войсковой атаман Кондратий Афанасьевич пересоветовал с донецкими многими казаками и, собрався ево князь и при нем начальных людей и с нашими старшинами в Шульгинском городке до смерти побили, потому что он князь и старшины чинили нам многое разорение и нестерпимые налоги и напослед они Лукьян с товарищи собрався за убийство князя вскоре воинским поведением на речке Айдаре Кондратий Афанасьевича с теми казаками разбил и многих вешали за ноги по деревьям и казнили смертью а он Кондратий Булавин ушел с немногими людьми в Сечь к запорожцам казакам. И нынешним 1708 г. они наши прежде бывшие старшины Лукьян Максимов, да Ефрем с товарищи пересоветовав с бояры по тому же Северскому Донцу едзя также собранием по городкам всякое разорение против выше описанного чинили и в нынешнем 1708 г. апреля нынешний войсковой атаман Кондратий Булавин из Запорожья пришел на реку Хопер в Пристанскую станицу и пересоветовав той станицы с казками послал от себя и всем рекам по Дону и по Донцу и по Хопру и по Бузулуку чтобы шли со всех рек... Под Черкасском не били из ружья не стреляли, не похотя христианской крови пролить и напрасных, неповинных душ вдов и сирот погубить. На острове которые с ним Лукьяном сидели поневоле ка-

закл... убоясь Бога и пролития крови христианския и напрасных душ и ево Лукьяна и Ефрема с товарищи выдали в руки и походное войско Кондратия Булавина с божией помощью взошли на остров в добром здравии без боя. И собрався всех рек казаки и все войско донское и войсковой круг тех неправедных старшин Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Алексеева Соломату, Николая Иванова, Ивана Машлыченка за неправду и многое разорение приговора войском казнили их смертью, а остальных старшин Василия Меньшова, Позднсева с товарищи вместо смерти послали в верхние городки с женами и детьми на вечное житье.

И управя все желанное всеми реками атаманы молодцы выбрали войском войскового атамана Кондратия Афанасьева Булавина, а есаулов Рыковской станицы Степана Ананьина и на острове Средне Черкасской станицы Тимофея Соколова, а в верху из середины Дону выбрали Кагалицкой станицы Кирея Семенова, с Хопра и Добринской станицы Степана Иванова. А старых есаулов и старшин всех переменяли и хотели было послать к вам атаманам молодцам своего казака и твоего Савелий Пахомович племянника Антона Ерофеева с теми же торговыми людьми, с которыми письма посланы к Хасяну-паше и Сартлану мурзе и мы в том ныне поопасались с сим письмом ево Антона к вам послать, потому что от неправедных бывших наших старшин кубанцы многие сироты и разорены.

А ныне мы государи наши батюшка Савелий Пахомович и все атаманы молодцы... положили мы в том друг друга души, поставили и крест, святое евангелие целовали, чтобы нам всем стоять в соединении и умирать друг за друга»¹.

ДОК. 7

Письмо турецкому салтану

При сем писании войсковой атаман Кондратий Афанасьевич и все войско донское у тебя турецкого салтана милости просим и челом бью.

¹ В другом письме к кубанским старшинам писалось: «...а если у кого товары какие и вы возите к нам войску для продажи неопасно... а ныне на реке у нас казаков в едином согласии тысяч со сто и больше; а напред, что будет про то бог вести, потому что многие русские люди бегут к нам на Дон денно и ночью с женами и детьми от изгона царя нашего и от неправедных судей, потому что они веру христианскую у нас отнимают... а если царь станет утеснение чинить и мы войском от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки и также у турецкого царя, чтобы турецкий царь нас от себя не отринул и потому мы от своего государя отложимся... (27 мая 1708 г.).

А нашему Государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что он многия земли разорил за мирным состоянием и ныне разоряет также и на твое величество и царство готовит корабли, и каторги и иные многие воинские суда и всякой воинской снаряд готовит.

При сем писашши мало пишем и наипаки челом бьем. А сие письмо послано из Черкасского мая 27.1708 года.

ДОК. 8

Письмо в Белгород ¹

Ведомо им войску донскому учинилось, что ево Булавина жена с сыном сидит в Белграде за караулом и держат ее напрасно по бывшему атамана Лукьяна Максимова, а не по государеву указу, а если бы явилась ее какая вина она была бы взята в Москву и чтоб господин Голицын пожаловал ево жену с ево сыном из-за караула освободил и на подводах на Донец в Трехизбянную станицу с нарочными людьми прислал, а буде не освободит, они войском в Белгород пошлют 50000 (?) и больше.

ДОК. 9

Распрос 29 июля 1708 г. Саратовского рыбного промысла отставного солдата Макара Терентьева

... Он Макара пошел из Саратова в Камышенку зверей и рыбу ловить с товарищем саратовским жителем Кузьмой Монаховым и ловили рыбу и зверей в Еруслане (?). Нынешнего лета он Макара из Еруслана поехал на Камышенку, а его товарищ остался Кузьма и доехав до Камышенки его на карауле поймали донские казаки и посадили за караул и после отпустили продавать рыбу и был он три дня и поехал после к товарищу и попался Хохлач и взяли его Макара под Саратов и хотели взять Саратов и взявши прибыльщиков в нем и иных городах порубить и как приступали много было убито, а он атаман Лунька отступя ждал другого Игната Некрасова приступать и как они с'ехали и в то же число приехали бузовые калмыки на Саратов и просились в город, а их не пустили и они калмыки на них казаков, на двух атаманов от Саратова били и бой учинили и казаков побили со 100 человек, а они казаки атаманы Лунька и Игнатка не устояли

¹ Письмо было послано до Сухарева городка, а оттуда переслано с жителем города Изюма Тимофеем Власовым с товарищами.

с конными казаками против калмык побежали, а нехотный атаман камышенский житель Трошка Трофимов с казаками побежали на Камышенку в стругах водою и как приехали на Камышенку и поживши дня три послашали войско сверху и побежали все на Дон со многими камышенскими жителями. А он атаман Трофимов с товарищи остался, но спустя немного время и он атаман Трошка побежал и его камышенцы, поймав лошадь убили и в тюрьму посадили. А в тюрьме подержали немного выпустили и стали они камышенские жители атаман Трошка Трофимов, Иван Зелин, Трофим Герасимов да Рожков с товарищи думать как от орды стоять и от русских людей и писали Булавину, чтобы прислал на помощь силы и послали к нему камышенского жителя солдата Ивана Гуськова, а иных послали по Бузулуку и Хопру. И атаман Булавин посылал от себя указы и велел собраться войску с Бузулука и Хопра и прислал на Камышенку атамана Кондратия Носова с казаками и тем казакам конным и пешим, которые от Саратова побежали велел быть на Камышенке и стоять против государевых ратных людей и крест целовали... Да Сеньку да его Макара Терентьева выбрав старшинами посылали они казаки и камышенские жители и они ловцов пригнали, чтобы они вверх не подавали вести. И того же числа и по се время с нами казаками камышенцы и он Макара воровал и думали итти под Саратов, а под Царицын по челобитию камышенских жителей прислано от Булавина с товарищи еще два атамана Иван Павлов и Игнат Некрасов с казаками и приступали они казаки к Царицыну и бились много время и промеж себя они камышенские жители прислали к ним казакам кирок и мотыг и они камышенские жители послали кирок, мотыг, лопат и заступов полторы тысячи с камышенскими жителями. И камышенские жители с ними казаками приступали к Царицыну и Царицын взяли и как пришли из Астрахани к Царицыну полки и Царицын взяли и (царские войска.— В. А.) их казаков побили, а атамана Иван Павлов ушел в стругах и с небольшими людьми на остров на Волгу, а на которых не ведает, а Игнат с конницей ушел на Дон, а камышенские жители, слыша, что идет с полками князь Петр Иванович Хованский на них и они казаки и камышенские жители многие побежали на Дон а также и ловцы иные побежали на Дон с ними казаками, а иные на Саратов. И он Макара и жители стали говорить также бурлаки: для чего забунтовали. И атамана Кондратия Носова взяли в круг и стали спрашивать, где дел порох и свинец и пошли камышенские жители и бурлаки и у него атамана:

взяли бочку пороха и принесли в круг и он Макар ту бочку взяв пришеп в приказ и отдал под караул. И камышенский житель атаман Иван Зелин увидя смятение, что их хотят в приказ засадить и посулил с товарищи бурлакам бочку вина, да по полушке денег и звали с собой на Дон и с ними они бурлаки пошли и взяли порох из приказа, а которые с ними на Дон не пошли они били грабили и ружья и на Камышенке пушки медные все побрали с собой, а про Булавина сказывал им подьячий из Царицына, как его зовут не знает, что в Черкасском убит, а на дуванах он Макар из камышенской государевой казны у атамана Носова взял только две гривны, а все взяли по две гривны и вино государево пили и как атаман Луныка Хохлач разбил на Волге струги патриаршие и что на было он ничего не брал.

15 августа 1708 от П. И. Хованского отношение в разряд.

ДОК. 10

Прелестное письмо атамана Голого

В русские великого государя города стольникам и воеводам и приказным людям и в селах и деревнях заказным головам и десятникам и всей черни, Никита Гольий со всем своим походным войском челом бьем, стоя в Куликовом стану, а со мной силы 7 тысяч, да казаков донских, да 1000 запорожских казаков и хотят итти под Рыбное, а Семен Драной стоя силой под Изюм с ним 40 тысяч, а Некрасов пошел на Саратов и на Козлов а с ним 40 тысяч, а сам войсковой атаман Кондратий Булавин пошел на Азов и под Таганрог, а с ним силы сорок тысяч и 2 тысячи кубанцев и запорожцев.

А нам до черни дела нет, нам дело до бояр, которые неправду делают, а ты голытьба вся идите со всех городов конные и пешие, нагие и босые идите не опасайтесь будут вам кони, ружье и платье и денежное жалование, а мы

стали за старую веру и за дом пресвятые богородицы и за вас и за всю чернь и чтобы нам не отпасть в еллинскую веру, а вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы не держите, чернь по городам, не хватайте и пропускайте всех к нам в донские городки, а кто будет держать чернь и не пущать и тем людям смертная казнь, а кто станет письмо держать и будет таить и кто издерет тем людям будет смертная казнь.

ДОК. 11

От атамана Некрасова

... Атаманам молодцам войсковому атаману Илье Григорьеву всего великого войска донского от собранного войска атаманов молодцов донских городков и хоперских и бузулуцких и медведицких и с новых мест из городков челом бьем и ведомо нам государи атаманы молодцы прислана к нам по Дону по городкам ваша войсковая грамота, а в ней писано убили де мы войском всей рекой Кондратия Булавина, а того не написано за какую вину и... и стариков из верховых городков посажали на цепь и тесните неведомо за какие дела, да писали вы войску на Царицын и велено ему Игнату Ивашку Павлова поймать, связать и привезть к вам войску, и мы собранное войско в пехота многих городков известие чиним, чтоб вам войском Илья Григорьев учинить за какую вину вы убили Булавина и стариков его да вы же сами выбирали его атаманом... И если вы не изволите оповестить за какую ево вину убили и его стариков освободить и отпустить и если не будут отпущены, то мы всеми реками и собранным войском будем немедленно совокупясь к вам в Черкасск ради оговорка и публичного розыску и за что вы без с'езду рек таки учинили и знатно, что учинили не от всего войска, а у нас по рекам и городкам на том положили, чтоб итти к Черкасскому...

Бригада ИКП истории

**Козлов, Белкин,
Зорина, Рейхруд**

**Н. М. ПАКУЛЬ и В. Ф. СЕМЕНОВ, Ранние
буржуазные революции.**

Издание «Всемирной истории»

В этом томике две работы. Одна принадлежит перу Н. М. Пакуля и называется «Нидерландская революция XVI в.», другая написана В. Ф. Семеновым и трактует о Великой английской революции. Общим работам предпослано небольшое предисловие от редакции, в котором сообщается о важности изучения ранних буржуазных революций, говорится о том, что необходимо сделать для этого изучения, обещается выпуск в свет работ по истории феодализма и генезиса капитализма и наконец дается краткая характеристика работы Н. Пакуля как «первой оригинальной марксистской работы о нидерландской революции на русском языке». О работе В. Семенова редакция почему-то умалчивает, хотя по объему работа В. Семенова значительно больше работы Н. Пакуля и хотя бы поэтому должна была получить отзыв редакции, который несомненно должен заинтересовать читателя книги. Умолчание редакции можно объяснить лишь тем, что, не считая работу В. Семенова «первой оригинальной», но лишь обычной популярной марксистской работой, она не сочла нужным говорить о ней что-либо большее, чем сказано в проспекте издания обо всей серии «Всемирная история».

С внешней стороны книга производит хорошее впечатление. Черный и удачно подобранный шрифт, обилие иллюстраций, неплохие сделанные карты, оригинальная обложка — все это вместе взятое свидетельствует о том, что к внешнему оформлению книги было приложено достаточно внимания и труда. По внешности книга хороша, к сожалению, только по внешности. Ее содержание оставляет желать лучшего.

Обратимся сперва к работе Н. Пакуля о «Нидерландской революции XVI в.». Автор «первой оригинальной марксистской работы о нидерландской революции на русском языке» обнаруживает удивительную беспомощность, когда пытается вскрыть причины революции. Его беспомощность очень ярко проявляется в том, что, пытаясь отойти от распространенной вульгарной схемы буржуазных историков, он по существу остается в плену этой схемы. Мы имеем в виду противопоставление им Карла V Филиппу II. Император был дальновиднее короля — вот вся тайна революции в Нидерландах по Н. Пакулю. На стр. 26 он прямо говорит, что «при императоре Карле V эти отношения (отношения имущих классов в Нидерландах с Карлом) складывались для растущей буржуазии более или менее благоприятно. Он всячески поддерживал интересы новой буржуазии...

энергично защищал интересы нидерландских купцов... голландское судоходство благодаря Карлу V преодолело враждебное соперничество... Ганзы, морское же законодательство обеспечило за Голландией победу над французскими судовладельцами. Аристократия хранила верность императору...» И дальше, на стр. 29, Н. Пакуль пишет: «В противоположность отцу... Филипп стремился оградить Испанию высокими таможенными пошлинами и запретами... он покровительствовал испанскому судоходству в ущерб голландскому. Все эти меры нанесли жестокий удар нидерландской торговле... Фанатичный католик, абсолютист до мозга костей Филипп II на Нидерланды смотрел исключительно с точки зрения интересов своей мировой политики, видел в них... источник больших денежных средств... В отличие от времен Карла V политика Филиппа II жестоко нарушала интересы буржуазии, поражала нищетою трудящиеся массы, создавала временами единый противoisпанский лагерь». В довершение всего, по мнению Н. Пакуля, Филипп II руководился частенько не политическими соображениями, а своими личными настроениями, как это и полагается «абсолютисту до мозга костей». Например после выступления гезов с петицией, поданной Маргарите Пармской, «единственное чувство, которое его обуревало, была жажда мести» (стр. 38). А ведь в политике, как известно, всякие чувства вроде обиды, мести и т. п. являются плохими советчиками. Нам кажется, что из этой «философии истории» Н. Пакуля логически вытекает такой вывод: не будь отречения Карла V в 1555 г., не умри он от обжорства в 1558 г., революции в Нидерландах, пожалуй, и не было бы. Благодарный материал для желающих поразмыслить о роли личности в истории!

Плохо то, что «автор первой оригинальной марксистской работы» игнорировал конкретную историю эпохи; не сделай он этого, с ним не случилось бы такого конфуза. Ведь это традиция буржуазно-националистских нидерландских историков (с легкой руки Гуго Гроуля) изображать Филиппа II в противоположность Карлу V каким-то зверем в образе человека, неисправимым «абсолютистом до мозга костей».

Историк-марксист обязан критически огнестись к этой националистической легенде, не должен некритически пугать читателя словом «абсолютист». Так же, как в истории вообще, так, конкретно, и в Нидерландах абсолютизм сыграл и прогрессивную роль. Ведь это Габсбурги, а не герцоги бургундские, как ошибочно утверждает Н. Пакуль (см. стр. 12), объединили страну. Ведь это Габсбурги порвали семисотлетние вассальные узы провинций, связывавшие их с королями Франции, уберегли провинции от посягательств немецких князей и Англии. Ведь это Габсбурги исподволь уничтожали феодальную раздробленность страны, вводили централизацию в управление, преобразовали армию, флот, финансы, суд, причем многое из того, что было сделано ими, осталось в неприкосновенности и после революции.

Не следовало бы автору некритически повторять националистскую легенду о стесненных, наложивших Филиппом II на нидерландские торговлю и мореплавание. Хорошо известно, что мероприятия Филиппа II в отношении нидерландского мореплавания были скорее актом самообороны, чем нападения. Пиратская деятельность нидерландских купцов, безжалостно грабивших испанские корабли, груженные серебром и золотом, заслуживала более серьезного воздействия, чем это было сделано Филиппом II. А что касается торговых пошлин, то нидерландцы вовсе не были смущены их введением. Все мероприятия Филиппа мешали им не больше, чем угроза «гневом божьим», ибо дружба с Португалией делала их неуязвимыми. А когда Филипп II во время революции сумел наложить руку на Португалию, то нидерландцы компенсировали себя захватом португальских колоний, создав себе колониальное могущество за счет бывшего друга.

И наконец совершенно неправильно становиться на путь противопоставления Филиппа II Карлу V. Принципиальной разницы в политике отца и сына не было. Больше того, если уж сравнивать обоих с целью выяснения, кто из них в большей степени заслуживает звания «абсолютиста до мозга костей», то конечно пальму первенства следует вручить Карлу V, а не его нерешительному и вечно колебавшемуся сыну.

Когда Н. Пакуль, характеризуя политику Филиппа II как противоположную политике Карла V, говорит, что «Филипп II на Нидерланды смотрел исключительно с точки зрения своей широкой политики, видел в них опору для действий против Франции или Англии, для своего влияния в Германии и источник больших денежных средств для своих широких предприятий», он попросту закрывает глаза на то, что Филипп продолжал политику Карла. Ведь известно, что не Филиппом, а Карлом были введены рекрутские наборы в Нидерландах, что Карл V ввел постой солдат, что он возвел в систему нарушение привилегий, соблюдение которых обеспечено было его «клятвами», что он установил «обычай» при любом осложнении во внешней политике требовать субсидий, что он предпринял первые шаги по введению в Соединенных провинциях системы прямых налогов, что он ввел инквизицию в Нидерландах, что он был автором знаменитых плакатов 1550 г. и т. д. Известно также, что не Филипп, а он управлял Нидерландами и после торжественного отречения от престола в 1555 г. Известно, что, будучи уже на смертном одре, в 1558 году он требовал от своего сына строжайшего преследования еретиков в Нидерландах. Стирлинг рассказывает, что умирающий Карл требовал от сына строжайшего преследования еретиков, «невзирая на лица и невзирая на обстоятельства, говорящие в их пользу». Где же данные, свидетельствующие о том, что политика Филиппа была противоположна политике Карла? Филипп не мог и не выдумал пороха. Он просто продолжал политику отца. Но то, что можно было делать во времена Карла V, то было уже невозможно во времена Филиппа II. И вот это должен был показать автор «первой оригинальной марксистской работы».

Не лучше обстоит дело у Н. Пакуля с изложением хода нидерландской революции. Хро-

нологически, как известно, дело началось с выступления дворянской оппозиции. Н. Пакуль полагает, что «во главе оппозиционно настроенной части нидерландского дворянства стояли два выдающихся по своим богатствам и положению вельможи: принц Вильгельм Оранский и граф Эгмонт. Около них группировались дворяне, недовольные испанской политикой» (стр. 32). Мягко выражаясь, в данном случае Н. Пакуль уклоняется от истины, так как каждое из сказанных им слов быть может и «оригинально», выражаясь стилем редакции, но исторически неверно.

Оппозиционно настроенное дворянство имело значительные расхождения с «вельможами» вроде Вильгельма Оранского, Эгмонта, Горна и др.

«Во главе оппозиционно настроенной части дворянства» стояли другие лица—С. Альдегонд, Людовик Нассаусский, Н. де-Гасим, Бредероде и др. Мотлей например полагал, что основатели «союза» (гезы) предвидели, что Вильгельм Оранский и прочие «вельможи» не одобряют многого из того, что выдвигалось в программе союза. И Мотлей прав, и конечно неправ Н. Пакуль, сваливающий в одну кучу дворянскую оппозицию и оппозицию «вельмож».

Кстати Н. Пакуль не делает даже попытки обосновать это свое открытие. Утверждая единство оппозиции вельмож и дворянства, он в то же время обходит стороной вопрос о политической программе этой «единой оппозиции». Нельзя же в самом деле принять за разъяснение программы то, что автор пишет на стр. 33. «У дворян,—говорит он,—был сговор, единство настроений, возможность некоторых общих выступлений. Члены лиги были в постоянном общении друг с другом благодаря балам, свадьбам, именинам и т. п. сборищам. Здесь они обменивались своими взглядами, новостями, сходились или, наоборот, расходились. Дворянская оппозиция вызывалась узко сословными интересами... Словечко «сословный» почти ничего не объясняет по существу и конечно не доказывает единства оппозиции вельмож и дворянства.

Следующим этапом в развитии событий является так называемый мятеж иконоборцев. Провал этого массового движения Н. Пакуль объясняет тем, что уже в этот период обнаружилась борьба за власть между дворянством и буржуазией. «Она (т. е. буржуазия),—пишет он,—стремилась к власти, а дворянство, нуждаясь в деньгах, думало держать власть в своих руках... Между буржуазией и дворянством обнаружилась таким образом пропасть. Если прибавить к этому разногласия в среде самой буржуазии, то крах 1567 года станет вполне ясным» (стр. 44).

Признаться, несмотря на уверения Н. Пакуля, для нас крах 1567 г. после его объяснений становится совершенно неясным. О каком дележе шкуры медведя может идти речь, в то время когда сам медведь еще не был убит и в Нидерланды направлялся герцог Альба? Но если даже предположить, что нидерландское дворянство и буржуазия могли разобраться в спорах о шкуре неубитого зверя,—допустим, что они были так наивны,—тогда возникает вопрос: в чем же конкретно сказалося посягательство на власть со стороны тех и других? Не в том ли, что дворянство с холопской преданностью помогало правительству подавлять

кальвинистов, не в том ли, что оно поспешило засвидетельствовать свою верность испанскому престолу новой присягой, форма которой специально была выработана для данного конкретного случая? Не в том ли выразилось посягательство буржуазии на власть, что она оказывалась тугой на ухо, когда кальвинистские синоды просили у нее денег на организацию вооруженного сопротивления, не в том ли, далее, что нидерландское купечество отпустило правительству деньги на подавление народного движения, не в том ли, что буржуазия снабдила Альбу средствами на усиление испанских гарнизонов и т. п.?

Если в этом сказалась борьба буржуазии с дворянством за власть, — тогда Н. Пакуль безусловно прав.

Период управления герцога Альбы изложен автором крайне «неоригинально»: автор повторяет ходячую версию о том, что коренной причиной Нидерландской революции было введение Альбой алкабалы¹, т. е. выдает повод, послуживший толчком к взрыву, за причину самого взрыва.

Н. Пакуль пишет, что в конце 1570 г. Альба самодовольно заявлял: «Теперь Нидерландами можно управлять из Мадрида». «Между тем, — продолжает он, — самое главное еще не было сделано. Финансовый вопрос (подчеркнуто нами. — Бригада) был вовсе не урегулирован, и, как оказалось, главные трудности были впереди...» (стр. 53). Из дальнейшего изложения автора явствует, что введение алкабалы вызвало восстание в провинциях.

Автор «первой оригинальной марксистской работы» впал здесь в весьма распространенную ошибку, так как не счел нужным поинтересоваться теми подспудными сдвигами, которые произведены были политической «умиротворения». Он ограничился чисто внешним обзором деятельности Альбы и не заметил, что последний, «умиротворяя» страну, сеял ветер для того, чтобы пожать бурю. Затишье в стране, наступившее в конце 60-х и начале 70-х годов, было затишьем перед этой бурей, все элементы которой были уже налицо; нужен был лишь толчок для того, чтобы она проявилась во-вне. Алкабала и была тем толчком, который развязал стихию восстания, она была всего последней каплей в переполненную чашу народного гнева и возмущения. В порывах административного восторга и непреклонной веры в чудодейственную силу политики «сжовых рукавиц», Альба не замечал, что он своими собственными руками подрубал тот сук, на котором сидело испанское правительство в Нидерландах. Казню Эгмонта и Горна он доказал нидерландским вельможам, что прав был Оранский, а не «лройялисты». Организованная система конфискаций наилучшим образом убеждала самых непонятливых буржуа, что покорностью не убьешь испанского абсолютизма и его сатрапов. Гигантские костры, полыхавшие в Нидерландах, стали сигналами бедствия, будившими и поднимавшими наиболее энергичные элементы в стране (морские, лесные гезы и др.). Хладнокровно рассчитанная и последовательно проводимая политика истребления туземного

дворянства превращала вчерашних верноподданных в «оппозиционеров», в вожаков бандитских шайк. Альба не рассчитал той степени давления, за которой силы сопротивления становятся силами взрыва и разрушения. Поэтому алкабала оказалась искрой, брошенной в пороховой погреб.

Не сумев показать, как Альба, вопреки своим намерениям, сколачивает единый национальный фронт, нашедший потом свое выражение в так называемом «гентском умиротворении», автор «первой оригинальной марксистской работы» не счел нужным разъяснить читателю, с чем вступили и чего добивались от революции различные классы и общественные группы Соединенных провинций. Поэтому изображение всей последующей борьбы, картина сложного переплета противоречий внутри «национального фронта», с одной стороны, столкновений и переговоров провинций с правительственными силами, с другой, даны автором крайне противоречиво и неясно. В частности заявление автора о том, что «крестьянство жаждало мира, шло за теми, кто обещивал мир» (стр. 69), звучит голословно и бездоказательно. Совершенно непонятно также, почему испанское правительство, борясь с Англией, ведя войну во Францию, располагая в Нидерландах сравнительно ничтожными силами, сумело руками Фарнезе почти добиться реставрации. Нельзя же в самом деле объяснять это тем, что герцог Пармский разрешал протестантам «жить без скандалов» (стр. 74), или тем, что последний создавал «благоприятное впечатление неожиданной снисходительности» (стр. 76). Если бы все обстояло так, — «делать историю» было бы парой пустяков. Основное внимание автор должен был бы, излагая события этих лет, уделить классовой борьбе в лагере восставших. Тогда картина стала бы ясной. Мы не хотим сказать, что об этой классовой борьбе он ничего не говорит. О ней говорится в книге, но говорится так, что у читателя остается впечатление незрелости мысли автора по этому коренному вопросу.

Рассказывая о падении Гента, Турне и др. городов, автор пишет (речь идет о Генте): «Представители двух последних партий (оранжистов и радикалов) сменяются у власти. Снова стоит у власти вождь крайних радикалов Гембия, он заводит сношения с Фарнезе и, как изменник, вместе с другими подозрительными гибнет 4 августа на эшафоте. Это не спасает положения. 1 сентября официально начинаются переговоры, а 17 сентября они заканчиваются сдачей на тех же приблизительно условиях, как Турне и пр., Брюгге» (стр. 76). Радикалы изменили, оранжисты предали, а Фарнезе вернул город испанцам — вот предлагаемое автором объяснение одного из успехов герцога Пармского. Кратко, но как видит читатель, недостаточно вразумительно.

Таковы основные недостатки «первой оригинальной марксистской работы о нидерландской революции на русском языке». В общем они те же, что встречаются обычно в любом очерке о нидерландской революции, написанном буржуазными историками.

Перейдем теперь к работе В. Ф. Семенова об «Английской революции».

Как известно, авторы друг на друга не похожи; каждый из них имеет свои индивидуаль-

¹ Налог, введенный Альбой для Нидерландов 13 августа 1569 г. Налог представлял единовременный сбор в размере 1 проц. всего движимого и недвижимого имущества населения.

ные особенности, каждый из них обнаруживает пристрастие к той или иной манере изложения материала; каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Но при всех индивидуальных особенностях авторов их можно разделить на три категории: авторы понятные, мало-понятные и совсем непонятные. В. Семенов принадлежит к малопонятным авторам. И это не потому, что он употребляет какие-то особенные слова или выступает в качестве новатора, ниспровергающего существующие каноны речи; это просто потому, что он иногда уклоняется от прямой и открытой формулировки своих взглядов на те исторические события, картину которых он предлагает взору читателя. Это не значит конечно, что В. Семенов не имеет определенных взглядов на эти события, нет, он их имеет, но он иногда предпочитает формулировать их, если можно так выразиться, «не оптом, а в розницу». Читатель испытывает например определенное затруднение, когда он пытается установить, что думает В. Семенов о причинах Великой английской революции. В соответствующих разделах рецензируемой работы он не найдет прямой и четкой формулировки концепции автора, ему «с карандашиком в руках» придется по кусочкам, по частям, в «розницу» вылавливать то, что автор хочет сказать по этому кардинальному вопросу темы. Чтобы не быть голословными, мы предлагаем читателю на стр. 97—129 поискать формулировки причин революции. Этой формулировки он не найдет, но, «вооружившись карандашиком», он выделит из соответствующих 30 с лишним страниц текста следующие места: «Конец XVI в... и вся первая половина XVII в. представляют собой сплошную цепь конфликтов между парламентом и короной. Основным вопросом, по которому и вокруг которого происходили бои парламентской оппозиции, был финансовый вопрос» (стр. 12). Буржуазия и буржуазное дворянство... могло с полной наглядностью убедиться в том, что абсолютизм... грозит привести страну к полному разорению. Поиски правительством все новых и новых источников доходов становились все более безвастенчивыми, превращаясь почти открыто в настоящее вымогательство» (стр. 123).

«Если всякого рода штрафы, «композиции» и воскрешение разного рода архаических феодальных платежей били больно по карману помещиков... то буржуазия чувствовала все большее раздражение против системы монополий».

«Вынужденные... платить в замаскированной форме большой косвенный налог, торговцы и промышленники очень чувствительно испытывали на себе рост дороговизны... и возрастающую в связи с этим стоимость самого производства... Разорение торговли и промышленности к концу 30-х годов, вызываемое неограниченной системой монополий, дополнялось ущербом от широкой эмиграции из Англии» (стр. 126). Далее автор излагает одну из петиций 40-х годов, в которой содержатся жалобы на плохое состояние торговли и промышленности. «Так,— пишет он,— обнаружился полный крах абсолютной политики» (стр. 127). Смысл «философии истории» В. Семенова после «собрания» ее частей с помощью «карандашика в руках» сводится к весьма тривиальному буржуазному объяснению причин Великой английской революции финансовыми затруднениями абсолютизма. Давным-давно, когда автора рецензируемой ра-

боты еще не было на свете, Маркс писал: «Отказ от уплаты налогов является лишь симптомом (разрядка наша. — Бригада) раскола между народом и короной, лишь доказательством того, что конфликт между правительством и народом достиг напряженной, грозной степени. Не он вызывает расколы и конфликты (разрядка наша.—Бригада), он лишь свидетельствует об их наличии». И это несмотря на то, что «с материальной своей стороны монархия, как и всякая другая государственная форма, существует для трудящихся классов непосредственно лишь в форме налогов». В налогах заключается экономически выраженное существование государства. Чиловники и полки, солдаты и балетные танцовщицы, школьные учителя и полицейские, греческие музеи и готические башни, содержание государей и вельмож — все эти сказочные создания скрываются, как зародыши, в одном общем имени — в налогах. И какой рассуждающий обыватель,— пишет далее Маркс,— не укажет голодающему народу на налоги, на эти неправдой добытые деньги государей, как на источник его нужды». Нам думается, что после столь авторитетного возращения тому, что пытается утверждать В. Семенов, мы можем не останавливаться на доказательстве того, что не финансовая политика английских королей была причиной революции. Важнее, на наш взгляд, показать, как В. Семенов пришел к такому, мягко выражаясь, абсурдному выводу, будто финансовый кризис абсолютизма был причиной революции. Нам хочется в связи с этим поставить автору «Великой английской революции» пару элементарных вопросов. Почему парламент 1624 г. безоговорочно ассигновал правительству 300 ф. ст., в то время как автором политики «грабежа нации» является лорд Букингем, а не Мидльсекс — противник Букингема. Почему парламент предал суду не Букингема, а Мидльсекса?

Почему, далее, парламент 1625 г., ворча и брюзжа на послабления католическим священникам, на предоставление английских кораблей в распоряжение французского короля, на усилившуюся «деятельность» пиратов возле английских берегов, все же охотно отпустил по требованию правительства 140 тыс. ф. ст.?

Почему, наконец, финансовая политика Вестона вплоть до середины 30-х годов не встречала активного сопротивления в стране, хотя она и была построена на явно антиконституционных началах. В работе В. Семенова мы не найдем ответа на эти простые вопросы, ибо в ней замалчивается проблема величайшей важности — борьба английской буржуазии за торговые пути — и отсутствует анализ внешней политики Стюартов. Вель Стюарты созывали парламенты тогда, когда требовались средства для реализации внешнеполитических планов. Естественно поэтому требовать от историка, чтобы он дал в таком случае если не анализ, то хотя бы характеристику классовой природы внешней политики английского правительства. Это необходимо было сделать еще и потому, что «обострение религиозного вопроса при Стюартах» — отнюдь не изолированный факт внутренней политики Якова или Карла I. Эта внутриполитическая проблема оборачивалась для английской буржуазии слишком часто как проб-

лема внешней политики, и в таком двойном обличии она пробуждала недоверчивость, настороженность и оппозицию джентри. Внешняя политика Стюартов в своей основе была антибуржуазной. Их ориентация на союз с Испанией и Францией — странами, в отношении которых буржуазия требовала активной политики наступления, — не могла выявить энтузиазма у буржуазии и заставить ее развязать свои кошельки. Размахивая этим туго завязанным кошельком перед носом Карла I, она например в парламенте в 1626 г. требовала у короны отчета в израсходовании тех 140 тыс. ф. ст., которые она отпустила, польстившись на обещания Букингема побить Испанию. Теперь она не хотела верить на слово и добивалась контроля над внешней политикой правительства. Она вздыхала о тех временах, когда Тюдоры избавили ее от посредничества Венеции и Ганзы, когда они разгромили испанскую Армаду, когда ряд навигационных актов дал толчок развитию английского мореплавания и торговли, когда правительство покрывало и поощряло деятельность «морских капитанов», когда оно наконец недвусмысленно готовилось к борьбе за господство на море. Об этой политике Тюдоров нашему автору известно (см. стр. 100 — 101), и все же он сводит все к финансовому вопросу как таковому и к монополиям, не желая присмотреться к тому, что происходило в эпоху Стюартов. Нельзя конечно отрицать, что для буржуазии, как говорит Маркс, «распределение и взимание налогов, равно как и их расходование составляют жизненный вопрос как благодаря влиянию, оказываемому налоговой системой на торговлю и промышленность, так и потому, что налоги являются той золотой цепью, которою можно задушить абсолютную монархию». Но, не забывая этого, нужно помнить о том, что, взявшись за изложение истории Великой английской революции, нужно дать и историю, т. е. показать, разъяснить, почему и в какой момент в XVII, а не в XVI и не в XVIII вв. английская буржуазия решила «золотой цепью задушить абсолютную монархию». Вместо объяснения В. Семенов просто регистрирует факт: в XVII в. английская буржуазия в союзе с джентри решила убить абсолютизм. Орудием она избрала «золотую цепь». Но это же не объяснение причин революции. В. Семенов, констатируя указанный факт, выдает следствие за причину. И это называется марксизмом!

Весьма «своеобразно» разрешает В. Семенов и другую важнейшую проблему темы — вопрос о движущих силах Великой английской революции. Нашего автора мало интересуют плебейские элементы английской деревни и города. Картина классовых отношений в английской деревне дана им в искаженном виде. На одной и той же 106 стр. автор называет копигольдера и «держателем по воле лорда согласно обычая манора» и арендатором. Разберись, кто может. На стр. 104 автор делает открытие, что лизгольд — это капиталистическая аренда. И чтобы у читателя не осталось никаких сомнений на этот счет, он тут же разъясняет: «В Англии XVII в. все чаще начинает встречаться фигура фермера — арендатора крупного куска помещичьей земли, по происхождению из кулаков-крестьян или торговцев, иногда даже из мелких помещиков. Этот фермер, платя землевладельцу высокую ренту, вводил ряд усовершенствований в обработке земли и обычно эк-

сплоатировал малоземельных и безземельных крестьян...» Автору очевидно невдомек, что вчерашний копигольд сегодня мог превратиться в лизгольда и что это превращение было особой формой экспроприации английского крестьянства лэндлордами. Автор таким образом умудрялся смешать в одно экспроприруемого крестьянина и капиталистического фермера.

Еще большую путаницу обнаруживает автор, когда он делает попытку осветить классовую борьбу в английской деревне и охарактеризовать расстановку классовых сил в ней накануне революции. На стр. 106 автор утверждает, что вообще в Англии «положение копигольда становилось все более шатким в результате помещичьих захватов и конкуренции капиталистов-фермеров». А на стр. 107 он уверяет читателя, что на северо-западе Англии «форма копигольда была еще прочной, а крестьянские платежи на землю не велики». На стр. 106 — 107 автор пишет, что копигольдеры юго-восточных графств добивались превращения «неустойчивого копигольда в прочную крестьянскую собственность, свободную от каких-либо платежей и повинностей лорду, в противоположность отсталому северо-западу», где очевидно копигольдеры не хотели ничего подобного. А на стр. 108 автор снова, говоря об Англии вообще, пишет, что «в английской деревне рано создалась крепкая кулацкая верхушка, которой противостояла деревенская беднота...» Середняк у автора вообще выпал. Выпал у него при такой формулировке — хочет он того или не хочет — и «устойчивый копигольдер» северо-запада Англии. Если ко всей этой путанице, касающейся собственно Англии, присоединить полное умалчание автором об аграрных отношениях в Шотландии и Ирландии, то картина расстановки классовых сил в деревне накануне революции, данная В. Семеновым, приобретает характер густого темного пятна. Плебей английской деревни, их стремления, их требования, их настроения остаются неизвестными читателю. Нельзя же в самом деле считать изложением стремлений масс английского крестьянства обещание В. Семенова в дальнейшем показать, «что деревенская беднота оказалась довольно склонной к коммунистической пропаганде» (стр. 109).

Не повезло и плебейским элементам городов в изложении Семенова. Английскую промышленность автор подразделяет на цеховую и нецеховую. Он считает необходимым подчеркнуть обособленность от нецеховых рабочих рабочих цеховых, т. е. подмастерьев и учеников. Последние, говорит автор, «не раз выступали как самые яростные защитники купцов Сити» (стр. 113). О том, как выступали первые, т. е. нецеховые рабочие, В. Семенов просто умалчивает. Зато он утешает читателя, что в дальнейшем «среди лондонской ремесленной молодежи (т. е. цеховой.—Бригада) будет находить сочувственный прием и самые радикальные политические деятели...» О том, что мануфактура была в это время уже ведущей силой в промышленности Англии, что мануфактурные рабочие составляли основную массу рабочего класса Англии, что это была масса, озлобленная против администрации, применявшей в отношении к ней «кровавые законы», что значительную часть этой массы живо волновало все то, что происходило в деревне, и т. д. и т. п. — все это остается

вне поля зрения автора, для него гораздо важнее подчеркнуть «обособленность цеховых от нецеховых».

Роль и значение рабочей массы в предстоящей революции остаются таким образом для читателя В. Семенова уравненным со многими неизвестными.

Еще меньше мы узнаем от В. Семенова о настроениях мелких ремесленников, мелких торговцев городов. Словом, об английской демократии и широких массах крестьянства, о рабочих, о мелкой буржуазии городов — о плебейских массах — автор счел возможным умолчать. И читатель, ознакомившись с первыми двумя главами «Великой английской революции», невольно задает себе вопрос: кто делал революцию в Англии?

Но если В. Семенов «малопонятный» автор, то упрекнуть его в мистификации читателя никак нельзя. На вопрос, кто делал революцию в Англии, он дает точный, ясный, не оставляющий никаких сомнений ответ. Революцию в Англии, говорит он читателю, делали помещики и капиталисты. Отныне таким образом утверждение Энгельса, что «только благодаря вмешательству йоменов и плебейского элемента городов борьба была доведена до решительного конца и Карл I угодил на эшафот»¹, может считаться по меньшей мере устаревшим. Во всяком случае В. Семенов, как говорят, «решительно возражает». Для читателя теперь становится понятным, почему В. Семенов не счел нужным уделить плебеям больше внимания.

Для советского читателя, ищущего в прошлом уроков для настоящего, из всех проблем, событий и процессов Великой английской революции представляет наибольший интерес вопрос о программе и тактике английской демократии.

Мы должны разочаровать читателя, интересующегося английской демократией. Из работы В. Семенова он узнает лишь то, что левеллеры в одной из величайших революций были просто-напросто «лишними людьми». «Чем объяснить, — спрашивает В. Семенов, — общую неудачу левеллерского движения, упадок демократической партии и ранний уход ее с исторической сцены?» И отвечает: «Положение левеллеров как демократической партии было существенно иное по сравнению например с якобинцами эпохи Великой французской революции. Левеллерам не приходилось, вместо буржуазии, «плебейским способом» осуществлять буржуазные задания революции. Это было сделано партией индпендентов. Левеллеры могли бы сыграть роль в социальной революции, поскольку они были связаны с массами. Но, будучи типичной мелкобуржуазной партией, левеллеры категорически отказывались выступать против частной собственности» (стр. 180). Эти несколько строк из работы В. Семенова стоят целых томов. Здесь каждое слово — откровение, каждая фраза — «исспровержение» марксизма. Прежде всего изумленный читатель узнает, что индпенденты, задушившие демократическое движение в армии, утопившие в крови национальное движение в Шотландии, хладнокровно истребившие большую часть ирландцев, разгромившие демокра-

тическое движение в стране и увеличавшие революцию замаскированной монархией, называвшейся протекторатом, оказываются, решали основные задачи революции «плебейским способом».

Еще больше изумлен читатель, узнав от В. Семенова, что левеллеры могли бы «сыграть роль» (какую, революционную, контрреволюционную?) в социальной революции, поскольку они были связаны с массами, ибо в буржуазной революции они не смогли «сыграть роль». И наконец читатель вовсе ошеломлен презрительным замечанием В. Семенова о том, что левеллеры были «типичной мелкобуржуазной партией» и следовательно даже в «социальной революции» не могли «сыграть роль». Для читателя ясно только одно: левеллеры, по Семенову, «не могли сыграть роль». Но почему партия, связанная с массами, и мы осмелимся дополнить В. Семенова — массовая партия, следовательно партия, выражавшая настроения и требования масс, не могла «сыграть роль» — непонятно. Непонятно вдвойне, ибо вопреки утверждениям Семенова индпенденты не были «плебеями» и не ставили своей задачей, что бы они ни говорили, решать задачи революции плебейским способом. Рискую навлечь на себя гнев В. Семенова, мы осмеливаемся утверждать, что если массовая партия и партия масс не «сыграла роль», то это может объясняться либо неудачным для нее соотношением сил в данный момент, либо ее ошибками, либо внутренней слабостью этой партии, проистекающей от того, что она является партией блока, различных интересов, либо наконец совокупностью всех этих причин или части их. В такой плоскости проблема перед В. Семеновым не стояла и не стоит. И напрасно, ибо, поставив ее так, он прежде всего вспомнил бы, что левеллеры не могут быть названы «типичной мелкобуржуазной партией», что в этой партии было и левое ядро тяготеющих к коммунизму, но что она представляла блок разнородных социальных элементов страны. Затем, поставив вопрос об ошибках партии, он неизбежно натолкнулся бы на проблему, имеющую огромное значение для понимания судеб английской революции. Эта проблема может быть формулирована так: почему армия, оплот демократии и демократического движения в стране, почему эта армия в ходе революции сбрасывается со счетов как демократическая сила? Поставив вопрос так, он неизбежно должен был бы понять и расшифровать категорическое утверждение Маркса, что «английская республика разбилась об Ирландию». И тогда он удовлетворил бы желанию советского читателя понять причины упадка английской демократии, указав ему на ее вопиющую ошибку, даже больше чем ошибку — предательство национально-освободительного движения в Ирландии. И тогда бы он понял, что неприлично в Советской стране трактовать об Ирландии так, как он это сделал в своей книге. А изображает он, снова «исспровергая» Маркса, дело так, что победа над Ирландией «укрепляла положение республики» (стр. 187), т. е. судит об Ирландии с точки зрения английского помещика.

Нам думается, что не следует затруднять читателя дальнейшим разбором «труда» В. Семенова.

¹ Цит. по Ленину, т. XII, стр. 210.

нова. Мы ограничимся в заключение лишь простым перечнем наиболее крупных ошибок и недостатков, допущенных автором. Путаает автор с оценкой протектората, который он определяет на стр. 194 как «начало буржуазной реакции», а на стр. 198—199 говорит об этом периоде, по существу, как о продолжении революции. Автор смазывает классовый характер армейских советов, пытаясь в ряде мест изобразить их в качестве органов классовой гармонии. Факт превращения солдатских организаций в общearмейскую, факт, приведший к записью офицеров, он изображает не как акт борьбы, а как организационную деталь. Автор умалчивает о том, что в этом акте сказались

контрреволюционное намерение растворить солдатскую часть совета в офицерском большинстве и тем самым вырвать у советов их революционное жало. Пуриган и индигенентов автор характеризует не по социальному признаку, а на основе их церковно-организационных расхождений. Сообщая (см. стр. 144) о разногласиях между обеими партиями в вопросе о военной тактике, он опять-таки не вскрывает классовой подоплеку этих разногласий. И наконец в книге имеется много неярких (стилистически) формулировок, есть и фактические ошибки.

Почему эта книжка вышла в серии «Всемирная история», совершенно непонятно.

В. Бухина

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ГОРЬКОГО»

Издание Центрархива, Государственное издательство художественной литературы, 1933 г., 144 стр., цена 2 р. 50 к.

Архивные документы, помещенные в сборнике, освещают ряд моментов из революционной и общественной жизни Горького. Департамент полиции, жандармы и охранники интересовались Горьким лишь в той мере, в какой его деятельность становилась «преступной», выходила «за пределы дозволенного». Применение тех или иных мер «предупреждения» и «пресечения» — гласный и негласный надзор, арест, высылка, привлечение к суду — вот основные «темы», по которым ведется полицейско-жандармская и охранная переписка.

Эта специфическая «тематика» оставляет в стороне всю внутреннюю жизнь Горького, весь тот тяжелый и сказочный путь, который прошел «нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков». Но внешние этапы жизни Горького, его первые юношеские шаги и широкий размах революционной деятельности в зрелые годы получили отражение в департаментской переписке.

В переписке нижегородской и казанской жандармерии и полиции отразилось первое знакомство Горького с казанскими студентами, политическими ссыльными и поднадзорными, собиравшимися в лавочке и в булочной Деренкова. Здесь, как известно, Горький познакомился с народниками и народолюбцами, связался с марксистским кружком Федосеева. Спустя год, в 1889 г., мы видим Горького в Нижнем-Новгороде. Он живет с «нигилистом» Сомовым и поднадзорным Чекиным. Все они живут коммунально и ведут себя очень «подозрительно».

Ввиду предстоящего ареста Сомов уехал из Нижнего, и полиция арестовала Пешкова, требуя от него указаний, куда скрылся Сомов. Во время этого первого своего ареста молодой Горький вел себя «в высшей степени дерзко и нахально», но веских улик против него у жандармов не было. Вскоре он был освобожден и отдан под гласный, а потом под негласный надзор полиции.

В 1898 г. Горький снова был арестован, а затем препровожден по этапу из Нижнего-Новгорода в Тифлис и заключен в Метехский замок.

Арест был связан с делом о нелегальном кружке Афанасьева, с которым Горький жил в

1892 г. в Тифлисе. Теперь, через шесть лет, тифлиссские жандармы задним числом решили, что Горький, живя в Тифлисе, вел социал-демократическую пропаганду. Свидетели по делу Афанасьева указывали, что Горький «много и резко говорил об эксплуатации рабочих», но этих обвинений было недостаточно для возбуждения «дела». Горький был уже в это время популярным писателем. Лишенный «основания» арест «литератора» и «препровождение» его по этапу в Тифлис были очень скандальны. Пришлось арестованного отпустить на свободу, учредив за ним полицейский надзор.

В документах отражен также тот горячий отклик, который вызван у Горького жестоким избиванием студентов во время демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г. Горький не ограничился участием в организованном протесте писателей. Он составил и распространил опровержение лживого правительственного сообщения, опровержение, полное страстного возмущения, необычайно яркое и убедительное.

Весной того же 1901 г. Горький уезжает из Петербурга в Нижний-Новгород, где ведет революционную пропаганду среди сормовских рабочих, призывая их к празднованию 1 мая. В переписке департамента полиции с нижегородским жандармским управлением ярко отразился известный эпизод с приобретением Горьким мимеографа и неудавшаяся попытка «взять мимеограф вместе с (печатающими) лицами в самый момент воспроизведения ими предположенных воззваний к сормовским рабочим». Этот провокаторский план осуществить не удалось. Горького в Нижнем арестовали, но обвинили его лишь в составлении «опровержения» и в сочинении стихотворения «на мотив Марсельезы».

В тюрьме Горький сидел недолго. Его освободили «ввиду состояния здоровья», оставив его под домашним арестом, а затем под надзором полиции. Осенью разрешили поехать в Крым.

Поездка Горького на юг причинила полиции множество хлопот и неприятностей. Любимому писателю-революционеру, «сосланному без суда и следствия», прежде всего устроили демонстративные проводы в Нижнем-Новгороде, где демонстрация «по недосмотру полиции» прошла блестяще. Далее департамент полиции и местные власти принимают энергичнейшие меры против чествования Горького на пути его следования. В Москву писатель вовсе не был

нова. Мы ограничимся в заключение лишь простым перечнем наиболее крупных ошибок и недостатков, допущенных автором. Путаает автор с оценкой протектората, который он определяет на стр. 194 как «начало буржуазной реакции», а на стр. 198—199 говорит об этом периоде, по существу, как о продолжении революции. Автор смазывает классовый характер армейских советов, пытаясь в ряде мест изобразить их в качестве органов классовой гармонии. Факт превращения солдатских организаций в общearмейскую, факт, приведший к записью офицеров, он изображает не как акт борьбы, а как организационную деталь. Автор умалчивает о том, что в этом акте сказались

контрреволюционное намерение растворить солдатскую часть совета в офицерском большинстве и тем самым вырвать у советов их революционное жало. Пуриган и индигенентов автор характеризует не по социальному признаку, а на основе их церковно-организационных расхождений. Сообщая (см. стр. 144) о разногласиях между обеими партиями в вопросе о военной тактике, он опять-таки не вскрывает классовой подоплеки этих разногласий. И наконец в книге имеется много неярких (стилистически) формулировок, есть и фактические ошибки.

Почему эта книжка вышла в серии «Всемирная история», совершенно непонятно.

В. Бухина

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПУТЬ ГОРЬКОГО»

Издание Центрархива, Государственное издательство художественной литературы, 1933 г., 144 стр., цена 2 р. 50 к.

Архивные документы, помещенные в сборнике, освещают ряд моментов из революционной и общественной жизни Горького. Департамент полиции, жандармы и охранники интересовались Горьким лишь в той мере, в какой его деятельность становилась «преступной», выходила «за пределы дозволенного». Применение тех или иных мер «предупреждения» и «пресечения» — гласный и негласный надзор, арест, высылка, привлечение к суду — вот основные «темы», по которым ведется полицейско-жандармская и охранная переписка.

Эта специфическая «тематика» оставляет в стороне всю внутреннюю жизнь Горького, весь тот тяжелый и сказочный путь, который прошел «нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков». Но внешние этапы жизни Горького, его первые юношеские шаги и широкий размах революционной деятельности в зрелые годы получили отражение в департаментской переписке.

В переписке нижегородской и казанской жандармерии и полиции отразилось первое знакомство Горького с казанскими студентами, политическими ссыльными и поднадзорными, собиравшимися в лавочке и в булочной Деренкова. Здесь, как известно, Горький познакомился с народниками и народолюбцами, связался с марксистским кружком Федосеева. Спустя год, в 1889 г., мы видим Горького в Нижнем-Новгороде. Он живет с «нигилистом» Сомовым и поднадзорным Чекиным. Все они живут коммунально и ведут себя очень «подозрительно».

Ввиду предстоящего ареста Сомов уехал из Нижнего, и полиция арестовала Пешкова, требуя от него указаний, куда скрылся Сомов. Во время этого первого своего ареста молодой Горький вел себя «в высшей степени дерзко и нахально», но всяких улик против него у жандармов не было. Вскоре он был освобожден и отдан под гласный, а потом под негласный надзор полиции.

В 1898 г. Горький снова был арестован, а затем препровожден по этапу из Нижнего-Новгорода в Тифлис и заключен в Метехский замок.

Арест был связан с делом о нелегальном кружке Афанасьева, с которым Горький жил в

1892 г. в Тифлисе. Теперь, через шесть лет, тифлисские жандармы задним числом решили, что Горький, живя в Тифлисе, вел социал-демократическую пропаганду. Свидетели по делу Афанасьева указывали, что Горький «много и резко говорил об эксплуатации рабочих», но этих обвинений было недостаточно для возбуждения «дела». Горький был уже в это время популярным писателем. Лишенный «основания» арест «литератора» и «препровождение» его по этапу в Тифлис были очень скандальны. Пришлось арестованного отпустить на свободу, учредив за ним полицейский надзор.

В документах отражен также тот горячий отклик, который вызван у Горького жестоким избиванием студентов во время демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г. Горький не ограничился участием в организованном протесте писателей. Он составил и распространил опровержение лживого правительственного сообщения, опровержение, полное страстного возмущения, необычайно яркое и убедительное.

Весной того же 1901 г. Горький уезжает из Петербурга в Нижний-Новгород, где ведет революционную пропаганду среди сормовских рабочих, призывая их к празднованию 1 мая. В переписке департамента полиции с нижегородским жандармским управлением ярко отразился известный эпизод с приобретением Горьким мимеографа и неудавшаяся попытка «взять мимеограф вместе с (печатающими) лицами в самый момент воспроизведения ими предположенных воззваний к сормовским рабочим». Этот провокаторский план осуществить не удалось. Горького в Нижнем арестовали, но обвинили его лишь в составлении «опровержения» и в сочинении стихотворения «на мотив Марсельезы».

В тюрьме Горький сидел недолго. Его освободили «ввиду состояния здоровья», оставив его под домашним арестом, а затем под надзором полиции. Осенью разрешили поехать в Крым.

Поездка Горького на юг причинила полиции множество хлопот и неприятностей. Любимому писателю-революционеру, «сосланному без суда и следствия», прежде всего устроили демонстративные проводы в Нижнем-Новгороде, где демонстрация «по недосмотру полиции» прошла блестяще. Далее департамент полиции и местные власти принимают энергичнейшие меры против чествования Горького на пути его следования. В Москву писатель вовсе не был

допущен. В Харькове встречающих не пустили на вокзал, но они собрались на железнодорожном мосту и устроили там демонстрацию.

Дело против Горького было прекращено летом 1902 г., хотя приблизительно около этого времени департамент полиции установил уже связь Горького с Московским комитетом социал-демократической партии, его сочувствие и активную помощь «Искре».

После 9 января Горький снова арестован и посажен в Петропавловскую крепость, в Трубецкой бастион, откуда он был освобожден 15 февраля под залог, внесенный Саввой Морозовой. Поводом для ареста на этот раз послужила попытка Горького вместе с группой писателей предотвратить расстрел 9 января, а также написанное Горьким воззвание к «русским гражданам и общественному мнению европейских государств». Излагая весь ход событий 9 января, обвиняя министра внутренних дел Святополка-Мирского и Николая II «в предусмотренном и бессмысленном убийстве мирных людей», воззвание призывало «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием».

Ряд документов посвящен пребыванию Горького в Финляндии после декабрьского восстания. Уезжая из России, Горький выступает как главный участник вечера, устроенного в Гельсингфорсе в Финском национальном театре в помощь пострадавшим русским революционерам. Горький читает здесь свой рассказ «Товарищ», который вызвал взрыв революционного энтузиазма, завершившийся демонстрационным шествием по городу до гостиницы, где жил Горький. Кратковременное пребывание Горького в Финляндии и проводы его превратились в сплошное чествование, в котором принимало участие все, что было революционного в Гельсингфорсе.

Настроение Горького после 1905 г. — бодрое, уверенное. Он верит в новый подъем революции. В августе 1906 г. он обращается к французским рабочим с воззванием, в котором говорит, что «час всеобщего восстания в России уже близок», и призывает давать деньги на покупку оружия. Горький в это время «тесно связан» с большевиками. В мае 1907 г., во время Лондонского съезда, Гартинг, заведующий заграничной агентурой департамента полиции, сообщает, что Горький отказывает в поддержке меньшевистскому ЦК, он достает средства только для большевиков, считает, что состав ЦК должен быть большевистским.

В последующие годы заграничной жизни Горького департамент полиции отмечает организацию школы на Капри и помощь Горького в подготовке к изданию «Правды». Более подробных сведений о настроениях и революционной деятельности Горького департамент полиции не имеет. Зато по возвращении в Россию (31 декабря 1913 г.) Горький тотчас же попадает под неусыпное наблюдение филеров петербургской охранки, для которой он попрежнему остается «нижегородским цеховым Алексеем Максимовым Пешковым». Поездки Горького на дачу в Финляндию, жизнь на даче, поездки в Петербург проходят под бдительнейшим надзором жандармов. Финляндские и петербургские филеры передают друг другу наблюдение над Пешковым по мере его передвижения. В Москве Горькому удалось как-то скрыться от стороживших его жандармов, и петербургская охранка с ужасом сообщает, что «по канцеляр-

скому недосмотру» департаменту полиции не было донесено своевременно о поездке Горького в Москву и что «23 февраля Пешков из Москвы вновь прибыл в С.-Петербург без филерского наблюдения».

Наблюдение за Горьким стоило казне очень дорого и не давало желательных результатов. Поэтому постоянный надзор был снят сперва петербургской, а затем и финляндской охранкой. Но департамент полиции считал необходимым «иметь сведения о переездах и связях известного революционного деятеля А. М. Пешкова», и филерам поручается систематически проверять пребывание Горького на даче и наблюдать за всеми его выездами. Из переписки видно, что распоряжение это неуклонно выполнялось.

Антивоенная пораженческая пропаганда Горького в годы империалистической войны привлекала особое внимание департамента полиции. Организовав журнал «Летопись» и постоянно руководя им, Горький для пораженческой пропаганды использовал «легальные возможности», и департаменту полиции до поры до времени со скрежетом зубным приходилось терпеть его «разлагающую» деятельность. Московскому комитету по делам печати больше повезло. В статье Горького «О современности», помещенной в журнале «Новый колос», был найден «состав преступного деяния», предусмотренного пунктом 3-й статьи 1034-й Уложения о наказаниях, ввиду чего комитет потребовал ряда репрессий против журнала, вплоть до его закрытия.

Таков революционный путь Горького, поскольку он, конечно весьма неполно, отразился в изданном Центрархивом сборнике документов. Документы, помещенные в сборнике, хорошо подобраны и читаются с живым интересом. Очень удачна мысль широко использовать примечания, сделанные самим Горьким, к тем документам, которые ранее, в 1921 г., были напечатаны в журнале «Былое». В этих примечаниях много воспоминаний, портретов, характеристик, иногда очень выразительных и ярких, как характеристика М. А. Ромаша или «нигилиста» Сомова. Много ценного дают также примечания, сделанные на основе неопубликованных материалов архива департамента полиции. Составители сборника гг. Л. Браже и А. Спирова, работники Архива революции, прекрасно знают фонд департамента полиции, и это сказалось не только на подборе опубликованных документов, но дало возможность много свежего и нового внести в справочную аппаратуру книжки, вообще очень тщательно разработанную.

Недостатком сборника является незначительное использование нижегородских и особенно ленинградских архивных фондов, в которых немало документов, более подробно освещающих революционный путь Горького. Есть в книжке и некоторые недочеты технического и конструктивного характера. При ссылке на фонды, кроме фонда департамента полиции, указывается номер, а не название фонда. От этого ссылка становится чисто формальной и ничего не говорит читателю.

В шифре дел департамента полиции часто не указано делопроизводство, что очень затрудняет, а иногда делает невозможным разыскание дела. Неправильно и часто совершенно необъяснимо отступление от хронологической последовательности документов. В некоторых случа-

ях такое отступление как будто вызвано желанием объединить несколько документов, относящихся к определенной теме. Но это объединение ведет к разрыву основного текста и потому совершенно нецелесообразно. Большой же частью отступление от хронологической последовательности не имеет даже такого оправдания. Например между отношением департамента полиции в Финляндское жандармское управление от 19 июня 1914 г. о прекращении постоянного наблюдения за А. М. Пешковым и о периодической проверке пребывания его на даче (С. 116) и отношением Финляндского жандармского управления в департамент полиции от 3 августа 1914 г. о производстве такой проверки 31 июля (С. 117) помещен документ от 10 октября 1914 г. о происшедшем 30 сентября и 1 октября совещании представителей социал-демократической фракции Государственной думы с руководящими работниками Петроградского комитета. Таких случаев несколько, и они отчасти нарушают общее впечатление тщательной и продуманной работы над сборником.

Издана книжка хорошо, хорошо оформлена. Нужно думать, что посвященный Горькому сборник проникнет в широкие круги читателей, интересующихся сложной и многогранной жизнью и деятельностью любимого писателя.

В заключение надо отметить, что данный сборник знаменует известный сдвиг в издательской работе Центрархива. Документы собраны и подготовлены к печати не издательским отделом ЦАУ, а архивистами—сотрудниками Архива революции, под руководством заведующего архивом Т. Долаго. Это чуть ли не первый случай, когда работники архивохранилища, занятые непосредственно обработкой архивных фондов и превосходно знающие эти фонды, используют свои знания и опыт для ознакомления широкой публики с имеющимися в хранилищах материалами. Читательские круги и прежде всего и больше всего историки крайне заинтересованы в том, чтобы практика опубликования сотрудниками отдельных архивохранилищ обработанных ими и неопубликованных ранее документов получила возможно большее распространение. Только в этом случае, только при участии в издательской работе Центрархива всей массы квалифицированных архивистов, публикация документов, которые должны лечь в основу исследовательской работы историков-марксистов, получит твердую базу и в значительной мере сократит мало эффективную работу историков над несистематизированными и неопубликованными материалами.

Начинаем обсуждение

ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ И МЕМУАРОВ

Рецензией т. Рудого на роман Тарасова-Родионова «Июль» редакция открывает обсуждение ряда исторических романов и мемуаров.

Исторический роман, как художественное произведение, отражающее события прошедших лет, должен отвечать требованиям социалистического реализма, чего партия требует от всех других художественных произведений нашей пролетарской литературы.

Значение художественной литературы Советского союза огромно как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Мощь нашей литературы в том, что это литература страны, строящей бесклассовое социалистическое общество. Она развивается и крепнет только при условии правильного отображения нашей действительности, наших новых, социалистических отношений, на основе отображения могучей роли нашей партии. Но и литература, посвященная отображению нашей борьбы в годы, предшествовавшие и подготовившие Октябрь, должна отвечать тому же требованию. Оценка художественного произведения не может быть дана вне зависимости от исторической правды, подтвержденной всей нашей действительностью с ее гигантскими задачами и с ее достижениями всемирно исторического значения. Именно с этой точки зрения должны мы подходить и к оценке исторических романов. Только при этом условии наша критика будет плодотворна и будет содействовать правильному уяснению широкими массами трудящихся смысла отошедших исторических событий и пониманию ими гигантского масштаба и значения нашей исторической борьбы за социализм.

Неоднократно указывалось, особенно после исторического постановления ЦК партии от 23 апреля, на значение критики, способствующей выковыванию подлинно социалистической литературы, на то, что именно критика, обобщая и анализируя творческий опыт, может способствовать созданию величайших образцов литературы на основе социалистического реализма.

Историки, научно разрабатывающие вопросы подготовки нашей партии к Октябрю, роль партии в подготовке и руководстве Октябрьской революцией, имеют все возможности укрепить оружие критики исторических романов и вообще художественных произведений, трактующих о прошлом. Поэтому-то наш исторический журнал включается в работу по критической проверке исторической художественной продукции.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ИЮЛЯ 1917 г.

А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ, ИЮЛЬ (Московское товарищество писателей). 1933 г.

В истории нашей революции июльские события имеют огромное политическое и историческое значение. Июль 1917 г. был переломным моментом, который потребовал от нашей партии изменения тактических лозунгов в борьбе за власть советов с контрреволюционной буржуазией в лице временного правительства.

Ленин писал об июльских событиях следующее:

«После 4 июля контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактически государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющей большевиков в Питере»¹.

От автора, берущегося в той или иной форме за описание ответственного этапа в развитии пролетарской революции и роли нашей партии в ней, требуется не только знание фактов, людей, но особенно марксистско-ленинское понимание событий, партийная точка зрения.

Тарасов-Родионов, взявший на себя задачу художественного показа важнейшего периода в истории нашей партии, должен был это сделать так, чтобы это описание июльских дней помогало политическому воспитанию молодых членов партии, их боевой закалке, знанию и правильному пониманию ленинской тактики в период от Февраля к Октябрю.

Бесспорно, что июльские события имеют всемирно историческое значение, что ленинская революционная тактика в этот период есть образец для наших братских компартий, что на этом опыте, как и на опыте октябрьских боев, они учатся стратегии и тактике пролетарской революции. Сложность обстановки революции 1917 г. диктовала нашей партии и ее вождю Ленину исключительную гибкость и маневренность, что видно из смены лозунгов, из отношения к предпарламенту и наконец всей тактики нашей партии в предоктябрьский период.

Тема об июльских днях требовала от автора показа нарастающего массового движения, огромной организующей роли нашей партии, возглавлявшей это движение масс, краха предательской политики эсеро-меньшевистского блока.

Оправдал ли Тарасов-Родионов требования, о которых говорилось выше, дал ли он на протяжении свыше 500 страниц своего романа подлинное марксистско-ленинское описание событий июля 1917 г.?

К сожалению, этого в объемистой работе Тарасова-Родионова как раз нет. Несмотря на то, что автор пишет немало о партии, о Ленине и Сталине, — подлинной роли партии

в этой работе нет, внутрипартийная история значительно искажена. Подлинная партийность, политическая ответственность за написанное в книге «Июль» отсутствуют.

Что лежит в основе «Июля», какой лейтмотив пронизывает с начала до конца книгу? Не показ июльского отрезка истории нашей партии, ее всемирно исторической роли накануне величайшей в мире пролетарской революции, а история одного мелкобуржуазного интеллигента, обанкротившегося, растерявшего перед лицом величайших событий свою революционнуюность, показ всей мелкоты обывательско-интеллигентской души, барахтающейся между собственными антипартийными, антиреволюционными поступками и покаянием в этих грехах, обнажение обывательского нутра человека, не нашедшего своего места в революции как раз на ответственной ее этапе, — таков стержень всей книги Тарасова-Родионова. Причем еще одна характерная особенность. Свои черты, которые, как он сам говорит, «свойственны мелкой буржуазии», Тарасов-Родионов пытается прикрыть тем, что он якобы хочет «на примере своей личности проследить ход общего органического процесса, которым трудящиеся массы хотя и тяжелыми шагами, но неуклонно шли к большевизму» (стр. 6).

На самом же деле у Тарасова-Родионова в его книге получилось наоборот: не история пути большевика, а история пути мелкого буржуа, изменившего революции, растерявшегося перед ее трудностями.

Нам могут возразить, что такого рода история одного политического падения, полуренегатства, описание личной судьбы активиста, отошедшего от партии, может стать уроком для растущих кадров наших братских компартий. Это было бы так, если бы автор в противовес своей собственной роли дал яркую картину героической роли других большевико-революционеров, если бы в центре книги была не личная психологическая драма, а партия, которая в своем поступательном революционном движении, в борьбе за массы, за пролетарскую революцию отбросила и отбрасывает прочь всех шатающихся, слюнтяев, ренегатов и т. д. Если бы это явилось идейной основой книги Тарасова-Родионова, она целиком оправдала бы себя. Но этого в рецензируемых исторических мемуарах как раз и нет.

Перейдем к существу книги.

Вся книга Тарасова-Родионова говорит о том, что автор ее, тогда мелкобуржуазный попутчик большевиков, в течение всего описываемого периода революции непрерывно скатывался к ренегатству. Поэтому Тарасов-Родионов не имел никаких оснований выступать перед читателем как свидетель мнимых ошибок партии, почерпнутых из арсенала меньшевистских мемуаров Суханова. Так, на стр. 81 в ответ на измышления меньшевика Макрояни о якобы соглашательских шагах Петербургского комитета большевиков автор заявляет: «Ошибка была» и добавляет, что он «мучительно сжегился от сознания, как действительно много вреда приносят сейчас нам все эти бывшие ошибки первых шагов нашего большевистского роста». Выходит, по Тарасову-Родионову, что троцки-

¹ Собр. соч., т. XXI, стр. 34 — 35.

стские контрабандисты, разрабатывавшие контр-революционный тезис о «перевооружении партии», правы. На странице 195 в ответ на меньшевистскую сiletню о том, что «в Питере в марте был даже основан объединенный федеративный комитет», автор заявляет: «Мало ли какие глупости делали мы в Питере в марте». Это «мы» звучит очень претенциозно в устах автора, который, по собственному признанию, по сути был меньшевиком троцкистской разновидности (см. стр. 415). А между тем у автора хватает смелости, говоря о партии, а не только о себе или об ошибках отдельных лиц, формулировать такой тезис:

«Большевизм... в своей колыбели должен был перепачкать немало пеленок. И в эту грозную пору нам еще долго будут тыкать ими в лицо» (стр. 86). Вот уж поистине сваливать с больной головы Тарасова-Родионова и ему подобных тогда мелкобуржуазных попутчиков на здоровую голову большевистской партии!

Ленин так формулировал суть «мирного» периода революции:

«Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции».

И дальше:

«Смена классов и партий, имеющих власть, могла внутри советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно»¹.

Ленин понимал «мирный» ход революции не как отрицание борьбы, не как демобилизацию пролетарских сил, а наоборот, важнейшим условием, делавшим возможным мирный переход власти в руки рабочих и крестьян, считал вооружение народа.

А как понял тогда автор «Июля» эту сложнейшую проблему революции? Тарасов-Родионов пишет:

«Пусть нам всем здесь еще свойственны заблуждения, сомнения, колебания. Зато твердо все мы знаем одно: да, мы не хотим излишне заострять предстоящее столкновение, почти все мы надеемся на мирное завоевание власти нашими советами (какими нашими, это меньшевистско-эсеровскими-то? — подчеркнуто нами.— Я. Р.), как о том разъяснял на съезде советов Владимир Ильич»².

Вот как понял тогда Тарасов-Родионов ленинскую концепцию «мирного периода революции». Он понял ее по-меньшевистски. Раз речь идет о мирном движении, тогда вредно обострять отношения с классовыми противниками, тогда проблематична сама борьба с меньшевиками и эсерами. Автор «Июля» понял эпоху «мирного» развития революции как отрицание борьбы. Такое понимание у автора не случайно, а находится в полном согласии со всем его мироощущением и «приятием» революции, что видно из последующего изложения, из всей последующей, далеко не большевистской, деятельности его.

¹ Собр. соч., т. XXI, стр. 34.

² «Июль», стр. 265.

Говоря о победе нашей партии в июньской демонстрации, где рабочие и солдаты вышли в огромной массе с большевистскими лозунгами, Тарасов-Родионов восторженно мечтает:

«То-то будет сюрприз. Как приеду я сейчас в Питер, а там мальчишки-газетчики уже выкрикивают: «Отставка временного правительства!! ВЦИК принял на себя всю полноту государственной власти!!». Как это было бы все хорошо, а самое главное — все так безболезненно, без зубодробительных перепалок без кровопролитных восстаний!.. А и в самом деле, почему бы так и не случиться? Ведь говорил же Ленин о возможности безболезненного развития»³.

Что в этих строках видна во всей наготе обывательская, полуменьшевистская трактовка революции, для всякого беспристрастного читателя совершенно ясно. Автор был бы крайне счастлив, если бы дело обошлось без всякой борьбы и ВЦИК (меньшевистско-эсеровский), являвшийся после июля средоточием контрреволюционной борьбы против нашей партии, получил всю власть. Этим, по Тарасову-Родионову, ограничивается суть «мирного» периода революции. Чем не идиллия! Между тем наша партия в лице Ленина, говоря о возможности «мирного» перехода власти в руки советов, готовилась к вооруженному восстанию и считала лучшей гарантией мирного хода революции «держать порох сухим».

Тарасов-Родионов в своих воспоминаниях делает попытку дать картину состояния партии в июльские дни и после них. Пытаясь показать, что июльское выступление было продуктом стихийного возмущения масс в Петрограде, что партия в то время не ставила себе непосредственной задачи свержения временного правительства, автор не сумел показать, как партия, «опираясь на стихийный подъем, сохраняла за собой безраздельное руководство движением» (Сталин).

Общую характеристику состояния партии в июльские дни Тарасов-Родионов дает в выражении: «В особняке Кшесинской заметно смятение»⁴. Эту характеристику партии автор проводит во всей своей работе.

Получается, что партия фактически не в авангарде, а в хвосте демонстраций. Но Тарасов-Родионов в умалении роли партии в июльских событиях этим не ограничивается.

Как рисует автор «Июля» положение после июльского этапа?

И здесь та же неутешительная картина. Состояние партии после июльских дней представляется Тарасову-Родионову как состояние «разгрома». Так, Тарасов-Родионов пишет:

«Что осталось от нашей партии, если вожди попрятались, а периферию «шерстят». А ведь сколько было отдано сил, сколько самоотверженных честных усилий было потрачено всеми нами, чтобы раскрыть народу на все это глаза. Где он сейчас, этот народ?!»⁵.

О героическом питерском пролетариате разувверившийся в революции обыватель толкует в таких выражениях:

³ «Июль», стр. 279.

⁴ «Июль», стр. 325.

⁵ «Июль» стр. 421.

«... Велик ли толк в нашем питерском пролетариате? Разве я не видал, как рукоприкладствовали они у себя на Путиловском плюгавому Дану? А разве я сейчас арестован не при поддержке вновь призванных Филипповичем рабочих депутатов совета? Вот тебе и пролетариат» (стр. 421).

«Партия растерялась», «партии после июльских событий нет», «народ молчит», «вожди попрятались» — вот какую картину рисует Тарасов-Родионов в своей истории «Июля», тем самым клеветая на партию.

Свое собственное спонтанство и действия, граничащие с предательством, растерявшийся мелкобуржуазный интеллигент выдает за тогдашнее состояние партии, рисуя якобы «развал» партийных рядов.

Тарасов-Родионов потратил немало чернил на то, чтобы описать свое внутреннее состояние полной растерянности, отчаяния и душевной протрации. Вся эта довольно неприглядная картина рисует внутренний мир этого неустойчивого попутчика революции. Но на каком основании эту картину растерянности и отвратительного малодушия автор «Июля» перенес на партию? Самокритика — вещь хорошая, но предположение «самокритики» своей личности в том виде, в каком это делает Тарасов-Родионов, не умеющий отделить в данном случае свое личное от общественного, никак не может поднимать авторитет партии в глазах молодых членов партии.

Лишним примером неправильной установки его «самокритики» является описание его собственного состояния в тюрьме, где, с одной стороны, большевик, каковым все же называет себя Тарасов-Родионов, выступает как полный политический банкрот, а, с другой стороны, «левый» эсер (Жендзян) выступает как подлинный революционер. У Тарасова-Родионова состояние политического банкротства довело его до попытки кончить самоубийством. Спасает его Жендзян, который оказывается значительно мужественнее автора. Вот образец беседы Тарасова-Родионова и Жендзяна.

Тарасов-Родионов:

«—Как жаль, что партия за Каменевым не пошла. Тогда был бы установлен общий фронт социалистических партий. Советами можно было бы при случае и пожертвовать. Зато партия была бы цела, не было бы разгрома и не было бы теперешней катастрофы на фронте. Мы бы не пустили к себе воинствующих подлецов, кайзерских социал-демократов, прущих к нам сюда за хлебом, со сисками и тряпьем. Мы сами бы пошли тогда на Берлин пошарить кое-что и у них в шкафах и карманах!.. Пошарить в шкафах и карманах?! Фу, какой позор! Нет, — лучше смерть.

Я оглядываю комнату: нет ли крючьев? Петлю можно сделать из обрывков белья. Но крючьев нет...

...Я иду тихонько к Жендзяну и прошу у него перочинный нож. Жендзян глядит на меня дремучим, испытующим взглядом.

Жендзян: Зачем тебе нож?

Тарасов-Родионов: Чинить карандаш. ...Но кто-то властно хватает внезапно меня за руку.

Жендзян: Отдай нож! — хрипит Жендзян испуганно в ухо. — Я тебе говорю, отдай нож! Что ты задумал? Что ты шатаешься сейчас, как маятник какой?

Он свирепо вырывает свой нож из моих стиснутых пальцев.

Жендзян: Перестань безобразить! — шипит он растерянно и сердито. — Перестань, говорю я тебе. Куда ты спешишь? Надо будет, так и без твоей просьбы тебя расстреляют»¹.

Вот в таком духе рисует свое и Жендзяна состояние Тарасов-Родионов. Дальше дело доходит у автора «Июля» до подачи записки властям о помиловании, до попытки выдать себя за меньшевика, стереть с себя всякие следы большевизма. С этой точки зрения интересно свидание автора с т. Залуцким в тюрьме. Трудно ручаться за достоверность передачи разговора Тарасова-Родионова с т. Залуцким, но то, что передается в этом разговоре, объективно должно служить оправданию ренегатского поведения автора. Как относится Залуцкий к действиям Тарасова-Родионова? Иначе как примиренчеством, мягко выражаясь, это отношение назвать нельзя.

«Что же ты приуныл? — дружелюбно заглядывает он мне в глаза. — Надоело сидеть здесь?.. Ну что же делать! Надобно потерпеть».

«Ну, брось, брось! — успокаивает он меня со строгостью старшего брата. — Чего о прошлом сейчас вспоминать! Чепуха это, братец, вздор».

И тут, по словам Тарасова-Родионова, Залуцкий присоединяется к той оценке, какую дает автор состоянию партии:

«Ты думаешь, у нас на периферии эти первые дни тоже гладко сошли? Вон в Москве так, почитай, половина всей организации растаяла тут же, как снег. В иных районах так хоть шаром покати! Да что там в районах! На самом заседании МК тоже нашлись паникеры, которые начали было тут же шушукать: «Дыма, дескать, без огня не бывает! Очевидно, у кого-то там рыльце в пушку. Надо срочно потребовать созыва съезда, предварительно выбрав следственную комиссию для расследования всех опубликованных обвинений!»²

Выходит, что Тарасова-Родионова, поверившего чуть ли не в то, что Ленин является германским агентом, Залуцкий утешал тем, что он не одинок в своем паникерстве, что и в МК нашлись товарищи, требовавшие следственной комиссии, и т. д. и т. п.

Но, по словам автора, не только Залуцкий, но и другие большевики, которым он уже кон-

¹ «Июль», стр. 434 — 435.

² «Июль», стр. 497.

кретно рассказал о своих ренегатских письмах¹, отнеслись к нему весьма благодушно. Ораниенбаумский большевик Горшков, который, по повествованию автора, сидел в большевистском седле много крепче Тарасова-Родионова, претендовавшего на руководство всеми этими Горшковыми, Новиковыми, был настолько поражен, что решил скрыть факт ренегатства автора от своих товарищей. А представитель большевистской фракции Садовский так якобы реагирует на ренегатство автора: «Мне трудно конечно судить о твоём деле. Потом, если будет на то время (подчеркнуто нами.—Я. Р.), может быть мы в нём и разберемся. А может быть и разбираться совершенно будет не нужно, если ты делом докажешь, что ты твердый, подлинный большевик» (стр. 523). Партия даёт возможность ошибающимся исправлять свои ошибки, это верно. Но ведь партия даёт суровую и четкую политическую оценку этих ошибок. Ничего подобного, по автору, не получается, он говорит о собственной «подлости», «ренегатстве» и т. д., но художественный показ отношения других большевиков к его поступкам неизбежно должен привести массового читателя к выводу, что все эти деяния Тарасовых-Родионовых вполне совместимы с большевизмом. В этом основной порок совершенно неудавшейся «самокритики» автора, граничащей с клеветой на партию. Если добавить к этому, что автор все время рисует, самолюбуется, созерцая свое мелкобуржуазное нутро, страшно раздувает свою действительную роль в революции, в частности в большевизации ораниенбаумского гарнизона, то ясно будет, что мы имеем дело с кривым зеркалом июля 1917 г.

Самое важное заключается в том, что Тарасов-Родионов, взявшись за описание июльских событий, даёт общую картину тех дней, роль партии через аспект своего мелкобуржуазного восприятия революции. Тарасов-Родионов не только не понимает всемирно исторической роли июльских дней как одного из этапов победоносной пролетарской революции, но с глубокомысленным видом выдаёт свое тогдашнее мелкобуржуазное, дрябло-интеллигентское понимание этих событий за большевистское.

Автору чужда ленинская диалектика в понимании революционных событий. Ленин писал, анализируя три кризиса в ходе развития от Февраля к Октябрю:

«Наконец, последний и, пожалуй, самый поучительный вывод — из рассмотрения событий в их связи — состоит в том, что все три кризиса показывают нам некую, новую в истории нашей революции, форму некой де-

¹ Тарасов-Родионов писал: «О, дайте мне искупить эту вину, дайте право умереть на фронте, защищая родину честным человеком. Я решил умереть на фронте за родину, чтобы искупить свой грех большевистских идей», стр. 44.

монстрации более сложного типа при волнообразном движении, быстром подъёме и крутом опуске, при обострении революции контрреволюцией, при «вымывании» на более или менее продолжительное время средних элементов»².

Новый, более сложный тип демонстрации смотра сил на пути к вооруженному восстанию, — вот как понимает июльские события Ленин. Ничего общего с этой ленинской трактовкой «концепция» Тарасова-Родионова не имеет. Она сводится к тому же, к чему свелась меньшевистская оценка декабрьских событий 1906 г. в Москве, которая привела их к выводу: «Не надо было браться за оружие».

Ничего общего с ленинизмом не имеет также оценка Тарасовым-Родионовым состояния партии. Вопреки автору, которому дело рисуется так, что партия была в хвосте, а не возглавляла движения в июле, истинно ленинское понимание состояния партии в июльские дни сводится к следующему: партия на той ступени, не собираясь немедленно брать власть, не призывая массы к немедленному свержению временного правительства, была подготовлена к роли вождя масс, к руководству массовым движением. Массы, шедшие за партией, выйдя на демонстрацию с оружием в руках, возмущенные действиями временного правительства и предательской политикой с.р. меньшевистского блока, шагнули дальше простой демонстрации. Партия же, являющаяся авангардом рабочего класса, учитывая рост возмущения и революционности масс, не растерялась, возглавила это движение и дала ему правильное направление. Поднявшая голову контрреволюция не застала партию врасплох. Удар контрреволюционной буржуазии был значителен, но партия сумела сохранить свои силы, остаться на посту, перестроиться, сочетая легальные формы борьбы с нелегальными, накапливать силы и быстрыми темпами готовиться к грядущим боям за Октябрьскую революцию. Такова картина подлинного положения партии, картина, совершенно ясная для подлинных большевиков.

Книга Тарасова-Родионова даёт картину совершенно противоположную. Эта книга лишь дезориентирует партийные ряды, извращая сущность июльских событий, она мешает правильному воспитанию молодых членов партии.

Такой оценки «Июля» не могут изменить отдельные имеющиеся в книге правдивые страницы, изображающие рост революционного сознания масс, движение масс к большевизму.

Большевистской критике следует тщательнее заняться историко-партийными мемуарами Тарасова-Родионова и дать им должную партийную оценку.

² Собр. соч., т. XXI, стр. 21.

В редакцию «Борьбы классов» поступила просьба дать место переводу письма американского историка и журналиста Луи Фишера в редакцию «Нью-Йорк таймс», появившегося в литературном приложении к этой газете («Бук ревью») от 20 ноября 1932 года. Это письмо вносит корректив в книгу Луи Фишера «Советы и мировая политика», не лишенный исторического и политического значения.

Георгий Чичерин, советский комиссар по иностранным делам с 1918 по 1930 г., сообщил мне некоторые важные факты относительно союзнической интервенции в северной России в течение лета 1918 года. Делая мне это сообщение, он имел целью подчеркнуть возможность ложного истолкования одного места в моей книге «Советы и мировая политика», которое, по мнению г. Чичерина, может в будущем дать антибольшевистским историкам основание для неверного вывода, будто советское правительство поддерживало вторжение союзников на русскую территорию.

В июне 1918 года американские и британские войска высадились в Мурманске. Я писал следующее о политике большевиков в это время (том I, стр. 126—127):

«Большевики, которые в этот момент находились в крайне трудном положении, едва ли могли бы воспрепятствовать высадке Антанты на севере. Поэтому Чичерин разъяснил послан, что большевики, которые протестуют против интервенции, окажут сопротивление высадке иностранцев лишь в том случае, если она будет направлена против коммунистического правительства. Чичерин сказал автору этой книги, что в июне (это было до убийства Мирбаха) он послал одного из своих подчиненных, а именно левого эсера по фамилии Вознесенский, в Вологду для свидания с находившимися там союзными миссиями.

Вознесенский виделся с французским послом Нулансом, который откровенно говорил о предложенной им «малой» интервенции с антигерманскими целями и «большой» интервенции с антибольшевистскими целями. Он также виделся с сэром Ф. О. Линдлеем, британским представителем. Он по инструкциям Москвы известил Нуланса и Линдлея, что Советы не окажут сопротивления высадке иностранных войск в Арктике при условии, что они двинутся внутрь страны в направлении Финляндии против находившихся там германских войск. Но если они будут продвигаться против Петрограда или Москвы, то большевики будут вынуждены бороться.

Чичерин послал в связи с мурманской и архангельской оккупацией многочисленные ноты в Лондон и в Вашингтон. Между строками может быть прочтена та же политика. Коммунисты, не имея другого выбора, были готовы

поддержать десант союзников, не направленный непосредственно против них».

В течение 1930 и 1931 гг. г. Чичерин обратился ко мне с несколькими письмами по поводу этого эпизода. Теперь он сказал мне следующее:

«Если критики, которые рецензировали вашу книгу, до сих пор не обратили внимания на этот пункт, то серьезные контрреволюционные авторы, вроде Милюкова, еще могут сделать это. Остается впечатление, что мы были столь простодушны, что соглашались смотреть сквозь пальцы на высадки Антанты при условии, если бы им предшествовали хорошие слова о том, что они направлены против находившихся в Финляндии немцев. Я в настоящее время более ясно вспоминаю соответствующие факты. Существенными являются три обстоятельства: 1. Мы вели разговоры с представителями Антанты в июне 1918 года о высадках, которые уже были произведены в Мурманске. Против могущих последовать в будущем высадок мы просто протестовали, заявляя, что мы будем противиться им всеми имеющимися в нашем распоряжении силами. 2. Что касается высадок, которые уже были произведены, то мы также протестовали против присутствия на нашей территории иностранных войск и требовали их удаления. Они могли быть удалены морским путем или через Финляндию. Мы не противились их удалению через Финляндию. 3. Принимая во внимание заявление англичан, что высадки направлены против находившихся в Финляндии немцев, мы настаивали на общем официальном обязательстве правительств Антанты, что они не будут совершать интервенции в нашей стране против нашего правительства, — иными словами, на отказе от интервенции.

Вознесенский был послан в Вологду с информационными целями, для расспроса дипломатов Антанты, которых лично он знал, об интервенционистских планах. Он не имел с собой к ним официальных поручений. Не исключена возможность, что его разговоры с дипломатами, в смысле указанных выше трех пунктов, считались полезными. Однако, официальные переговоры были поручены т. Нагаренусу, который отправился в Мурманск, но не пришел к соглашению».

Луи Фишер

Москва.

Гор. КИЕВ, 6/IX 1933 г.

Уважаемый тов. редактор!

Ваше извещение к читателям в № 7 о перестройке журнала в сторону максимального приближения к типу массово-исторического журнала для читателей, глубоко приветствуем и радуемся введению новых перечисленных вами отделов.

Я хотел просить редакцию в ближайшее время уделить внимание на страницах журнала вопросам программным, так как эти вопросы особенно волнуют преподавателей вузов, техникумов и семилеток.

Это вопросы программ по истории народов СССР, истории Украины, Польши, Белоруссии, истории евреев и т. д.

Дальше я хотел просить вас обратить особое внимание на отсутствие у нас исторического словаря-справочника как для студента вуза, так и для учителя и массового читателя. Я думаю, журнал «Борьба классов» должен поставить этот вопрос на своих страницах и обязать соответствующие издательства немедленно приступить к изданию такого словаря, а тем временем открыть хотя бы полстраницы в журнале для объяснения наиболее часто встречающихся исторических слов.

Нужно, я думаю, кое-что в журнале сказать и об исторических наглядных пособиях при изучении истории борьбы классов, ведь у нас очень мало нашими издательствами делается в этом направлении.

Неплохо было бы в отдельных крупных городах СССР устроить совещания читателей журнала с приездом на это совещание одного из редакторов журнала, это имело бы громадное политическое значение в деле расширения исторического образования и воспитания.

Вот приблизительно мои пожелания в дальнейшей работе нашего журнала.

Гор. Киев, ул. Энгельса, № 21/21,

Грищенко Н. М.

Тов. Н. М. Грищенко (Киев, ул. Энгельса, 21/21).

Уважаемый товарищ!

Ряд высказанных вами пожеланий представляет несомненный интерес и конечно будет поддержан историками. Со своей стороны редакция «Борьбы классов» считает:

1) Что освещение на страницах журнала вопросов, связанных с программами по истории для учебных заведений разных типов, безусловно необходимо. Новые программы для педвузов (по истории России в СССР, по истории Запада), а также проекты их (например программа по истории евреев в России, разработанная для еврейского литературно-лингвистического отделения МПИИ имени Бубисва и для КУИМЭ), новые программы для техникумов и рабфаков, программы для средней школы требуют как специального разбора их в отдельных статьях, так и обмена мнениями между преподавателями на стра-

ницах журнала. В ближайшее время редакция приступит к печатанию статей методистов по вопросам программ.

2) Что вопрос об издании исторического словаря-справочника для вузовца, преподавателя и массового читателя должен быть поставлен на обсуждение. Вопрос о таком словаре поднимался несколько лет назад методической секцией общества историков-марксистов. Издание словаря было признано желательным, однако дальше составления проекта словаря дело не пошло. Между тем потребность в подобном справочнике (содержащем не только краткие пояснения отдельных слов — терминов, понятий, названий, имен исторических деятелей и т. д., — но и указывающем основную литературу по данному вопросу, преимущественно высказывания классиков марксизма-ленинизма) ощущается. Предварительное обсуждение должно коснуться ряда вопросов: необходимо уточнить установку словаря, определить характер и объем пояснений, выяснить принципы составления словаря (отбора слов), принципы библиографирования и т. д.

3) Что вопрос о наглядных пособиях по истории является сейчас, в особенности в связи с введением стабильных учебников для средней школы, одним из актуальнейших вопросов преподавания истории. На этом участке работы до сих пор сделано крайне мало, и учебные заведения, начиная от средней школы и кончая вузом и комвузом, попрежнему страдают от отсутствия наглядных пособий. Текущий год приносит некоторые сдвиги в этой области: Учпедгиз подготовил к изданию несколько серий наглядных пособий (состоящих из стеновых таблиц и раздаточного материала) для 5-го и 7-го годов обучения, фабрика Диафото № 7 — ряд серий диапозитивов для 5-го, 6-го и 7-го годов обучения. Научно-методическим советом Научно-исследовательского института геодезии и картографии (Москва) разработана тематика учебного исторического атласа. Всесоюзный картографический трест приступает к изданию новых исторических стеновых карт (в работе находится карта «Революция 1905 года»). Конечно на пути снабжения школы необходимыми пособиями все это лишь первые шаги, за которыми немедленно должны последовать новые. Задача всех интересующихся методикой истории — обсудить требования, которым должны отвечать наглядные пособия по истории. Для этого обсуждения редакция охотно предоставит место в журнале.

4) Что в отдельных крупных городах СССР устроить совещания читателей журнала с приездом одного из редакторов крайне желательно. Такие читательские конференции тесно свяжут читателей, широкие массы преподавателей с журналом, дадут возможность журналу полнее, лучше отвечать на их запросы, вовлекут читателей в дело распространения в массах исторических знаний, марксистско-ленинского понимания истории. Редакция приступает к подготовке первой из таких конференций.

РЕДАКЦИЯ.

Опечатки

В № 8—9 нашего журнала на стр. 54, левой колонке, 12 стр., статья г. Сорина «Первые шаги Ленина по созданию партии» по техническому недосмотру вышло несколько слов, благодаря чему искажился смысл.

Напечатано:

«В. Шелгунов (большевик, расстрелян в 1906 г.).»

Следует читать:

«И. Бабушкин (большевик, расстрелян в 1906 г.), В. Шелгунов (большевик), к сожалению, рано ослеп, член общества старых большевиков.»

Гор. КИЕВ, 6/IX 1933 г.

Уважаемый тов. редактор!

Ваше извещение к читателям в № 7 о перестройке журнала в сторону максимального приближения к типу массово-исторического журнала для читателей, глубоко приветствуем и радуемся введению новых перечисленных вами отделов.

Я хотел просить редакцию в ближайшее время уделить внимание на страницах журнала вопросам программным, так как эти вопросы особенно волнуют преподавателей вузов, техникумов и семилеток.

Это вопросы программ по истории народов СССР, истории Украины, Польши, Белоруссии, истории евреев и т. д.

Дальше я хотел просить вас обратить особое внимание на отсутствие у нас исторического словаря-справочника как для студента вуза, так и для учителя и массового читателя. Я думаю, журнал «Борьба классов» должен поставить этот вопрос на своих страницах и обязать соответствующие издательства немедленно приступить к изданию такого словаря, а тем временем открыть хотя бы полстраницы в журнале для объяснения наиболее часто встречающихся исторических слов.

Нужно, я думаю, кое-что в журнале сказать и об исторических наглядных пособиях при изучении истории борьбы классов, ведь у нас очень мало нашими издательствами делается в этом направлении.

Неплохо было бы в отдельных крупных городах СССР устроить совещания читателей журнала с приездом на это совещание одного из редакторов журнала, это имело бы громадное политическое значение в деле расширения исторического образования и воспитания.

Вот приблизительно мои пожелания в дальнейшей работе нашего журнала.

Гор. Киев, ул. Энгельса, № 21/21,

Грищенко Н. М.

Тов. Н. М. Грищенко (Киев, ул. Энгельса, 21/21).

Уважаемый товарищ!

Ряд высказанных вами пожеланий представляет несомненный интерес и конечно будет поддержан историками. Со своей стороны редакция «Борьбы классов» считает:

1) Что освещение на страницах журнала вопросов, связанных с программами по истории для учебных заведений разных типов, безусловно необходимо. Новые программы для педвузов (по истории России в СССР, по истории Запада), а также проекты их (например программа по истории евреев в России, разработанная для еврейского литературно-лингвистического отделения МПИИ имени Бубисва и для КУИМЭ), новые программы для техникумов и рабфаков, программы для средней школы требуют как специального разбора их в отдельных статьях, так и обмена мнениями между преподавателями на стра-

ницах журнала. В ближайшее время редакция приступит к печатанию статей методистов по вопросам программ.

2) Что вопрос об издании исторического словаря-справочника для вузовца, преподавателя и массового читателя должен быть поставлен на обсуждение. Вопрос о таком словаре поднимался несколько лет назад методической секцией общества историков-марксистов. Издание словаря было признано желательным, однако дальше составления проекта словаря дело не пошло. Между тем потребность в подобном справочнике (содержащем не только краткие пояснения отдельных слов — терминов, понятий, названий, имен исторических деятелей и т. д., — но и указывающем основную литературу по данному вопросу, преимущественно высказывания классиков марксизма-ленинизма) ощущается. Предварительное обсуждение должно коснуться ряда вопросов: необходимо уточнить установку словаря, определить характер и объем пояснений, выяснить принципы составления словаря (отбора слов), принципы библиографирования и т. д.

3) Что вопрос о наглядных пособиях по истории является сейчас, в особенности в связи с введением стабильных учебников для средней школы, одним из актуальнейших вопросов преподавания истории. На этом участке работы до сих пор сделано крайне мало, и учебные заведения, начиная от средней школы и кончая вузом и комвузом, попрежнему страдают от отсутствия наглядных пособий. Текущий год приносит некоторые сдвиги в этой области: Учебные подготовил к изданию несколько серий наглядных пособий (состоящих из стеновых таблиц и раздаточного материала) для 5-го и 7-го годов обучения, фабрика Диафото № 7 — ряд серий диапозитивов для 5-го, 6-го и 7-го годов обучения. Научно-методическим советом Научно-исследовательского института геодезии и картографии (Москва) разработана тематика учебного исторического атласа. Всесоюзный картографический трест приступает к изданию новых исторических стеновых карт (в работе находится карта «Революция 1905 года»). Конечно на пути снабжения школы необходимыми пособиями все это лишь первые шаги, за которыми немедленно должны последовать новые. Задача всех интересующихся методикой истории — обсудить требования, которым должны отвечать наглядные пособия по истории. Для этого обсуждения редакция охотно предоставит место в журнале.

4) Что в отдельных крупных городах СССР устроить совещания читателей журнала с приездом одного из редакторов крайне желательно. Такие читательские конференции тесно свяжут читателей, широкие массы преподавателей с журналом, дадут возможность журналу полнее, лучше отвечать на их запросы, вовлекут читателей в дело распространения в массах исторических знаний, марксистско-ленинского понимания истории. Редакция приступает к подготовке первой из таких конференций.

РЕДАКЦИЯ.

Опечатки

В № 8 — 9 нашего журнала на стр. 54, левой колонке, 12 стр., статья г. Сорина «Первые шаги Ленина по созданию партии» по техническому недосмотру вышло несколько слов, благодаря чему искажился смысл.

Напечатано:

«В. Шелгунов (большевик, расстрелян в 1906 г.).»

Следует читать:

«И. Бабушкин (большевик, расстрелян в 1906 г.), В. Шелгунов (большевик), к сожалению, рано ослеп, член общества старых большевиков.»

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Художник журнала Я. Янош. Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8. тел. 4-95-62. Прием в редакции с 12 до 3 ч. дня.

А. ПАНКРАТОВА	
VII международный конгресс исторических наук в Варшаве	1
П. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ	
История международных отношений на Варшавском конгрессе	17
В. ВОЛГИН	
Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе	24
Ч. ЯСИНСКИЙ	
„Польская историография XIX и XX столетий“ в освещении буржуазных историков	27
В. ДОМБРОВСКИЙ	
Архивы Польши и их значение для историков СССР	33
Н. ДЕРЖАВИН	
К вопросу о славянской колонизации Балканского полуострова	38
В. ВОЛГИН	
От Бабефа к Марксу	44
Н. ЛУКИН	
I интернационал и Парижская коммуна	49
П. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ	
Русско-японская война и образование Антанта	58
П. ГОРИН	
Национальная политика царизма в Польше в XX веке	63
А. ПАНКРАТОВА	
„История заводов СССР“ (вступительное слово к докладу)	70
Задачи и методы исторического исследования в деле создания „Истории заводов СССР“ (доклад)	75
Дневник работ конгресса	87
Ф. ЛЕБЕДИНСКАЯ	
Польская выставка на историческом конгрессе	90
Т. РАЙКОВ	
Выставка советской исторической книги на конгрессе	91
П. ЩЕГОЛЕВ	
Маркс, Энгельс и Ленин о Бабефе и бабувизме	92
А. ЛЕВАНДОВСКИЙ	
Лавуазье — антиклерикал и революционер	106
Достижения исторической науки сделать достоянием масс	114
Д. СЛАВИН	
Проблема социальной революции в античном обществе	115
Н. ВОРОНИН	
Изучение докапиталистических формаций на новой ступени (июньский пленум ГАИМК)	119
С. ЛАТТЕ	
К проблемам классовой борьбы в эпоху феодализма (классовая борьба в цехах)	125
ВЛ. ЛЕБЕДЕВ	
Из истории Булавинского восстания (1707-1708 гг.)	134
БИБЛИОГРАФИЯ	
БРИГАДА ИКП ИСТОРИИ: КОЗЛОВ, БЕЛКИН, ЗОРИНА, РЕЙХРУД	
Н. П. Пакуль и В. Ф. Семенов, „Ранние буржуазные революции“ в издании „Всемирной истории“	144
В. БУХИНА	
Революционный путь Горького (Центроархив)	150
Начинаем обсуждение исторических романов и мемуаров	153
Я. РУДОЙ	
Кривое зеркало июля 1917 г. (А. Тарасов-Родионов, „Июль“. Московское товарищество писателей, 1933 г.)	154
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН**. (ответств. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Л. Е. ФРУГ**, **Ф. Б. ФРУМКИНА**

Материал сдан в набор 20/IX-33 г. — 15/X-33 г.
Уполномоченный Главдита № В-56241.

Подписан к печати 31/X-33 г., 5 бум. листов
Заказ № 1920. Издательский № 842

153904 экз. в бум. листе.
Тираж 20000 экз.

Типография газеты „Правда“, Москва, ул. Горького, 48.